

Записки военнопленного

Тюремные воспоминания лидера организации «Шульц-88»

Часть 2

Санкт-Петербург

2016

Благодарность тем, без кого издание этой книги было бы невозможно:

Ирине и Герману Венгервельдам

Сергею Луприхту

Алексею Максимову

Анатолию Гордову

Роману Моисееву

Наталье Менделеевой

Владимиру Суханову

Дмитрию Донцову

Дмитрию Колесову

Александру Клеймёнову

Дмитрию Романову

Владимиру Топчий

Вадиму Розову

Борису Фёдорову

Александру Матросову

Павлу Логвиненко

Сергею Петрову

Петру Силинскому

Владимиру Хоружию

Саше «Доценту»

Андрею Вохонскому

Лексе Крохиной

Михаилу Сазонову

Владимиру Солнцеву

Светлане Семёновой

И другим товарищам.

Все совпадения в книге случайны. События вымышлены.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Вступление

Второе вступление

Зима 2004-2005

Весна 2005

Алекс

Битва с Афганом

Муха-Борман

Кошка

Наркоманы

Ночь

Саша

Экспертиза

Завершение процесса

Приговор

Взрыв

Долгий этап на Выборг
Первая камера и новая провокация
Вторая камера
Шутов
Третья камера
Возвращение в Кресты
Дмитрий Боровиков
Рассмотрение кассационной жалобы, этап
Металка
Грузинская группировка
Режимная бригада
Власть наркотиков
Жизнь и работа в цеху
Жилая зона
Спокойные времена
Люди в зоне
Происшествия в зоне
Мой обычный день в лагере
Новая провокация
ШИЗО
ПКТ
Этап в Яблоневку и приём
Устройство ЕПКТ
События в ЕПКТ
Вселенная книг
Бунт в ИК-5
Садисты в погонах
Заключение

Посвящается памяти погибших товарищей

Вступление

Иногда мне снится, что я сижу на большом валуне у самой прибрежной полосы огромного моря. Ночь, я не вижу почти ничего, на небе нет звёзд, и только шум прибоя накатывается на меня и отступает ежеминутно. Я смотрю в бездонную пустоту тьмы, моё лицо обдувает ветер с морскими брызгами, и вдруг вдали начинают бить гигантские молнии, сопровождаемые громом. И вот на мгновения становятся видны высокие волны на поверхности бескрайней воды и плотные кучевые облака, изнутри озаряемые яркими вспышками. И снова всё погружается во тьму.

Я сижу на холодном тысячелетнем камне. Как оказался я здесь, неизвестно. Я во мраке, и лишь громяющие сверху мощные электрические разряды дают короткий свет.

Так сижу я долго, пока не начинаю видеть среди светящихся впереди облаков видения из своего прошлого. Подобно облакам, освещаемым молниями, они появляются на доли секунды и исчезают, и сердце моё наполняется печалью, ибо того, что было, больше не существует, и остались лишь воспоминания, приходящие во сне, призраки, вспыхивающие над пенными волнами, инграммы, живущие на дне спящего сознания.

Я просыпаюсь, и больше нет ни моря, ни грома, ни молний. Но тени прошлого ещё кружат вокруг меня, почти осязаемые, словно живые. Я смотрю на них, и нет конца моей печали, ведь прошлое не вернётся никогда.

Вступление второе

24 октября 2003 года, в возрасте двадцати четырёх лет, меня арестовали, обвинив по шести статьям уголовного кодекса, среди которых были хулиганство, разжигание межнациональной ненависти и создание экстремистского сообщества «Шульц-88». Несмотря на пугающие формулировки, единственное инкриминируемое Ш88 насильственное деяние заключалось в нанесении побоев уроженцу Армении Гаспаряну. Надо заметить, что лично я и пальцем не тронул Гаспаряна, но мне вменили организацию нападения на него. Я же настаивал, что это была случайная драка в метро перед футбольным матчем, все нападавшие действовали самостоятельно, никак от меня не зависели и руководствовались в своих действиях собственной свободной волей. Другие обвинения касались издаваемых мной подпольных журналов и радикальных высказываний в личных беседах и публичных выступлениях.

Меня водворили в Кресты, и началась шестилетняя эпопея моего заключения.

Освободившись в 2009 году, я решил рассказать о приключениях в неволе и написал книгу «Записки военнопленного», часть 1. Повествование затрагивало первый год моего нахождения в тюрьме.

«Записки-1» нашли благодарного читателя. Тираж был полностью распродан, а число скачиваний электронной версии составило несколько десятков тысяч. Я получил сотни положительных отзывов о произведении и множество просьб написать продолжение книги.

В течение четырёх лет после выхода «Записок-1», будучи погружён в активную общественно-политическую деятельность, я не мог посвящать много времени литературе. Правда, в 2015 году я написал целый фантастический роман на неполитическую тему (http://samlib.ru/n/neizwestnyj_d/obwodnyjkanal-1.shtml). По ряду обстоятельств в конце прошлого года у меня появилось много свободного времени и, начиная с декабря 2015, я всё-таки приступил к работе над продолжением тюремных мемуаров.

На этих страницах я рад представить вам вторую часть «Записок военнопленного», охватывающую события 2005-2008 годов, когда я находился в четырёх различных тюремно-исправительных учреждениях.

Книга, которую вы держите в руках, неполитическая и неидеологическая. В ней нет пропаганды каких-то взглядов и политических идей, она повествует о нелёгкой жизни простого узника российской пенитенциарной системы. Это художественно стилизованные воспоминания, продолжающие традицию «Записок из мёртвого дома» Фёдора Михайловича Достоевского и других русских классических произведений, относящихся к жанру тюремной мемуаристики.

Вряд ли подобное чтение можно назвать приятным, но думаю, что оно должно быть познавательным, увлекательным и, возможно, полезным, заставляющим задуматься, в том числе и о вечных философских вопросах и об их решении в нашу сложную драматическую эпоху.

*За железной дверью похоронный марш -
Дьявол пожирает человеческий фарш!
Пробеги скорее в гроб на костылях,
Героин встречает мертвых на полях!*

*Отворяй ворота, армия бацилл!
Черви вылезают из сырых могил!
Колоти дубиной по его мозгам,
Подыхать собакой должен каждый сам!*

*Мертвый, но живой свой бокал испей!
Прокаженный труп в гроб ложи скорей!
Месяц и туман продает секрет -
Золото и власть за гнилой скелет.
Героин, героин, героин!*

Коррозия Металла «Героин»

Зима 2004-2015

К весне 2005 года я окончательно привык к тюрьме. Привык к утренним проверкам и ежемесячным свиданиям с родными через стекло, к еженедельной помывке в чёрном подвальном крестовском душе, застланном горячим паром, к ежедневным прогулкам в маленьком дворике, привык к дореволюционному ветхому зданию, где всё трескается и рассыпается под гнётом прошедшего века, а фасад покрыт выбоинами от превратившихся в труху и отваливающихся кусков красных кирпичей. Привык к тому, к чему привыкать нельзя.

Зима прошла беспокойно. После того, как друзей-тамбовцев закрыли в ШИЗО, их в наказание отправили по этапу в зоны. Одного я впоследствии встретил в ИК-7, находящейся у Ладожского вокзала Петербурга, а второй, по слухам, уехал в дальний лагерь, куда этап идёт долгие месяцы со многими пересылками – промежуточными точками пути арестантов по бесчисленным тюрьмам огромной России.

Просторную камеру 721 после отъезда бандитов мы делили с Петром и жили тихо, пребывая в самом конце тюрьмы, на первом этаже. Напротив нас находилось какое-то техническое помещение, а галерея была изолирована от верхних этажей, так что нас не беспокоили ни сотрудники, ни зэки.

В большой темноватой камере, с вечно настроенным на «Эхо Москвы» радиоприёмником и безлимитным телефоном, по которому мы с утра до вечера общались со своими, мы провели большую часть зимы, пока не произошло экстраординарное событие.

Однажды утром я проснулся от ощущения, что в камере находятся люди. Открыв глаза, я увидел нескольких офицеров в больших званиях. Не обращая на нас и малейшего внимания, они живо что-то обсуждали. Прислушавшись, я понял, что речь шла о создании в Крестах отделения для малолетних преступников, ожидавших суда. По иронии неблагоприятной судьбы администрация решила отвести под корпус для малолеток именно галерею 7.1. А нашу камеру в связи с её большими размерами (она примерно в полтора раза превосходила по площади обычные) решили превратить в душ.

Уходя, сотрудники крикнули, чтобы мы собирались с вещами на выход. Нашей четырёхмесячной изоляции пришёл конец. Нам пришлось возвратиться к Медведю в 780.

Тюрьма приучила меня к отсутствию стабильности в жизни заключённого. Сегодня ты сидишь с людьми, к которым уже привык, в камере, воспринимаемой как свой, пусть и коммунальный, но всё-таки привычный дом, а завтра, по прихоти невидимой, управляющей судьбами арестантов бюрократии, уже тащишь скромные арестантские пожитки по галерее неизвестно куда. В более широком масштабе это относится и к учреждениям, где содержат заключённых. Зэков переводят не только из камеры в камеру или из корпуса в корпус, но и из одной тюрьмы в другую и из одного лагеря в следующий, возможно, находящийся в регионе страны, отдалённом на многие тысячи километров. Так и мне в течение будущих пяти лет ещё не один раз пришлось поменять место пребывания в скорбных учреждениях пенитенциарной системы.

Через некоторое время у Медведя случился какой-то конфликт с администрацией, и мы втроём отправились в месячную ссылку в одну из маленьких камер галереей ниже, чтобы после решения вопросов вновь вернуться домой.

Потом Медведь внезапно уехал на другой корпус, Петра перевесили на четвёртую галерею седьмого корпуса, а я остался в 780 в абсолютном одиночестве. Однако оно не было долгим – на следующий день камера заполнилась десятком простых мужиков, бывших постояльцев «бомж-отелей», принесших с собой грязь, сиротские сумки и бесфильтровые сигареты «Прима» с резким отвратительным запахом. Я был в отчаянии, видя, как прекрасно отремонтированное бывшее жилище представителей высшего класса организованной преступности медленно, но неумолимо теряет вид не самой плохой гостиницы.

Махнув на всё рукой, я снова съехался с Петром, на этот раз заняв маленькую белую камеру посередине самой верхней, четвёртой галереи. Здесь мы жили вдвоём, пока к нам не перевели смуглого усталого узбека в протёртых спортивных штанах китайского производства, держащего в руках дырявый полиэтиленовый пакет, где помещалось всё его имущество, состоящее из серого полотенца, нескольких одноразовых бритвенных станков, куска мыла и дешёвых резиновых тапок.

На самом деле он был каракалпаком – представителем этнического меньшинства Узбекистана, правда, мало отличающегося от узбеков. Звали его Нияз, и как это

случается со многими азиатами, он приехал в Россию для работы чернорабочим на стройке. Прораб постоянно обманывал их, задерживал и не платил зарплату, ведь все они являлись нелегальными иммигрантами, не имели никакого законного статуса, и потому каждый алчный до денег работодатель или человек, стоящий выше их в трудовой иерархии, стремился обмануть гастарбайтеров. Но даже находящиеся в рабском состоянии бесправные иммигранты, дойдя до отчаяния, способны на совершение радикальных действий. Долго не получавшие денег узбеки однажды взбунтовались и, окружив прораба толпой, схватили его и заперли в вагончике-бытовке. Ему было объявлено, что он не выйдет на свободу до тех пор, пока задолженности не будут выплачены.

Восстание наивных азиатов продлилось недолго. Пленённый прораб вызвал по мобильному телефону милицию и спустя несколько часов был освобождён из места своего заточения. Прокуратура возбудило уголовное дело по статье 127 УК РФ «Незаконное лишение человека свободы», а Нияз и тройка других рабочих стали обвиняемыми и оказались в тюрьме.

Семь месяцев он пробыл в Петербурге, почти не покидая территории стройки. Не видел ни Невского проспекта, ни Эрмитажа, ни музеев северной столицы, ни других красивых мест, находясь круглосуточно на огороженном забором куске развороченной строительством земли на городской окраине. Днём он работал, а ночи проводил в бытовке, где в тесноте на двухъярусных кроватях ютился вместе с земляками – такими же бесприютными голодранцами, приехавшими в Россию за лучшей долей.

Не имея документов, азиаты боялись внешнего мира, справедливо полагая, что встреча с правоохранительными органами может привести к нехорошим для них последствиям. Продукты и всё необходимое им привозил прораб – тоже земляк, но уже долгое время проживший в Питере и натурализовавшийся – то есть имеющий российское гражданство.

Когда Нияз впервые вступил на русскую землю, всё его имущество помещалось в полиэтиленовом пакете. Оказавшись в тюрьме, он снова держал в руках пакет с вещами, содержимое которого не вызвало бы интереса даже у бомжей, роющихся в помойках. Он был не просто бедняком, коих множество ютится в тюрьме, он был абсолютным нищим, не имеющим ничего – ни вещей, ни поддержки с воли, ни даже общения. Где-то далеко за тысячи километров в солнечном Каракалпастане жили его жена и дети, но они не могли посылать ему передачи или просто прийти на свидание.

Как жилось азиату вместе с русским националистом в одной камере? Думаю, ему было очень неплохо. Мы жили по тюремным меркам относительно богато, никогда не ели баланды, имели всё необходимое сверх меры. Что-то перепало и Ниязу, занимавшемуся в камере бытовой работой. Никто не принуждал его к чему-то и не притеснял, он и сам был рад выполнять уборку, стирать, мыть посуду и т. д. Взамен он получал от нас различные бонусы в виде дополнительного питания, сигарет, чая и вещей.

Нияз обладал покладистым характером, как и большинство узбеков, встретившихся мне в тюрьме. Ни на что не претендовал, держался скромно, выполнял все поручения. Поэтому наши взаимоотношения не приводили к конфликтам. Правда, в отличие от этого большинства, его преступление, не связанное с насилием над женщинами и детьми, не вызывало осуждения сокамерников, что во многом и обуславливало терпимое к нему отношение. К тому же он был один, а поодиночке азиаты обычно не представляют собой опасности или угрозы, если, конечно, речь не идёт о представителях слабого пола, для которых встреча с этническими преступниками на свободе может оказаться роковой.

Весна 2005

Итак, пришла весна, моя вторая весна в заключении. Тюрьма к тому времени порядочно разгрузилась, народу в камерах находилось немного, а значит, в атмосфере Крестов стало меньше эмоциональной напряжённости и больше покоя. В суровые девяностые годы, во времена, когда число арестантов в несколько раз превышало лимит, СИЗО лихорадило от непрерывной борьбы за жизненное пространство, от противостояния людей, доведённых до безумного отчаяния в душливой тесноте камерных мешков. Сложно представить, как в камере, где мы жили теперь вдвоём - втроём, могло поместиться 15-20 человек и какие драмы непрерывно происходили здесь, на восьми квадратных метрах, ставших ареной выживания заключённых сюда силой государства людей.

Тогда окна в Крестах с внешней стороны ещё были закрыты так называемыми «ресничками» - металлическими полосками-жалюзи, закрывавшими обзор и добавлявшими страдания заключённым. Не хватало воздуха и в жаркие летние дни: утром на проверке из камер выносили трупы тех, у кого не выдержало сердце – прежде всего, пожилых арестантов. И иногда случалось, что число погибших за сутки могло обозначаться двухзначной цифрой.

Каждому человеку необходим минимум личного пространства, хотя бы своё место на кровати, чтобы можно было выспаться и отдохнуть, не нарушая пространства других. В прошлые же времена заключённые в Крестах спали посменно, и пока одни отдыхали, другие стояли толпой в узком проходе, не имея возможности размять затекающее тело, обливаясь потом от духоты, вызванной недостатком свежего воздуха.

Но вот пришли другие времена, и реснички убрали с окон, а централ разгрузили. Половина мест в нашей камере пустовала, и в открытое настежь окно вливались потоки воздуха и света. Выкрашенные в белый цвет стены не смущали глаз, мешок с продуктами внушал некоторую уверенность в завтрашнем дне, а надёжно запрятанный до вечера мобильный телефон даровал предвкушение общения с родными и близкими.

Уверен, большинству людей условия нахождения в тюрьме покажутся адом. 23 часа в сутки ты находишься в маленьком пространстве камеры – не более десяти квадратных метров, большая часть из которых занята трехъярусными кроватями и туалетом. Для передвижения есть только узкий проход, и не всегда получается развернуться так, чтобы не застрять в проёме.

И всё же человек привыкает ко всему, и в этом залог успеха его борьбы за место под солнцем среди всех других живых существ.

Всё относительно и познаётся в сравнении. Свободный гражданин наверняка ужаснётся судьбою узника, заключённого в крохотной камерке, но узник может считать иначе, ибо он пользуется уже другой системой оценок.

Давление тюрьмы на человека тяжело, и не каждый способен долго выдерживать этот пресс, не сломавшись и не сойдя с ума. Однако мне посчастливилось попасть в не самые худшие условия существования. В последний год, с тех пор как закончилось следствие и меня перестали катать по камерам, требуя признательных показаний, репрессии прекратились, жизнь стабилизировалась и пришла в состояние покоя. Крупных конфликтов с сокамерниками тоже не было.

Я знал, что мне дадут много, но не пожизненное и даже не больше десяти лет, и меня это устраивало. Бороться против государственной машины – всегда опасная игра, тем более в России. Что ж, я заплачу недешёвую цену за проявленную дерзость и непокорство. А после выйду на свободу и, возможно, впишу новую страницу в историю.

Товарищи на свободе не бросили меня, и это вселяло уверенность в завтрашнем дне. Я был полон сил и оптимизма.

В городе в тот год было неспокойно. Не проходило и месяца, чтобы не произошло громкое убийство по национальному мотиву. От ножа и пули, под колёсами поезда метро или из-за травм, нанесённых завёрнутой в газету арматурой, гибли кавказцы, негры, азиаты. Очевидно, что разгром Шульц-88 не снизил градус накала уличного насилия, а только увеличил его. Если вчера на весь город существовала всего одна радикальная группировка, то теперь их на первый взгляд не было вовсе, но жертвы множились день ото дня, а сбившиеся с ног правоохранительные органы оказались неспособны остановить волну уличного террора.

Из своей тюремной камеры, окно которой выходило на Неву, я взирал на происходящее с интересом. Ежедневно прослушивал новостные передачи на радио, читал газеты. Самые интересные материалы мне скачивали с интернета, распечатывали и передавали в тюрьму.

Несколько раз я давал развёрнутые текстовые интервью, в которых подробно информировал читателей о собственном мнении по самым различным вопросам.

Я, как обычно, много читал, и не только художественную литературу. Меня всё больше привлекали науки – социология, психология, социальная психология. Немалую дань я отдавал и истории.

Анализируя ситуацию в стране, я предполагал, что Россию в будущем ждут грандиозные социальные потрясения, неизбежные после завершения периода стабильности. Но что конкретно нас ждёт в будущем, я, разумеется, не знал. Передо мной стояла куда более прозаичная задача – выйти на свободу живым, здоровым и подготовленным к борьбе. До того предпринимать какие-либо действия не имело смысла. Однако конец тюремного заключения оставался неопределённым.

В моей камере царили покой и комфорт, размеренная жизнь. Я редко вставал раньше часу дня, а проснувшись, завтракал и отправлялся на прогулку. После следовало прослушивание радиопередач, занятия спортом, поздний обед и самое лучшее время - тёплый вечер, плавно переходящий в ночь, когда я читал, занимался творчеством и разговаривал по телефону.

Апрель в том году выдался холодным, что традиционно для Питера, но май не подкачал, уже в первой декаде преодолев двадцатиградусную отметку. После длинной, тёмной и сырой зимы душа тянулась к теплу и свету, и будто оттаивала от солнечных лучей, тёплых потоков воздуха и пенья птиц за окном. Весна помогла взглянуть на жизнь в тюрьме под другим углом, и вот уже лица арестантов стали казаться не такими угрюмыми, а лица сотрудников не столь равнодушными, как раньше, и мысли волшебным образом очистились от внутренних терзаний, накопившихся в душе за долгую безрадостную зиму.

Хотелось привнести в жизнь что-то позитивное, и я стал более активно заниматься спортом, отжимаясь от пола и делая другие физические упражнения.

Если зимой случалось, что и не хотелось идти на прогулку в заваленный снегом тёмный дворик, то отныне я не пропускал ни одной возможности, чтобы оказаться вне здания. Ходил на свидания с матерью, на встречи с адвокатом и к своему поделнику Алексу.

Алекс

Двумя этажами ниже сидел поделник – Алексей Вострокнутов, мой друг с давнего детства. Оба мы когда-то завоёвывали улицы, побрив головы под ноль, жили драками, концертами, субкультурой, всем тем, что придавало смысл жизням бритоголовых русских подростков буйных девяностых годов двадцатого века. Мы жили в центре и бесконечно ходили друг к другу в гости, выпивали пиво, делали себе грозные татуировки, затевали потасовки на улицах, ездили в Москву на «собаках» (то есть на электричках), в общем, являлись настоящими героями песни «Два скинхэда, два брата» культовой московской группы Коловрат. Уже в начале нулевых, когда возникла радикальная группа, именуемая «Шульц-88»,

Алекс не остался в стороне и присоединился к общему движению. После того как меня арестовали, следователь управления по особо важным делам горпрокуратуры Тихомиров потребовал, чтобы он дал показания на меня в обмен на подписку о невыезде и условный срок, но Алекс был не таков. Его закрыли на целый год только потому, что он отказался предавать нашу скреплённую годами дружбу.

Так получается, что в этой моей книге будут воспоминания о тех, кого уже нет. Время безжалостно, оно уничтожило многих дорогих мне людей. Пусть на этих страницах вечно будет жить память о них.

Первый товарищ и друг, растворившийся в небытие, о котором я расскажу - это Алекс.

Он был настоящим бойцом, человеком со стержнем внутри. Простой и верный дружбе, живущий по священным принципам товарищества и братства. Во многих сражениях, которыми была отмечена наша беспокойная юность, он никогда не отступал назад, и на его поддержку я всегда мог рассчитывать, какой бы сложной не казалась порой ситуация. Ценности взаимопомощи и взаимовыручки в беде являлись для него не пустым звуком. Так и после начала жёстких репрессий против меня и Шульц-88 он не пошёл на поводу у системы, предпочтя пожертвовать своей собственной свободой ради чести и верности. А ведь ему было что терять: на воле его ждала любящая жена, впоследствии родившая ему сына.

В тюрьме мы виделись часто. Встречались в кабинетах для встреч с адвокатами и следователями на первом корпусе Крестов, ходили вместе на прогулки, обменивались посланиями, переданными через рабочих-баландёров, перекрикивались между камерами, когда это позволяло расстояние и обстановка.

Алексу вменили участие в экстремистском сообществе и в избиении армянина на станции метро «Пушкинская» - не тяжкие статьи, и всё же около года ему пришлось провести в заключении, чтобы в дальнейшем быть оправданным по приговору суда. Спустя долгие годы после моего освобождения мы встретились вновь. У Алекса к тому времени родились уже двое детей, и он много работал, чтобы обеспечить семью всем необходимым. И тем не менее он и тогда оказывал поддержку мне и моему новому общественному движению – моральную, материальную и техническую.

Трудился он промышленным альпинистом – опасная, рискованная профессия, и именно она стала причиной его трагической гибели в 2011 году. Он упал с высоты и разбился, погиб неожиданно, в расцвете жизненных сил. На Южном кладбище мы похоронили его, укрыв его грудь партийным флагом, отдав товарищу последний римский салют.

Поэт Всеволод Емелин, встретивший его однажды в одной из компаний, писал об Алексее, что на общем фоне тот выделялся белой рубашкой и чёрными брюками,

внося напряжение и тревожность. Но тревожиться нужно было лишь врагам. А в сущности, Алекс не был злым человеком.

Несколько слов об его увлечениях. Когда мы были подростками, неизвестно кто из нас двоих больше читал. Его книжная полка говорила о разносторонних интересах. Там стояли и книги по истории, особенно касающиеся коллаборационистских подразделений второй мировой войны, и философские сочинения, и модные контркультурные тексты. Именно Алексей познакомил меня с творчеством музыканта Сергея Калугина, которое пришлось мне по душе и до сих пор вызывает яркий отклик.

С раннего детства Алекс не был домашним мальчиком и жил настоящей жизнью, без страха принимая все её удары и дары. Словно герой повестей Джека Лондона, он испытал и радость тяжёлого труда, и жизненные бури. Он работал на стройках и долгое время был контролёром в пригородных электричках, сутками находясь на ногах, не гнушался никакой работы. Жил в коммуналке в Апраксином дворе, без горячей воды и ванны, и прошёл жёсткую школу жизни. Помню, он рассказывал об эксперименте на выживание, который ставил сам на себе. В 18 лет совершенно без денег он уехал в Москву, где никого не знал, и пробыл там несколько недель, поставив задачу выжить в незнакомой и чужой среде. В начале 2000-х он пробовал себя и в бизнесе, но в конце концов стал частью русского рабочего класса, гордясь тем, что зарабатывает на жизнь своими руками. Погиб на 31-м году жизни.

Битва с Афганом

Дежурил на нашем корпусе инспектор Саша, которого называли Афганом. Работал он корпусным, то есть открывал двери камер утром на проверку и каждый раз, когда нужно было вывести заключённого – на свидание ли, к оперу, или для перевода в другую камеру. Был он в целом неплохим парнем, дружелюбным и весёлым, и всегда не прочь был подзаработать. Он водил зэков в гости, открывал прогуляться по галереям, приносил водку и телефоны, в общем, без лишних вопросов оказывал всевозможные коррупционные услуги.

Однажды летом то ли в шутку, а то ли всерьёз у меня развился с ним конфликт. Дело в том, что у меня в камере всегда находился мобильный телефон с безлимитной симкартой, за который я никогда никому не платил. Для ментов же телефоны являлись источников непрерывного дохода. Они «отшманивали» их на обысках, а потом возвращали за определённую сумму в зависимости от модели мобильника, брали немалые взятки за то, чтобы «решить вопрос» и не оформлять изъятие, грозящее помещением в холодный карцер. Ну а я так надёжно прятал свою трубу, что никогда никто её не находил.

Афган знал, что в нашей камере есть телефон, и он поставил себе целью найти его. Для этого он повадился внезапно врываться среди бела дня и вечером в камеру, тихонько подкравшись к ней, не привлекая нашего внимания. Однако я не

терял бдительности, стараясь по возможности доставать трубу из тайника только с наступлением темноты, и внимательно прислушивался к происходящему за дверью, будучи готовым в случае «взрыва» немедленно вновь спрятать телефон.

Корпусные дежурили сутки через трое, и как только наступала смена Афгана, я уже внутренне готовился к борьбе против хитрого инспектора, намеревающегося лишить меня самой важной для заключённого вещи.

Атаки продолжались не одну неделю, и всё-таки найти и забрать мой мобильник Афган не смог.

Как-то раз он ворвался днём в камеру, видимо, намереваясь настичь меня на месте нарушения правил, то есть в момент телефонного разговора, открыл дверь с поразительной быстротой и увидел мирную картину чаепития. Мы сидели вдвоём на нижнем ярусе кровати, пили чай с медовыми пряниками, с видом полнейшей непричастности к каким-либо проступкам.

Инспектор проверил розетки, задрал матрасы верхних шконок, заглянул под подушки и, ничего не обнаружив, с досады сказал:

- Шульц, я же знаю, что у тебя есть труба! И поверь, я рано или поздно её найду! Предлагаю мирно договориться.

- На каких условиях? – спросил я.

- Пятихатка в месяц и пользуешься мобилой в мою смену совершенно свободно.

Я отрицательно покачал головой.

- Да это же смешные деньги, тем более для тебя! Я ж вижу, как тебя соратники греют.

- Сань, это несерьёзный разговор. Пойми, что если я каждому инспектору буду платить абонентскую плату просто так, то у меня никаких денег не хватит, пойду по миру с вами. Вас же в Крестах тьма! Да я готов платить, но только за конкретные услуги.

Афган ничего не сказал в ответ, но аргументы принял. После этого разговора охота за моим мобильником прекратилась.

Всё, что я сказал ему, являлось истинной правдой. Хотя в середине нулевых годов двадцать первого века стоимость коррупционных услуг на петербургских централах в целом была относительно невелика, не представлялось большой сложностью потратить на продажных ментов целое состояние.

Желая обустроить скромный тюремный быт разного рода послаблениями, постояльцы Крестов с деньгами платили часто и много. Мы платили за дополнительное время на прогулках, за лучший дворик, за возможность дольше мыться в душе и в хорошей отремонтированной кабинке, покупали себе личные камеры, разрешения на электроплитки, телевизоры и холодильники,

дополнительные свидания, нужные этапы, оплачивали «ноги», то есть пронос запрещённых предметов и многое-многое другое. Сотни складывались в тысячи, а тысячи в десятки тысяч, а ведь немало денег ещё уходило на продукты питания, мобильную связь, одежду и книги. В 2004-2005 годах находясь в СИЗО-1, я обычно тратил по 15-20 тысяч рублей в месяц, и это позволяло мне значительно улучшить условия содержания, но в то же время эта сумма равнялась не самой плохой заработной плате на свободе. Я же нигде не работал, сидя в тюрьме. Пользуясь случаем, хочу ещё раз поблагодарить всех друзей и соратников, помогавших мне в те чёрные шесть лет жизни. Без вашей поддержки пребывание в застенках пенитенциарной системы РФ стало бы для меня несоизмеримо более тяжким испытанием.

Раз уж речь у нас пошла о тайниках, в которых я прятал телефоны, то имеет смысл рассказать немного об этой теневой стороне жизни российских заключённых.

Нет никакого преувеличения в именовании мобильного телефона самой важной для арестанта вещью. Телефон – это связь с внешним миром, современное средство коммуникации, радикально меняющее качество жизни заключённого. Если говорить о свободном мире, то можно сравнить его с интернетом. Свободный человек, лишённый выхода в сеть, в нашем мире подобен узнику, лишённому важнейших возможностей. Так и настоящий узник, оказавшись без телефона, тем самым теряет ключевую нить, связующую его с реальным миром.

Во времена недавнего прошлого зэки общались между собой исключительно с помощью «маляв» - записок мелким почерком, обычно запаенных в целлофан из сигаретных пачек, передаваемых через баландёров или с помощью «дорог» - натянутых между камерами верёвок. Данные способы передачи информации существуют и сейчас, как на свободе существуют бумажные письма и стационарные телефоны. Но новые средства коммуникации совершенно изменили мир людей, не исключая и тех, кто заточён в тюремных камерах России.

Главным моим страхом в Крестах было потерять телефон, поэтому я прилагал максимальные усилия к тому, чтобы его не отменили на обысках. Без мобильника я бы лишился связи с волей, потеряв возможность собирать деньги среди друзей, организовывать подношения ментам и передачи, затащить запрещённые предметы, следить за развитием ситуации в движении, к которому принадлежал. Жизнь моя стала бы скучной и безрадостной, ведь душой я продолжал находиться там – за кирпичным забором Крестов, на святой свободе.

Главное правило безопасного пользования мобильной связью заключалось в том, что в дневное время, когда проходило большинство обысков, мобильник находился в тайнике. Местонахождение последнего менялось – иногда это было укромное место под раковиной, куда физически сложно было заглянуть, либо внутри плотной непрощупываемой подушки, каждый раз заново зашиваемой ниткой. Длительное время я прятал телефон в толстом матрасе, слегка надорвав его боковой шов. Самое необычное место хранения телефона находилось и вовсе

за пределами камеры – на железном кронштейне, вбитом в наружную стену у окна. Сотовый упаковывался в полиэтиленовый пакет и путём сложных ухищрений привязывался к торчащей из стены железке. Для внешнего наблюдателя это выглядело, будто старый кусок оборвавшейся «дороги» с не представлявшей ценности грузом зацепился случайно за кронштейн.

Доставался мобильник вечером, и все переговоры по нему велись с большой осторожностью, негромко, чтобы проходящий за дверью инспектор ничего не услышал. Нужно было быть готовым в любой момент быстро спрятать телефон, и такие ситуации периодически возникали.

Моя осторожность приносила плоды – в течение всего судебного следствия 2004-2005 годов вплоть до приговора ни разу у меня не изымался телефон, тогда как у многих других арестантов, сидящих поблизости, трубки часто «отметались», что причиняло им массу проблем и немалые финансовые затраты.

Муха-Борман

Как-то раз в подвальном собачнике Крестов, куда меня поместили перед очередной поездкой в суд, я встретил старого знакомого – Алексея Максимова, известного в скинхэд-среде под прозвищем Муха, а в местах лишения свободы как Борман.

Муха-Борман является выходцем из предыдущего, старшего поколения питерских бритоголовых. Мы с ним раньше встречались в 2000 или 1999 году на свободе, а теперь спустя четыре года увиделись в тюрьме.

Алексей на тот момент отбывал уже второй срок. Отсидел два года в конце девяностых за операцию «белый вагон». А сейчас восемь лет за зарезанного еврея.

Даже в тюрьме Муха продолжал придерживаться брутального стиля национал-социалистического уличного бойца: носил бомбер, высокие ботинки и стрижку под ноль. Коренастый и плотный, далеко за сотню килограмм весом, он днями напролёт занимался спортом, поддерживая себя в хорошей физической форме. Кавказцы и азиаты, встречая Алексея в собачниках во время поездок в суды, из всех сил старались не выделяться в общей массе, предпочитая не привлекать к себе внимание в его присутствии.

Когда-то Муха возглавлял группировку Totenkopf, возникшую изначально в качестве команды поддержки одноимённой петербургской музыкальной группы – первой на российской «правой» скинхэд-сцене, фактически её создавшей. В былые года Totenkopf имели грозную репутацию, и позднейшие «шульцы» кое-что почерпнули и от них.

Муха не курил, давно отказался от алкоголя и тем более не имел никаких дел с наркотиками. Его камера в Крестах была завешана флагами со свастиками, туда

стекались другие скины, она стала оазисом белого мировоззрения на центральном, поражённом язвами наркомании и воровского движения с южным этническим лицом. Под звуки жёсткой WhitePower музыки скинхэды яростно тренировались, делали новые татуировки, читали идеологическую литературу, сохраняя себя среди враждебного окружения.

Ещё одна его черта – он очень неплохо играет в шахматы. Странное хобби для скинхэда-бойца, не правда ли? Маленькая деталь, говорящая о сильном логическом начале в мышлении Мухи, о его способности концентрировать внимание и мыслить аналитически. Не всегда стоит, видя татуированную гору мускул, оценивать человека согласно расхожим стереотипам.

Волевой характер и высокий самоконтроль, хорошее физическое развитие, грамотность, честность, верность идеалам. Всё это Муха.

Приятно было встретить старого соратника по борьбе. Мы обменялись телефонными номерами и после стали поддерживать регулярную связь. Он уже пять лет находился в Крестах и знал много полезного о неволе, но при этом оказался почти оторван от событий в движении. Я же был в курсе всех подвижек на свободе и делился с ним информацией, свежими новостями.

Отрыв заключённого от его привычного социального окружения на свободе – печальная неизбежность. С каждым годом воля всё дальше, всё слабее память друзей об арестованном товарище, а ведь они порой умирают, уезжают или сами садятся за решётку, и новые соратники уже не знают старых бойцов, пленённых системой. Но с разрушением старых социальных связей неизбежно возникают другие – в новой среде неволи. И чем больше проходит времени, тем меньше контактов остаётся со свободой. Но тем важнее связь со своими внутри огороженной забором мрачной тюрьмы.

В течение последующих лет в заключении общение с Алексеем имело важное для меня значение. В дальнейших главах я ещё не раз напишу о нём.

Кошка

Помимо людей за решётками и заборами тюрем живут и другие живые существа. О крысах я уже писал в первой части книги, но их вряд ли можно назвать заключёнными, поскольку, обладая маленьким юрким телом, они наверняка имеют возможность проскальзывать с территории централа на волю, воспользовавшись какой-нибудь щелью или заброшенными подземными коммуникациями. Другое дело – кошки. В петербургских Крестах в нулевых годах двадцать первого века проживало несколько десятков кошек, так же как и люди изолированных от большого мира стенами тюрьмы.

Как кошки попадали сюда? Видимо их приносили сотрудники, быть может, для борьбы с распоясавшимися крысами, как поступают работники Эрмитажа, или в качестве «запрета», за деньги приносимого каким-нибудь бандитам, любителям

животных. Это, кстати говоря, не шутка. Среди участников жестоких банд 90-х, повинных во многих особо тяжких преступлениях, мне иногда встречались люди, с особенной любовью относящиеся к братьям нашим меньшим. А на соседнем корпусе жил один серийный убийца, занимавшийся в камере выращиванием цветов. Впрочем, как замечал Джордж Оруэлл, преувеличенная любовь к животным может скрывать запредельно жестокое отношение к людям.

Так или иначе, в Крестах образовалась приличная колония кошек. Они лазали по галереям и везде, куда могли проникнуть, выпрашивали у эков еду, дрались, играли в брачные игры и размножались.

Тюремные кошки вели независимый образ жизни. Некоторых подкармливали в определённых камерах, но непрерывная текучка постояльцев СИЗО не давала кошкам обрести постоянных хозяев. Возможно, это им и не было нужно. Пушистые существа прекрасно себя чувствовали, будучи условно свободными в периметре тюрьмы.

Я тогда сидел на четвёртой – самой верхней галерее седьмого корпуса с традиционным видом на Неву. Вдоль пятнадцати окон, смотревших на набережную с высоты четвёртого этажа, протянулся узкий кирпичный карниз – сантиметров двадцать шириной. Я не поверил своим глазам, когда однажды увидел, как за окном по выступу прогуливается серая полосатая кошка. Не знаю, куда и откуда она осуществляла свой променад на высоте полутора десятков метров, но с тех пор я часто стал замечать кошачий грациозный силуэт, проходящий с наружной стороны окна. Я всегда любил животных, и кошек в частности, и поставил целью приручить пушистого зверька.

Для налаживания психологического контакта с очаровательным существом я, разумеется, использовал съедобные подношения. В ход пошли копчёные колбасы, сыр и тушёнка – самые ценные вещи в продуктивном наборе арестанта. Однако привередливое млекопитающее не слишком заинтересовалось этим. Я подсовывал угощения через решётку «отсекателя» в окно, клал их на карниз, а кошка, обнюхав еду, без особенной охоты съедала только её часть, либо вовсе лениво переступала через вкусности и шла по своим делам дальше. Я отказывался от лучших продуктов скудного тюремного рациона, а ей моя еда приходилась не по нраву! Она вела себя как типичная женщина. План приручения животного терпел крах.

В те времена я покупал большое число продуктов у рабочих-«диетчиков». Они приходили прямо к камерам и предлагали за наличные деньги приобрести картошку, мясо, яичный порошок и другие продукты, украденные из столовой для продажи. Иногда я покупал у них куриное филе. Однажды выяснилось, что именно этот продукт является наиболее желанным лакомством для кошки. Если я предпочитал сытную свинину и говядину, то кошка сходила с ума от мяса птицы. Ради кусочка куриного филе она готова была на всё. Ключ к решению проблемы был найден!

Так у меня в тюрьме появилась своя кошка, проходящая в окно четвёртого этажа. Она пролезала сквозь прутья решётки, чтобы насладиться филе, покупаемым теперь мной впрок, и надолго оставалась в камере. Как-то раз она съела целый пакет курицы, и животик её настолько раздулся, что она застряла в квадрате решётки, протиснув туловище лишь до половины. Нашему смеху не было конца!

Присутствие кошки действовало тонизирующим образом. Поев, она не сразу уходила, а забиралась ко мне на постель, и, свернувшись клубком, спала, или мурлыкала, когда я её гладил. В стрессовых условиях следственного изолятора общение с животным стало бесценным даром, намного улучшающим качество той тени от нормальной человеческой жизни, влачить которую изо дня в день мы были обречены.

Наркоманы

Пётр уехал, и я остался вдвоём с узбеком. Иногда к нам в камеру закидывали разный мелкий уголовный элемент, когда на неделю, а когда и на месяц. Я уже являлся тюремным долгожителем и смотрел на мелькающие лица появляющихся и спустя короткое время исчезающих сокамерников как на временных пассажиров, в отличие от меня проходящих в Кресты ненадолго. Так оно и было: обвиняемые по мелким делам арестанты быстро осуждались и уезжали в зону иногда всего за два-три месяца. Соответственно, у них не возникало необходимости и желания качественно организовывать свой тюремный быт. Да и возможностей не было.

Ко мне в камеру попадали разные люди: совсем молодые и уже средних лет, обвиняемые в воровстве, мошенничестве, хулиганстве и грабежах, взятые с наркотиками и на угнанных автомобилях, многократно судимые и первоходы. Где-то к 2005 году я уловил сходство, касающееся подавляющего большинства арестантов в тюрьме, включая сокамерников, людей из других камер и рабочих. Все они были наркозависимыми.

Когда в конце 2003 года я впервые попал в Кресты, то местный оперативник по просьбе «оборотня в погонах» Георгия Бойко посадил меня к религиозным кавказцам, не употреблявшим ни алкоголь, ни наркотики и даже не курившим. В те времена уже немало наркоманов находилось на центральной, и всё же присутствовала определённая доля презрения по отношению к ним со стороны старых сидельцев. Теперь же всё изменилось. Кресты превратились в настоящий наркорассадник. Я спрашивал себя, что происходит на воле, если среди вновь прибывших в тюрьму 99% - это наркоманы?

За годы тюрем и лагерей я повидал немало наркоманов и изучил их сущность досконально. Думаю, тем, кто не имел такого опыта общения, будет интересно прочитать мою характеристику этого заболевания.

Наркомания напоминает мне эпидемию зомби из фильмов ужасов с той лишь разницей, что она не уничтожает полностью человеческую личность, но сильно

изменяет её и полностью подчиняет себе в короткие сроки, формируя новое сознание, всецело подчинённое влечению к наркотику. Конечно, существует множество дурных пристрастий и зависимостей, таких как алкоголизм или табакокурение, оказывающих большое негативное воздействие на поведение, здоровье и моральный облик человека. И всё же героиновая наркомания, о которой здесь идёт речь, представляет собой явление намного более страшное. Внешне наркоман может казаться всё тем же человеком, но внутри него живёт незримая сущность, без остатка повелевающая им, уничтожающая все проявления человеческого.

Последнее хорошо заметно по поступкам наркоманов в отношении собственных близких родственников, родителей. Люди бывают и злы, и эгоистичны, они вступают во взаимные конфликты, нападают друг на друга, конкурируют, пытаются доминировать. Однако у большинства участвующих в процессе внутривидовой борьбы людей есть моральные табу, связанные с родными и близкими. Уважительное отношение к матери, сопряжение личных интересов с интересами родни, забота о своих детях – нравственные императивы абсолютного большинства людей.

Не так у наркоманов. Наркозависимый, находящийся в стадии полного подчинения страсти к наркотику, готов преступить любые нормы морали, обворовать родных, ограбить мать, забрать деньги, принадлежащие его ребёнку. Нет никаких пределов для наркомана, ищущего удовлетворения влечения к наркотику. Он может напасть на бабульку, вырвав у неё сумку с пенсией, вынести из своего дома телевизор и ценные вещи, совершить любое преступление.

Типичная ситуация в тюрьме. Вполне половозрелый наркоман, измучившийся без порошка, звонит матери и говорит, что у него возникли серьёзные проблемы. Дескать, он по натуре горячий парень и не смог сдержаться в ответ на неуважительное поведение сокамерника. Врезал грубияну, что-то сломалось, и теперь ему корячится новое уголовное дело и соответственно увеличение срока. Какая мать не встревожится от таких вестей? Далее он говорит о способе решения проблемы – взятке в размере 500 долларов, и задумка морального урода удаётся – мама переводит деньги на указанный счёт, и скоро в камеру приносят «его прелесть». Поистине героин меняет человека, лишая его всех нравственных ценностей, глубоко проникая в него, как Единое Кольцо Врага, придуманное Толкиным, иссушающее внутри человека всё благородное, порабощающее его и превращающее в безвольную марионетку Извечного Врага.

Героин получает власть над человеком постепенно, но неумолимо. Сроки полной внутренней капитуляции зависят от силы личности. Я видел очень сильных духом людей, бывших профессиональных спортсменов, годами сопротивлявшихся внутренней деформации, вызванной воздействием героиновой зависимости. Они не могли отказаться от порошка, однако всеми силами пытались сохранить верность вещам, бывшим для них аксиоматичными, таким как ответственность за слова и поступки, преданность семье. И всё же спустя годы наркотик однажды полностью забирает их, и от прежнего человека ничего не оставалось, кроме

оболочки, только внешне его напоминающей. Они теряли свою систему ценностей, теряли доверие друзей и любовь родных, предавали всё, что только могли предать, превращаясь в асоциальных одиночек и изгоев. Другие, более слабые, без стального стержня внутри и самодисциплины, отдавались власти героина легко, от нескольких уколов до двух-трёх месяцев употребления. Итог же и у тех, и у других был в конце концов один – слом личности, полная моральная, а после и физическая деградация, засасывание в воронку саморазрушения, из которой уже не выбраться.

Люди, одержимые наркотиками, внешне в большинстве случаев сохраняют человеческих облик. Хотя демон героина крепко гнездится в их мозгу, у них не вырастают рога или копыта и нет хвоста. Некоторые из них, возможно, даже излечимы, если они ещё не очень долго торчат и сохранили в себе остатки лучших устремлений. Но до тех пор, пока они больны, вопрос о том, можно ли считать этих индивидуумов полноценными в моральном отношении людьми, остаётся открытым. Я бы рекомендовал остерегаться их.

На мой взгляд, болезнь наркомании значительно опаснее, чем о ней принято думать. Мы живём в государстве всеобщей безответственности, где проблемы никогда не решаются на стадии их возникновения, и оттого последствия управленческих ошибок безгранично велики. Катастрофичная ситуация с наркоманией, сложившаяся в нашей стране по причине попустительства власть предержащих, вопиёт о необходимости принятия самых решительных мер борьбы. Есть положительный опыт, наработанный такими людьми, как Евгений Ройзман; нужно лишь применить его в масштабе, адекватном распространению проблемы. Но сбудется ли это без изменения сути политической системы в РФ, вопрос риторический.

Ночь

Ночь. Радиоприёмник настроен на радио «Рекорд», и в камере играет бесконечный электронный транс. Без начала и конца звучит ритмичная танцевальная мелодия.

Нияз затих на верхней шконке. Он спит и, наверное, видит солнечную Каракалпакию, родной глинобитный дом на краю пересыхающего Аральского моря и своих детишек, носящихся в клубах жёлтого песка.

В камере выключен верхний свет – роскошь, доступная в нашей камере, оснащённой выключателем. Работает только переноска – длинный провод с зажимом, на конце которого лампочка в патроне. Я зажёл её в нише первого этажа кровати, укрепив за металлические листы вверху; тут я уютно расположился на трёх матрасах, обложенный книгами и тетрадями с записями, скрытый от глазка в двери шторкой.

На галерее какие-то подозрительные шуршания и постукивания. Арестанты налаживают дороги, перекидывая из кормушек верёвки с грузом. Кормушки (маленькие окошки в дверях) на ночь закрывают, но умельцы открывают их изнутри при помощи отрезков стальной проволоки. По дорогам из камеры в камеру отправляются записки и узелки с сигаретами и чаем. Ночью, когда корпусные спят, тюремная почта работает безотказно.

- 785, принимай! – раздаются сигнальные призывы.

- Тяну, - слышен ответ.

- Дома. Спасибо, братишка!

- От души!

Ценный груз достиг своего адресата.

На набережной летом тепло. Рыбаки стоят у парапета и ночью. На тротуаре веселится компания девчонок-заочниц, они выпивают что-то из жестяных банок, смеются, танцуют на асфальте, ловят прилетающие из окон Крестов по воздуху записки и отвечают на них с помощью специальных жестов. Угловые камеры соседнего корпуса настолько близко стоят к стене, что зэки могут перекрикиваться с девчонками.

Нева тиха, и лишь проходящие мимо прогулочные теплоходы раз в час приносят шум винтов, бьющих об воду, смех отдыхающих людей, звуки музыки, играющей на палубе. Летом четыре-пять кораблей курсируют по Неве туда и обратно всякую ночь.

Вот один из кораблей внезапно остановился прямо напротив Крестов и подплыл к самой набережной. В ночной тишине полилась песня, исполняемая под аккомпанемент синтезатора:

- Кольчик, накопи мне купола,
Рядом чудотворный крест с иконами,
Чтоб играли там колокола
С переливами и перезвонами...

Думаю, в те минуты все прильнули к окнам, затаив дыхание. Видимо, кто-то из числа бывших местных постояльцев заплатил за маленький концерт, желая порадовать узников.

Я читаю книгу Александра Зиновьева «Запад», наслаждаясь логически безукоризненным анализом системы западной социальной организации общества. Ночью мозг работает быстрее, да и тишина способствует эмоциональному успокоению и высокой концентрации внимания.

Ночью в камере почти интимная обстановка - при выключенном верхнем свете очертания предметов растворяются в темноте. Звучит негромкая музыка, прохладный воздух вливается в окно.

- Восемь два один, восемь два один! – вдруг раздаётся голос на галерее.

Это номер нашей камеры, и я подхожу к двери и открываю кормушку. Нас зовут с противоположной стороны, где сидит смотрящий за корпусом – молодой бритый парень с широким румяным русским лицом.

- Книги есть? – спрашивает он.

- А что конкретно интересует? – отвечаю я.

- «Тайная доктрина» Елены Петровны Блаватской, - так и говорит он, уважительно называя полностью её имя, отчество и фамилию.

- Нет. Есть «Хлеб с ветчиной» Чарльза Буковски.

Смотрящий отрицательно мотает огорчённой головой, и она скрывается в кормушке. Я возвращаюсь к чтению, стараясь не думать о том, что это было.

Спустя некоторое время слышу крики на галерее:

- Корпусной! Подойди в 760! Срочно подойти в 760!

Выглядываю в кормушку, пытаюсь понять, что происходит.

На этот раз передозировка. Через пятнадцать минут накрытый простыней труп наркомана на носилках уносят по лестнице вниз. Ещё один ушёл на свободу без санкции судьи.

Но рано расслабляться, вновь раздаются громкие крики:

- Корпусной! Подойди в 765! Срочно подойти в 765!

Ещё один мертвец, возможно, дознувшийся наркотой с той же партии, что и предыдущий. Специальная бригада эков-санитаров также уносит его вниз. Инспектор ложится в своей будке спать, будто ничего из ряда вон выходящего и не произошло. Он дежурит сегодня вторую смену подряд, и у него уже аллергия на Кресты и на наркоманов. Печальны дела твои, Господи.

Звонит телефон, некто просит Антона – мальчишку, недавно заехавшего в камеру. Я бужу его, спящего в «чемодане», то есть на втором этаже шконки. Это место называют чемоданом, поскольку узкое пространство по структуре напоминает продолговатый ящик. Антон просыпается и разговаривает с приятелем. Тот, оказывается, приехал к тюрьме и стоит на набережной прямо под нашим окном. Антон включает и выключает свет, давая ему понять наше местонахождение, и они говорят, видя друг друга.

Я люблю крестовские тёмные ночи. Днём на централ придёт суета, и снова заключённые и сотрудники будут ходить туда сюда, а сейчас в огромном муравейнике всё замерло и успокоилось.

Мобильник принимает вызов с незнакомого номера. Я поднимаю трубку. Звонит положенец всей тюрьмы, которого я и не знаю, и с трудом представляю, откуда у него мой номер.

- Через десять минут с восьмого корпуса будет важный груз, - сообщает он, а я недоумеваю. Бужу узбека и спрашиваю насчёт дороги. Нияз подтверждает, что между нашей камерой и восьмёркой натянута старая верёвка. Я, далёкий от дорог и толком не умеющий с ними управляться, ничего и не знал.

- Это важный груз, который нельзя потерять, - несколько раз повторяет положенец. – Вся хата несёт ответственность за его сохранность, и в случае утери жёсткий спрос будет с каждого.

Начинаю что-то понимать. Опять чёртовы наркотики гонят дорогами с корпуса на корпус. С удовольствием послал бы всех людей, мутящих наркотрафик в тюрьме, в длительное эротическое путешествие, но это чревато большими неприятностями. Нападут в бане или на прогулке и затыкают ножами. Или, презрев понятия, договорятся с операми о взрыве камеры, а может, переведут прямо в хату пару специально обученных для проведения расправ горилл, чтобы они ночью устроили мне тёмную.

- И куда девать груз?

- При получении сразу отзваниваешься по этому номеру и мы присылаем «ноги».

Так и происходит. Нияз принимает посылку, прячет её под матрас, мы звоним блатным, и несколько минут спустя в камеру входит сотрудник в звании майора и забирает груз. В наркотрафик в Крестах вовлечены не только простые зэки, но и высокопоставленные сотрудники. Подобно обычным уголовникам, они легко клюют на лёгкие деньги.

Саша

Весной 2005 года в интернете появился неофициальный фэн-сайт Шульц-88. Его создателем и модератором была девушка Саша. Светлоглазая блондинка с длинными волосами, ей в ту пору был 21 год, и нас связывали романтические отношения. Саша училась на филологическом факультете, увлекалась программированием, скандинавской культурой, готикой, «чёрным металлом» и фэнтези. Она знала штук пять языков, изучала мифологию, переводила с финского, немецкого и норвежского, занималась ролевыми играми. Бодрый, позитивный человек с искромётным чувством юмора. Ей хотелось внести вклад в общее дело, и она в те годы посвятила себя помощи узнику, став человеком очень важным и близким, фактически незаменимым.

Заключённому обязательно нужен связной, заведующий деньгами и контактами. Нужно постоянно встречаться с разными людьми, забирая у них деньги и вещи, обналичивать средства с электронных и банковских счетов, после пересекаться с

сотрудниками тюрьмы, передавая им суммы и запреты, получать и отслеживать информацию, организовывать различную помощь. В 2004-2005 годах Саша была моим связным между свободным миром и тюрьмой, доверенным лицом, глазами и ушами там – за стенами Крестов.

Невозможно переоценить её роль в моей жизни в заключении. Она каждодневно совершала маленькие добрые дела, складывающиеся в один огромный бескорыстный подвиг. Моя благодарность ей безмерна.

К несчастью, в будущем всё сложилось совсем не так, как мы тогда предполагали. Три года назад Саша погибла, растворилась в вечности. Ей было всего 29 лет. Над моим рабочим столом висит её фотография, и на ней она по-прежнему молода, красива и полна жизненного оптимизма. Она улыбается, смотрит на меня с нежностью, а я, смотря на неё, грущу, зная, что прошлое не вернуть назад. Спасибо тебе и прости...

Экспертиза

С того момента, как осенью 2004 года я заявил ходатайство о вызове мёртвого эксперта Гиренко в суд, основным спорным моментом судебного действия стал вопрос экспертизы печатных материалов группировки. При этом всем было ясно, что никакого принципиального значения для исхода дела экспертиза не несёт. Но, видимо, желание придать процессу максимальную видимость соответствия нормам законности подвигло прокуратуру и суд к последующим действиям.

После получения отказа на ходатайство я заявил новое – об исключении экспертизы Гиренко из материалов дела. Это наделало большой переполох.

В наше время система обвинения и осуждения людей по 282 статье уже хорошо отработана и для карательных органов государства не представляет никакой сложности состряпать «экспертизу», на основании которой любого человека можно упрятать за решётку. Подобран целый штат «специалистов» с учёными степенями, готовых подтвердить наличие «экстремизма» в любом тексте, высказывании, аудио- и видео-файле или изображении. В первой половине нулевых годов всё было не так, и ситуация со смертью эксперта по делу надолго выбила судебный процесс из колеи. Давно находившийся к тому времени в могиле защитник нацменьшинств Гиренко, наверное, и предполагать не мог, что его смерть приведет к масштабной дезорганизации работы Ленинского суда Петербурга.

Поскольку я изначально заявлял об имеющихся у меня вопросах к Гиренко, касающихся его экспертного заключения, прокурор Бундин попросил меня огласить эти вопросы в суде.

- Он же умер, вы говорите, так зачем это? – недоумевал я, однако прокурор настаивал на своём. Возможно, он хотел показать необоснованность моих вопросов и отклонить их на этом основании.

Заседание отложили на неделю, и на следующем суде я представил свои вопросы к Гиренко. Прокурор ожидаемо раскритиковал их, Жданова вновь отклонила моё ходатайство и отказалась исключать экспертизу Гиренко из дела, однако назначила дополнительную экспертизу.

Надо заметить, что, опираясь на рекомендации Генпрокуратуры по делам о возбуждении национальной ненависти и вражды, указывающих на необходимость проведения социально-психологических экспертиз, я требовал исключить текст Гиренко, так как его заключение называлось социогуманитарным. Последовала длительная пикировка в суде, когда прокурор пытался доказать, что социально-психологическое исследование является и социогуманитарным, с чем я был согласен, но настаивал на расширительном смысле последнего термина. В конце концов, Жданова вообще назначила дополнительную лингвистическую экспертизу. Проводить её должен был московский Институт русского языка имени В. В. Виноградова, и судебное заседание отложили ещё на два месяца.

Спустя шестьдесят дней выяснилось, что экспертиза так и не готова, и суд перенесли ещё на три месяца.

Благодаря преждевременной насильственной кончине убитого моими бывшими соратниками из группы Боровикова-Воеводина этнографа и эксперта прокуратуры Николая Гиренко, процесс по делу «Шульц-88», и без того шедший уже больше года, ещё дальше затянулся. Когда через полгода текст заключения попал в суд, я ходатайствовал о вызове эксперта и Жданова согласилась со мной.

Прошло ещё два месяца, наступило лето. У эксперта из Москвы всё не получалось добраться в наш суд, а Жданова засобиралась в отпуск. В итоге продолжение судебного заседания отложили сразу на четыре месяца до осени.

Завершение процесса

К осени 2005 года судебный процесс по делу «Шульц-88» превратился в нескончаемую мыльную оперу. И внешние наблюдатели, и мы, непосредственные участники действия, давно уже перестали понимать суть происходящего и чего-либо ожидать от суда, кроме нового переноса заседания. Впоследствии я подсчитал количество актов судебного спектакля, и оно оказалось не особенно велико – всего 30. Но часто суды переносились на месяц, а иногда и на несколько месяцев, так что мы успевали потерять связующую нить и позабыть, на каком этапе судебного следствия в текущий момент находились. Даже Бойко, ранее всегда посещавший заседания по самому важному в его карьере «борца с экстремизмом» делу, кажется, охладел к скатившемуся в фарс судебному представлению.

Тяжелее всего приходилось мне. Ведь каждая поездка в суд означала мучительный этап с бессонной ночью, многочасовым сидением в подвале тюрьмы, изнурительной поездкой в тесном автозаке и таким же тяжким обратным

путём. Холодные прокуренные помещения, битком набитые людьми, ни завтрака, ни обеда, ни ужина, затекающее тело, хроническое недосыпание. Тюремная логистика перемещений арестантов на суды и обратно была организована таким образом, что дорога в один конец для меня могла занимать шесть-семь часов, хотя расстояние от Крестов до суда насчитывало всего пять километров. Бывало, что, выходя из камеры в четыре часа утра, я возвращался обратно только в одиннадцать вечера.

Но всему приходит конец. Осенью 2005 года, спустя примерно восемнадцать месяцев после начала судебного процесса, он внезапно для всех нас завершился. К тому моменту были допрошены все основные свидетели и новый эксперт, приехавший из Москвы. И вот внезапно прокуратура отказалась от допроса других свидетелей, заявив, что представленных доказательств достаточно для вынесения обвинительного приговора. Видимо всем хотелось завершить дело в текущем году. Ещё не допрошенные же свидетели по повесткам уже перестали являться, а их розыск и насильный привод грозил затягиванием суда ещё на год. И Жданова объявила о начале судебных прений.

Судебные прения – это завершающая часть уголовного процесса, во время которой стороны выступают с речами, давая юридическую оценку всем изученным во время суда доказательствам, заявляя о виновности или невиновности подсудимых. Сторона обвинения в завершение своей реплики в ходе прений, обращаясь к суду, просит назначить обвиняемым то или иное наказание.

На время прений заседание переместилось в другой зал суда двумя этажами выше, более вместительный и не такой светлый, скорее мрачный, отделанный материалами тёмных тонов с тяжёлой судейской кафедрой красного дерева.

Позиция группы прокуроров была понятна. Бундин считал нашу вину полностью доказанной. Выступая в прениях, он заявил, что вменяемые нам преступления представляют собой повышенную общественную опасность, посягают на конституционный строй и национальное равноправие. По его мнению, факт существования организованной преступной группы, созданной мной для совершения преступлений экстремистской направленности, не вызывает сомнений, так же как и участие в ней всех подсудимых.

Адвокаты выражали противоположную точку зрения, говоря о незначительности наступивших последствий (синяки и царапины у потерпевшего армянина, не повлекшие кратковременного расстройства здоровья).

Моё выступление было посвящено всем неточностям и ошибкам обвинения, я говорил о его недоказанности и необоснованности, о нарушениях норм законов, о пытках и давлении со стороны сотрудников центра «Э». Я хорошо подготовился к прениям, составив речь на двадцати рукописных страницах, и мои претензии нельзя было назвать голословными. Многие дни и месяцы я изучал материалы дела и штудировал законы, проверяя соответствие им написанного в обвинительном заключении. Стратегия моей юридической защиты заключалась в тотальной, но подкреплённой ссылками на конкретные законные акты, критике

каждого слова и каждой буквы в обвинении. Таким путём можно было если не добиться оправдания, то отбить какое-то число вменяемых пунктов или хотя бы посеять недоверие у суда к аргументам противостоящей стороны.

Был ли суд над «Шульц-88» спектаклем, протекающим независимо от нашей юридической защиты, или реальным правосудием? Осуществлялось ли на деле состязание сторон в нашем процессе? Была ли судья Жданова по-настоящему свободна в принятии своих решений? Имели ли какие-то последствия мои реплики в суде? Видимо, мы никогда этого в точности не узнаем. Очевидно, что государственный заказ на образцово-показательное наказание для бритоголовых националистов и истерия СМИ играли тогда решающую роль. И всё же я убеждён, что моя активная позиция в ходе рассмотрения дела в суде привела к определённому положительному результату.

В то время как СМИ и прокуратура пытались представить меня в образе гиперагрессивного маньяка, алчущего лишь крови несчастных иммигрантов, я демонстрировал разум и обстоятельность мышления, спокойный характер. Это входило в противоречие с госпропагандой, уничтожая её влияние.

Закончив обвинительную речь, пестревшую выражениями вроде «угроза безопасности общества» и «вызов власти», прокурор Бундин запросил для нас срока – мне 10 лет колонии, а остальным ребятам по 3 года.

Приговор

В ожидании приговора я загрустил. 10 лет! Чертовски много! Я отсидел уже два года, и мне казалось, что это немало, но десять лет по сравнению с двумя годами представлялись бесконечностью. А ведь эти двадцать четыре месяца в Крестах длились так долго! И если судья согласится с доводами прокурора, то мне предстоит в общей сложности в пять раз больший срок!

Максимальное наказание по совокупности вменённых мне статей не могло превышать двенадцати лет, хотя в реальности такой срок не могли назначить, так как я впервые находился под судом и в деле отсутствовалиотягчающие обстоятельства. Десять лет в наказание за «Шульц-88» - жёсткий и предельно реалистичный приговор. Правда, судьи обычно, изображая гуманизм, назначали срока чуть меньшие, чем требовало обвинение, но не более чем на один или два года, а то и на шесть месяцев. Существовала и вероятность назначения более тяжелого наказания, чем требовал прокурор – это являлось полным правом судьи и зависело лишь от её желания.

«Ну, дадут мне восемь лет, и что я буду делать? – мысленно рассуждал я. – Что десять, что восемь, невелика разница – огромный срок в любом случае. И как выжить, как выдержать это – совершенно не ясно».

Наверное, это самая тяжелая пора в жизни заключённого – дни ожидания приговора, участи, развязки. И хотя мне не грозила ни смертная казнь, ни

пожизненное заключение, я сполна испытал на себе муку напряжённого ожидания исхода.

Однако настраиваться на что-то конкретное не имело смысла, нужно было дожидаться приговора и исходить в своих планах из него, а не гадать на кофейной гуще.

Гоня печаль прочь, я обратился в ожидание. Более двух лет срок моего заключения и, следовательно, дата освобождения не были определены. Теперь ещё две недели и определённость появится. Нужно только дожидаться.

Я занимался привычными делами, а СМИ гудели свежими новостями по делу «Шульц-88». Я не падал духом и ни о чём не мечтал, но слова «десять лет» снова и снова эхом проносились в голове. Даже в прогулочный дворик откуда-то сверху доносилось «Эхо Москвы», передающее о том, что лидеру известной радикальной группировки запросили «червонец».

За две недели нелёгких размышлений и упорной борьбы с ними я сильно измучился и ко дню вынесения приговора устал и стал спокоен.

И вот наступил канун долгожданной даты. Я, как было у меня заведено, готовился к поездке в суд, умывался и брился, но никто не назвал меня вечером на этап и не вывел из камеры утром. Подельник по телефону сказал, что вынесение приговора перенесено – ещё на один месяц. Значит, судья не успела сформулировать и написать текст судебного решения.

В том же году выносился первый приговор Ходоровскому – настолько длинный, что он зачитывался несколько дней подряд и ходили шутки в том духе, что опальный олигарх «приговорён к пожизненному зачитыванию приговора». Мне же казалось, что после бесчисленных переносов судебных заседаний я обречён вечно находиться в подвешенном статусе участника фантасмагорического и бесконечного, как колесо Сансары, процесса, не единожды напоминавшего «Процесс» Франца Кафки.

В те годы я очень критично относился к существовавшему в российском правосудии положению вещей, когда обвиняемые и подсудимые были фактически лишены права на быстрое правосудие и могли по многу лет ожидать приговора. Длительность ведения уголовных дел ни в коем случае не означала тщательности их рассмотрения, а могла быть только её имитацией. Заседания переносились без видимых причин на многие месяцы, что, видимо, было обусловлено лишь большой загруженностью судей. С тех пор ситуация в судопроизводстве изменилась до своей противоположности – теперь суды проходят быстро, порой за считанные дни, что внушает ещё больший страх, потому что складывается впечатление, будто система правосудия стремится как можно скорей вынести приговор, невзирая на необходимость детального рассмотрения дел. Вспоминаются годы сталинских репрессий и приговоры, вынесенные Военной Коллегией Верховного Суда СССР – этой ужасной большевистской машины по уничтожению людей. Ставшие в наше время доступными для обозрения

подписанные главным сталинским палачом Ульрихом приговоры пестрят требованиями немедленного приведения их в исполнение, как будто государственные убийцы торопились лишить жизни обречённых ими людей, боясь, что задуманные злодеяния могут по каким-либо причинам сорваться.

Ну что ж: ещё месяц ожидания. 9 декабря меня вывели утром из камеры для этапирования в суд. На этот раз бюрократический акт назначения наказания не должен был сорваться.

Заседание состоялось в том же новом зале, где и предыдущее. Бестолковые конвойные вместо того, чтобы отвести меня по лестнице прямо к двери зала, сделали крюк, проведя меня прямо через длинный коридор, заполненный толпой журналистов, адвокатов, подсудимых и их родственников. Я ловил на себе десятки взглядов, удивлённых, пронзительных, испытующих.

Как только меня заключили в клетку, в зал быстро вошла судья Жданова и без лишних преамбул начала зачитывать приговор.

- Именем Российской Федерации! Судья Ленинского районного суда Адмиралтейского района Санкт-Петербурга Жданова, рассмотрев материалы уголовного дела по обвинению Боброва, Мадюдина, Вострокнутова, Буторина, Ражева в совершении преступлений, предусмотренных статьями 282 часть 1, 282 часть 2, 280 часть 1, 280 часть 2, 150 часть 4, приговаривает ...

Зал затаил дыхание. В отличие от дела Ходорковского, в данном случае судья приняла решение зачитать сразу резолютивную часть приговора, без описания состава преступлений, доказательств и выводов.

- Буторина - к двум годам лишения свободы условно.

- Мадюдина – к двум годам лишения свободы условно.

- Вострокнутова – оправдать. Разъяснить ему право требования реабилитации.

Всё складывалось неплохо. Втюрина вывели из процесса на прошлом заседании, дело Димы Баталова вывели в особое производство в связи с тем, что он в данный момент проходил службу на Северном Кавказе, и не было особых сомнений в том, что ему назначат срок, не связанный с реальным лишением свободы. Сейчас же вчистую оправдали Алекса Вострокнутова, а остальные ребята получили условно. Но что же со мной?

- Боброву Дмитрию Владимировичу назначить наказание:

- по ст. 282-1 ч. 1 УК РФ в виде трёх лет лишения свободы;

- по ст. 282 ч. 2 пп «а,в» в виде четырёх лет лишения свободы;

- по ст. 280 ч. 1 УК РФ в виде двух лет лишения свободы;

- по ст. 280 ч. 2 в виде трёх лет лишения свободы;

- по ст. 150 ч. 4 в виде пяти лет лишения свободы;
- в качестве дополнительного наказания назначить лишения права заниматься издательской деятельностью на один год;

На основании ст. 69 ч. 3 УК РФ по совокупности совершённых преступлений окончательное наказание Боброву определить путём частичного сложения наказаний в виде шести лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Так же быстро Жданова вышла из зала, оставив нас в ошеломлённом состоянии.

Безусловно, это была победа, хоть и не чистая. Я один получил реальный срок, а все ребята, которых я вовлёк в опасное дело, остались на свободе. Никто не сможет теперь сказать, что я подставил доверившуюся мне молодёжь и обрёл на тюрьму. Алекс же вообще оправдан! Ну а мой срок – 6 лет, и это на целых четыре года меньше того, что пожелал мне прокурор Бундин. Я быстро посчитал в уме возможность условно-досрочного освобождения – оставалось всего десять месяцев до того дня, когда я мог подать такое прошение. По сравнению с запрашиваемыми десятью годами приговор воспринимался как проявление настоящего гуманизма! И это была всецело заслуга Ждановой, несмотря на мнимую социальную значимость дела, не пошедшей на поводу у алчущей образцово-показательной казни прокуратуры.

Радостные участники процесса после десятков заседаний, растянутых по времени на два года, наконец перелистнувшие эту тягостную страницу жизни, покинули зал судебных заседаний, а вслед за ними ушли секретари и конвоиры. Я остался совершенно один в пустом помещении, недоумеваю. Спустя некоторое время дверь открылась, и вошла съёмочная группа телеканала «Россия». Я дал своё первое за годы тюрьмы интервью.

Впоследствии мне говорили, что московские журналисты заплатили круглую сумму в американских долларах, чтобы добиться разговора со мной. Ранее ни суд, ни администрация Крестов не давали журналистам такой возможности, и они были готовы на многое ради съёмок легендарного руководителя «Шульц-88» и беседы со мной. Однако я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть факт дачи взятки журналистами в Ленинском суде.

Так или иначе, сразу после вынесения приговора я дал своё первое интервью федеральному СМИ. Репортёры неплохо подготовились, изучив фэн-сайт Ш88 и мои тексты там, написанные уже во время заключения. Задавая вопросы, они пытались спровоцировать меня на радикальные заявления и насильственные угрозы, видимо, хотели изобразить знаменитого Шульца в качестве опасного маргинала, подделом отправленного доблестными правоохранительными органами за решётку. Я же улыбался, ещё не отойдя от приговора, и разговаривал с ними спокойно, без агрессии и пафоса.

Взрыв

Передо мною встал вопрос: что делать дальше? В коррупционных Крестах, как обычно, всё решали деньги, а у меня их некоторое количество имелось (на волне возвращения интереса к делу «Шульц-88», вызванному вынесением приговора, товарищи, оказывавшие материальную поддержку, активизировались). Следовало принять план дальнейших действий.

Прежде всего, я написал кассационную жалобу в городской суд. В ней изложил ряд замечаний по приговору, заявив о его излишней строгости и фактических ошибках судебного следствия. Особенно сильных иллюзий по поводу кассации я не испытывал, мне всего лишь надо было продлить мое содержание в тюрьме, ведь после получения «законки», т.е. уведомления суда о вступлении приговора в законную силу, меня могли сразу же увезти в лагерь и неизвестно, в какой. Лагерьей же в России немало, и до некоторых этапы идут месяцами. Я пока даже не мог определиться, нужно мне ехать в зону или нет. Был вариант остаться в тюрьме, став «рабочим». Конечно, я вовсе не собирался развозить баланду и вообще что-то делать, но существовали и неплохие варианты тюремного «трудоустройства», вроде работы в недействующей библиотеке. Также можно было за определённую плату просто оставаться в камере, числясь на «рабочке» и дожидаясь срока условно-досрочного освобождения.

На самом деле с кассацией у меня не оставалось выбора – прокурор также опротестовал приговор Ждановой, ссылаясь на его «излишнюю мягкость». Это вселяло небольшую тревогу, однако по большей части вменённых мне статей скоро кончался срок давности, и серьёзных перспектив на ужесточение приговора я не видел.

Но нужно было срочно решить одну проблему. Дело в том, что в описываемое время арестантов из Крестов, написавших кассационную жалобу, переводили на несколько месяцев в тюрьму города Выборга и привозили обратно только к самому моменту её рассмотрения. Как правило, кассации рассматривались примерно через полгода.

Я привык к Крестам и менять место жительства не собирался. У меня собралась хорошая библиотека, наладились контакты со многими сотрудниками, имелась связь с волей, да и друзьям-товарищам намного проще было оказывать поддержку, когда я находился на территории родного города. А Выборг находится на расстоянии 122 километров от Петербурга.

Проблему я решил, задействовав коррупционный ресурс. Оперативнику, который меня курировал, в принципе было невыгодно лишиться арестанта, на котором можно хорошо заработать. Но я совершил крайне опрометчивый поступок и сполна за него расплатился.

После приговора меня перевели в камеру напротив, где сидели уже осужденные, поскольку по внутренним тюремным инструкциям запрещалось держать вместе следственных и осужденных зеков. Буквально за день до перевода соратники с

воли сообщили, что журналисты с германского ТВ хотят взять у меня интервью. В те дни во Франции бушевало восстание иммигрантов, горели машины и подвергались разграблению магазины, Европейский Союз трещал по швам, люди были шокированы плодами мультикультурной политики, в течение десятилетий проводимой правящими партиями Старого Света. По телефону я сказал несколько фраз о происходящем, поделился критическим мнением. Так получилось, что информация о телефонном интервью достигла карательных органов РФ.

Немудрено, что враги были вне себя от моего проступка. Меня изолировали в тюрьме как раз для того, чтобы я больше не мог выражать свои политические позиции, воздействуя таким образом на сознание сторонников. Я же осмелился дать интервью иностранному СМИ, не выходя из камеры, по телефону, тогда как режим содержания строго запрещал арестантам несанкционированные контакты со свободой.

В новой камере я быстро освоился. Там сидели трое парней, как и все вокруг, наркозависимые, однако ещё не потерявшие полностью человеческий облик. Встал вопрос, куда прятать телефон. У парней был оборудован хороший тайник в вентиляционном ходе, за решёткой, и они прятали там два своих мобильника. Мне ничего не оставалось, как воспользоваться их схроном.

Прошло два дня. Наступили выходные и централ затих. В тюрьме стало намного меньше сотрудников, камеры открывались реже, заключённых почти никуда не выводили, звуки со стуком открывающихся дверей не нарушали воскресную тишину.

Как обычно, я поздно заснул. Поэтому ранний «взрыв» камеры стал для меня полнейшей неожиданностью, как и для других парней. Дверь резко распахнулась, и помещение наполнилось людьми. От нас потребовали одеться и выйти наружу.

Такой большой «шмон-команды» я никогда не видел. Обыск проводили около десяти незнакомых сотрудников, некоторые в ранге полковников. Галерея была оцеплена, так что никто, включая дежурных инспекторов, не мог приблизиться к нашей камере. Один из сотрудников снимал всё происходящее на видео – совершенно немыслимое для практики обысков того времени дело. Группу, подкреплённую оперативниками спецслужб, направили по мою душу непосредственно из руководства тюремного ведомства Минюста.

За два года заключения я привык к постоянным обыскам, как «положняковым», то есть проводимым в обязательном порядке в определённые дни, так и к внезапным – по наводке стукачей. Но то, что происходило в тот день в нашей камере, совершенно не вписывалось в привычные схемы жизни централа. Обычно на шмонах в Крестах сотрудники всегда ищут конкретный набор запрещённых предметов – телефоны, наркотики, алкоголь, колюще-режущие орудия. В тот же раз особенное внимание шмонщиков вызывали также и личные вещи – письма, книги, фотографии. Думаю, все читатели понимают, что их интересовали именно мои вещи.

Тайник в вентиляционном ходе нашли. Они заподозрили, что внутри что-то есть, и молотками разбили стену. Мы лишились всех трёх телефонов. Из-под шконаря вытащили мой баул с аудиокассетами и плеером.

Других ребят из камеры посадили в «стакан» у корпусной, а меня вместе с грудой вещей отвели в маленький кабинетик на круг. Здесь мои письма и фотографии выложили на столе, сфотографировали их и сняли на видео. Далее следовал формальный допрос под видеозапись о происхождении вещей, телефона и так далее. Я сказал, что мне ничего не известно. Меня отвели обратно.

Спустя двадцать минут в дверь стукнул корпусной и назвал меня в понедельник с вещами на выход. Этап на Выборг!

Разрулить данную ситуацию с помощью коррупции было невозможно – в действие вступили силы высшего порядка. Теперь мне предстояло совершить второе после поездки на психиатрическую экспертизу путешествие внутри пенитенциарной системы.

О выборгской кассационной тюрьме рассказывали всякое, не слишком страшное, но и ничего хорошего. Говорили, что там куда более жёсткий режим и в камерах нет мобил. Скоро я сам могу оценить условия тамошней жизни. Только надо сначала доехать.

Долгий этап на Выборг

Город Выборг находится примерно в статридцати километрах от Петербурга, и из Крестов арестантов везут туда настоящим долгим этапом – по железной дороге. Путь в один конец в 2005 году занимал двое суток. Зачем, почему и каким образом это было возможно, не спрашивайте – такова неповоротливая и бессмысленная система, словно специально выстроенная в нарушение всех законов логики и здравого смысла, похожая на недоразвитый пережиток навсегда ушедших тёмных времён, рудимент чего-то пещерного, бесконечно далёкого от реалий современной жизни.

В течение суток я собирался. Мне пришлось взять с собой только наиболее ценные вещи, поскольку отсутствовала элементарная физическая возможность забрать всё, ведь в этап нельзя было взять больше, чем я мог унести. А за прошедшее время вещей накопилось большое количество. Кроме того, многие предметы заведомо не прошли бы шмон, которому всегда подвергаются вновь прибывшие в тюрьму.

Мне пришлось расстаться со своей библиотекой – сильный психологический удар. Книги являлись моими друзьями и близкими существами в заключении. За два года я получил от товарищей со свободы более ста книг, заполнивших целую секцию на втором этаже трёхъярусной железной кровати. Там же пачки газет, внушительная подборка журналов. Теперь всё оставалось тюрьме, и спустя месяцы я слышал рассказы о «камере, где сидел знаменитый Шульц,

заполненной оставшимися от него книгами». С собой я взял только несколько самых ценных экземпляров, в том числе «Запад» Александра Зиновьева и «Русский национализм» Александра Севастьянова.

Но скопилось много и других вещей – одежды, кухонных принадлежностей, обуви. Я всё тщательно перебирал, оставляя самое лучшее и необходимое.

В неделю, предшествующую приговору, я получил сразу три продуктовые передачи и один заказ из магазина, так что мне пришлось тащить с собой много еды. Одни запасы риса и гречки составляли до 5 килограммов. Оставить их я, естественно, не мог. За прошедшие 28 месяцев я ещё ни разу не ел баланду, и желания пробовать её не возникало.

В результате в понедельник я вышел из камеры, неся два тяжёлых баула, плотно набитых вещами и продуктами.

Привычный крестовский подвал с пачкающимися стенами, покрытыми цементными брызгами – собачник. Неужели нас считают за собак, заставляя часами находиться в маленьких комнатках, освещённых одной тусклой лампочкой, сидя на железобетонных скамейках в полумраке и холоде, пронизывающем тело даже в жаркие летние дни?

Несколько часов мучений, и нас вывели на середину коридора к трибуне комендатуры. Проверив фамилии, сотрудник тюрьмы повёл нас во двор в сопровождении вооружённых конвоиров.

Три автозак, уже наполовину заполненные заключёнными с других тюрем, также направлявшимися в Выборг, стояли с включёнными двигателями.

Запрыгнув внутрь, я очутился в тёмной тесноте. Сумки и баулы громоздились до потолка, отсеки были битком забиты людьми. Несчастный случай с автомобилем, возгорание или попадание в воду - и все мы погибнем, потому что просто не сможем покинуть кузов, запрессованные внутри до состояния неподвижности.

Автозак остановился где-то вблизи железнодорожных путей. Нам предстояло пересаживаться в вагонзак – специальный вагон для перевозки заключённых. Внешне вагонзак похож на багажный вагон – окон почти нет, а те, что есть, с решёткой. Внутри он почти как купейный, только в девяти эковских «купе» нет окон, да стенка, отделяющая их от коридора, решётчатая.

Процедура пересадки из автозак в вагонзак напряжённая. Лают собаки, словно в сталинские времена, конвоиры, наставив на нас автоматы, кричат:

- Бегом! Бегом, суки!

Но когда у тебя в руках две тяжёлых сумки, бегать сложно. Выпрыгнув из высокого грузовика, я не очень быстро преодолел два десятка метров от машины до вагонзак.

К счастью, за нерасторопность никого не били и не расстреливали, но ужасные условия перевозки сполна компенсировали этот недосмотр.

В вагонзаке девять камер для зэков, но только шесть из них по площади такие же, как обычные вольные купе, а остальные в два раза меньше. В трёх маленьких купе держат женщин, подростков и пожизненно осужденных.

Сначала нас затолкнули в купе без разбора, а после стали рассаживать, вызывая пофамильно, видимо, сортируя по режимам содержания. В итоге я оказался в купе, где кроме меня находилось 23 человека с вещами.

Вы можете себе представить, как в купе может поместиться 24 человека? Я тоже не мог, но российское государство предоставило мне неоценимую возможность участия в этом сорокавосемичасовом квесте на выживание.

Итак, вещи отправились на самый верх, и внизу на двух скамьях сели вплотную по пять человек лицом друг к другу. На втором ярусе поместились восемь арестантов и шестеро на третьем.

Ситуация внизу представлялась подлинным адом, и я полез на верха. Хотя лежать на груде сумок и баулов оказалось не слишком комфортно, тем не менее здесь можно было протянуть немеющие ноги и вообще при необходимости двигать затекающими конечностями.

Длительное время переезда при небольшом расстоянии достигалось путём долгих остановок на запасных путях. Вагонзак просто отогнали куда-то и бросили до утра, а следующим вечером поступили также.

Описывать поездку в «столыпинском вагоне» сложно. Ровным счётом ничего не происходило, мы только сидели в темноте, задыхались от недостатка кислорода и тесноты, беззвучно страдали, ибо говорить о наших мучениях во всеуслышание не имело никакого смысла – никто бы не откликнулся. Конвоиры находились у себя в купе, выпивали, закусывали, а на редкие обращения заключённых отвечали грубыми ругательствами.

Ни кипятка, ни еды нам не давали, впрочем, аппетит отсутствовал. Пить было категорически нельзя, потому что по режиму положено выводить в туалет заключённых только один раз в сутки. Может и ввали конвойные, не желая себя утруждать постоянным закрытием и открытием дверей, но нас выводили в туалет только дважды. При этом дверь в отхожее место оставалась открытой, и за ней стоял глядящий на тебя во все глаза сотрудник, что включало у многих зэков неприятное психологическое явление, когда человек не может мочиться, если на него смотрят посторонние люди.

Спалось плохо, одолевала жара. Вряд ли кто-то крепко спал в вагонзаке, кроме выпивших конвоиров. Скорее мы находились в тревожном забытьи, не дающем отдыха ни телу, ни мозгу.

Следующим днём вагон поехал. Говорили, что мы движемся за заключёнными в одно из областных КПЗ. Действительно, вагонзак остановился и кого-то ввели в вагон. После этого снова запасный путь и многочасовое ожидание начала движения. Вторые бессонные вечер и ночь в тесном аду тюремного вагона.

Утром поезд, наконец, двинулся в сторону Выборга. Этап приблизился к завершающей ступени. Сотрудники поочередно открывали двери отсеков, и арестанты с вещами покидали вагон, перемещаясь в стоящий невдалеке автозак.

Я всегда очень любил старинный шведский город Выборг, любил приезжать сюда в разное время года, обожал крутые улочки вблизи замка, ратушу и древние здания в центре, прохладу набережной залива. Но в тот день я ничего не видел и не узнавал, утомлённый до полной потери сил долгим переездом. На сей раз мне пришлось посетить Выборг не по своей воле и очутиться в месте, которое раньше не знал, хотя оно и находилось в самом центре города.

Следственный изолятор №3 располагается рядом с железнодорожными путями, всего в ста — ста пятидесяти метрах от бухты под названием Радуга. На карте очертания тюрьмы выглядят странно, отчётливо напоминая символ «Волчий крюк», олицетворяющий средневековый способ ловли волков. Ныне в капкане выборгской тюрьмы очутился я сам.

По приезде нас вначале поместили в большую холодную пыльную камеру на первом этаже здания. Потом доскональный обыск с металлоискателями. У одного парня нашли на обыске мобильный телефон и немедленно водворили его в карцер.

Помывка в душе и возвращение в пыльную камеру. Здесь во время распития чифира между зэками произошёл конфликт.

Чифир обычно распивают коллективно, делая по два маленьких глотка. Я сам никогда не был подвержен этому увлечению, считал питьё сверхкрепкого чая вредной привычкой, а сам чифир – невкусным и неприятным напитком. Однако большинство арестантов не разделяло моих взглядов, при любом удобном случае стараясь «чифирнуть», получая таким путём заряд бодрящей энергии от высококонцентрированного кофеина. В этапе, как это обычно бывает, ехали в большинстве незнакомые между собой люди, и это привело к тому, что отведать вместе со всеми чифира осмелился один зэк в ранге «обиженного», рассчитывающий, что никто не опознает его.

Напрасно он так решил. Информация в тюрьме и между тюрьмами передаётся надёжнее, чем через интернет, и невозможно ничего скрыть, особенно если дело касается принадлежности ко всеми презираемой касте. Его узнали и жестоко наказали.

Я уже рассказывал, что согласно тюремным понятиям, пить или есть из одной посуды с обиженным означает стать им самому. Но это касается только осознанных поступков такого рода. В данном же случае сработал принцип «по

незнанке не катит» и все чифирившие из одной кружки с петухом остались при своём статусе.

На ночь нас поместили в другую полуподвальную камеру ещё большего размера, примерно до пятидесяти квадратных метров, с рядами двухэтажных кроватей, накрытых матрасами. Здесь можно было по-настоящему отоспаться после этапа, но мешал дикий холод – камера не отапливалась. А ведь на дворе стоял декабрь – самое преддверие нового года.

Той ночью, оказавшись после горячего душа в холодном каземате, я заболел. У меня поднялась температура, а тело обуял мертвенный холод. Я лежал, накрывшись всем, что только мог найти, и никак не мог согреться, погружаясь в бредовое состояние, переставая понимать, где я и почему.

Утром, еле волоча две свои большие сумки с вещами, я шёл за инспектором по коридору тюрьмы в определённую для меня камеру.

С Выборгской тюрьмой связаны весьма печальные исторические события. 27-28 апреля 1918 года здесь был осуществлён акт красного террора – убийство коммунистами нескольких десятков беззащитных пленников из числа враждебных им социальных классов. Развитие современных технологий позволяет легко найти фотографии, где на полу разгромленного тюремного коридора лежат в лужах крови трупы жертв большевиков. Теперь по этому коридору шёл я, направляясь к новому своему пристанищу на пути к свободе.

Первая камера и новая провокация

С сокамерниками мне повезло. Трое дружелюбных обитателей моей первой Выборгской камеры встретили меня доброжелательно, дружелюбно. Меняются времена, и всё чаще в тюрьмах встречаются люди, не играющие в тюрьму, а живущие просто, стремясь без конфликтов и ненужных ссор пройти непростой для всех период изоляции в неволе. Я не помню, как звали тех моих сокамерников, слишком недолго мы пробыли вместе, помню лишь, что были они приятными и психологически ненапряжными людьми.

В камере не было телефона, но я и не ожидал обратного, просто живя, свыкаясь с новым местом и обстановкой. Время незаметно подошло к новогодним праздникам.

Страна уже отдыхала, и отдыхал следственный изолятор, когда произошла неприятность – незаметная для всех, но не для меня.

Я к тому времени полностью выздоровел и отошёл от стресса, вызванного взрывом в Крестах, лишением связи со свободой и тяжким этапом. Начинало казаться, что тюремная моя жизнь пришла в равновесие, внутренняя тревога рассеялась, пришли умиротворение и покой. Преждевременно. В тюрьме категорически нельзя расслабляться.

Перед самыми праздниками дверь распахнулась, и в камеру вошли пятеро человек в штатском – начальник тюрьмы, начальник оперативного отдела и опера. Всех вывели в стакан, оставив меня наедине с незваными гостями.

- Это ты Бобров? – спросил меня начальник СИЗО подполковник Чернов, недобро хмуря брови. – Какие у тебя проблемы?

- Да, я Бобров, - просто ответил я. – И у меня нет проблем.

- Потому что проблемы сегодня у меня, и ответь мне, почему я должен бежать сюда из-за праздничного стола, бросив любимую жену и детей?

Тут я заметил, что пришедшие одеты празднично, в костюмах и галстуках, словно их только что оторвали от застолья в каком-нибудь неплохом ресторане.

- Ну, давайте разберёмся, - сказал я, вызвав шквал негативных эмоций у решительно настроенных сотрудников.

«Хозяин» внезапно ударил меня прямо в лицо и тут началось. Я не успел даже ничего сообразить, не ожидая нападения, как с двух сторон подскочили опера и серией сильных ударов лишили меня всякой возможности силового ответа. Били опытно, слаженно, применяя множество раз отработанные приёмы; как я потом узнал, большинство выборгских оперативников вполне профессионально занимались различными видами единоборств.

Меня мигом скрутили и выволокли из камеры. Сопrotивляться толпе крепко держащих меня крепких мужиков не представлялось возможным, да я и не думал об этом, застигнутый врасплох. В Крестах при всей враждебности администрации я просто никогда не сталкивался ни с чем подобным. Меня за ноги и за руки протащили по коридору, потом по круглой лестнице (при этом моя голова стучала по ступенькам), затащили в кабинет оперов и кинули на пол. Я пробовал встать, но, получая удары ногами, падал, скрючиваясь от боли.

Видимо решив, что с меня достаточно, избивание прекратили. Однако мне пришлось ещё долго выслушивать от разъярённых ментов различные словесные угрозы. Стандартный набор обещаний: изнасилование с записью на видеокамеру для компромата, обливание мочой и отправка в петушатник и даже убийство, оформленное как добровольное сведение счётов с жизнью. Вот такие угрозы мне довелось услышать в тот раз от работников тюрьмы, и я понимал, что слова легко могут воплотиться в реальность. Страшные вещи могут произойти с заключёнными в тюрьме, и никто не понесёт за них ответственности, а кровавая правда останется тайной вовеки.

Причина столь внезапного и ничем не объяснимого прессинга мне стала ясна не сразу. Не прошло и четырёх дней, как я приехал в Выборг, и чисто физически не успел натворить ничего такого, что могло вызвать столь жесткую реакцию руководства учреждения.

Постепенно, основываясь на отдельных словах сотрудников, я понял, в чём дело.

Произошла провокация, не первая и далеко не последняя за время моего заключения. Кто-то из руководства спецслужб (ФСБ или ЦПЭ - я не понял) связался с администрацией тюрьмы и сообщил, будто некий осужденный Бобров, находясь в СИЗО, осуществляет телефонные звонки на волю, продолжая таким образом вести преступную деятельность экстремистского характера. Слово «экстремизм», ещё не девальвированное, как сейчас, после сотен судебных процессов за «неправильные» картинки и комментарии в соцсетях, в 2005 году ещё вызывало у сотрудников приступ служебного рвения и стремление любой ценой выполнить высокий государственный долг, противодействуя этому до конца не понятному, но крайне враждебному российскому государству явлению. Впрочем, и ныне немало больших и малых чинов, подвизавшихся на ниве охраны правопорядка, демонстрируют завидную активность в противодействии экстремистской деятельности, понимаемой всё более широко, вплоть до банальной критики в адрес власть предержащих.

Сотрудники выборгской тюрьмы, только что угрожавшие мне всеми самыми серьёзными находящимися в их распоряжении карами, успокоились, как только стало понятно, что телефона у меня действительно нет и поступивший извне сигнал ложен. Лично ко мне они не имели никаких претензий и даже толком не знали, кто я такой; их беспокоили только возможные проблемы с высшим руководством из-за ненадлежащего выполнения ими служебных обязанностей.

Избиение и угрозы прекратились и, листая пухлую папку хранимых мной газетных вырезок об уголовном деле «Шульц-88», опера даже попытались вести общение «по душам», да только я в тот день был не особо разговорчив.

Установив, что нарушения правил содержания не было, сотрудники отправились дальше отмечать новый год. Хату на всякий случай раскидали, меня ждала новая камера.

Вторая камера

Камеру раскидали и меня перевели в другое крыло.

В новой камере сидели двое «сирот», то есть бедных людей, почти без поддержки с воли. Оба пожилые, седые, по много раз уже отсидевшие, у обоих на свободе только матери-пенсионерки, а значит, отсутствие богатых передач и денежных переводов, и, как следствие, тотальная бедность быта.

Бедность, как характеристика экономического положения человека, имеет актуальное значение и для свободы, и для тюрьмы. Социальное расслоение арестантов очень высоко. И хотя вследствие общих для всех ограничений неволи различия в потреблении могут казаться небольшими, они на самом деле намного больше, чем на свободе, именно из-за этих общих ограничений.

Представьте себе две соседние камеры. В одной есть телевизор, dvd-плэйер, игровая приставка, холодильник, несколько мобильных телефонов. Там сидит

здоровенный бандит в дорогом спортивном костюме, с большим золотым крестом на шее. Пара помощников целым днями наводят в камере чистоту, готовят и убирают за ним, а он только пьёт водку, курит гашиш, питается так, как не каждый может себе позволить и на воле, смотрит фильмы и болтает по телефону. Или занимается спортом с такой интенсивностью, будто готовится к Олимпиаде. Иногда выходит из камеры пообщаться с собратями-братанами или опером. Менты перед ним заискивают или, по крайней мере, не позволяют ничего лишнего. Инспектор носит ему водку, оперативник – телефоны, режимник – новые диски для PlayStation. Корпусной может запросто засунуть голову в кормушку камеры, втянуть носом приготовленную специально для него дорожку кокаина и отправиться дальше выполнять свою работу, преисполненный к нему чувства благодарности. Иногда он ходит на длительные свиданки то с женой, то со шлюхами, хотя в СИЗО арестантам это по режиму и не положено. На других зэков, если они не относятся к братве, он смотрит снисходительно и безразлично. Его холодильник набит мясом, новенький санузел блестит, на полу красивый линолеум, на свежепокрашенной шконке толстый матрас и новое постельное бельё, еда готовится на плитке, в камере работает вентилятор и повсюду благоухают ароматизаторы. Баландёры проезжают мимо его камеры, поскольку знают, что тут живут уважаемые люди, которые не питаются развозимым ими дерьмом.

Рядом другая камера – бомж-отель. Все места заняты и в хате тесно. Чёрные стены, а в щелях обитают скопища клопов. Вольной еды практически никогда не бывает, все едят баланду, никто не наедается так, чтобы быть абсолютно сытым. В камере не хватает воздуха и света. Обитатели курят прямо на шконках бесфильтровую Приму и самокрутки – воню тлеющей бумаги и дешёвого табака пропитана атмосфера. Из развлечений – только старый приёмник, вечно настроенный на «Радио-шансон». На полу пыль и крошки, но никто особенно не обращает на грязь внимания. Худощавые сидельцы в растянутых желтых майках постоянно чифирят, играют в нарды да мечтают об этапе в зону, где жизнь приобретёт новые перспективы. В камере почти нет вещей, имущество арестантов невелико. Только личные вещи, старый залатанный кипятильник и вздувшаяся от сырости фотография обнажённой девушки на стене.

Между двумя камерами всего полметра стены; и там, и здесь сидят заключённые, одинаково виновные в каких-то преступлениях и находящиеся формально в одном режиме содержания. Но, по сути, речь идёт о двух совершенно разных мирах, мало совместимых между собой.

Нищета в тюрьме усугубляется тем, что на свободе мужики всегда могут заработать, тем самым приподнимая свой социальный статус, здесь же они вынуждены сидеть и ждать, не в силах ничего изменить.

В новой камере сидели двое арестантов, крайне далёкие от меня в социальном смысле. Пожилые уголовники, образно говоря, отсидевшие жизнь за кошелёк с пятью тысячами рублями и сломанный нос соседа. Естественно, в хате не было телефона, телевизора и даже радиоприёмника. Полная пустота, только грязные

шторки вдоль кроватей и возле туалета, пачка старых газет на маленьком столике у окна.

Было ещё кое-что – какая-то странность в поведении сокамерников, тщательно скрываемая настороженность в словах, нечто таящееся, не показываемое никому и всё-таки отчётливо ощущающееся в атмосфере здешнего маленького мирка. Отсидевший уже больше двух лет и привыкший тонко чувствовать людей, определять причины поступков окружающих, я быстро понял, что тут не так.

Каждый понедельник один из обитателей хаты ходил в одно и то же время к адвокату. О каком адвокате может идти речь в случае, касающемся уже осужденного и материально несостоятельного человека, – вопрос очевидный. На самом деле он ходил к оперу и, в отличие от деловых сидельцев, явно не для решения бытовых вопросов.

Это была камера с «наседкой», то есть с агентом, выведывающим и передающим администрации информацию. Видимо, после провокации с якобы моим телефонным общением из тюрьмы меня решили посадить «под колпак».

Во второй камере я просидел примерно полтора месяца и большую часть времени молчал, опасаясь сказать лишнее.

Шутов

Наступил 2006 год. В феврале в Петербурге пришло к логическому завершению громкое дело Юрия Титовича Шутова. Бывший заместитель Анатолия Собчака обвинялся в создании банды, совершившей ряд заказных убийств. Поговаривали, что истинной причиной дела являлось близкое знакомство Шутова с нынешним президентом РФ, когда они вместе работали в команде Собчака. Шутов знал многие тайны о тогдашнем руководстве Петербурга, обладал информацией о связях с организованной преступностью ряда лиц, ныне облечённых высшей государственной властью, и открыто говорил об этом, что представляло для них большую проблему. Его арест был закономерен.

Арестовали Шутова в 1999 году, причём незаконно, с большим скандалом. Он на тот момент являлся депутатом петербургского Законодательного Собрания и не мог быть подвергнут аресту без санкции депутатов. Однако, несмотря на явное нарушение юридических норм, его взяли под стражу, и тогда Юрий Титович написал жалобу на незаконный арест. Судья согласилась с доводами Шутова, и он был отпущен из зала суда. В этот момент в суд ворвался вооружённый спецназ и захватил Шутова, избив при этом множество людей – женщин, родственников, журналистов.

Человек, рассказавший правду о Путине, был обречён навсегда остаться пленником тюремных стен. Власть так боялась его откровений, что суд проходил прямо в Крестах, и никто кроме адвокатов не мог участвовать в заседаниях.

Спустя 7 лет, в конце февраля 2006 года, Юрия Шутова приговорили к пожизненному лишению свободы и привезли из Крестов в Выборг. Несколько дней он провёл в соседней камере под самым строгим надзором один.

Я увидел Шутова, когда возвращался из бани. В инвалидном кресле, окружённый инспекторами, он разговаривал, находясь в коридоре, с женщиной-врачом, улыбался и не выглядел морально разбитым, хотя осознание обречённости на ужасную участь пожизненного лишения свободы сломало бы любого обычного человека.

Чуть более года назад Юрий Титович умер, находясь в тюрьме «Белый лебедь». Его тело было отпето в Спасо-Преображенском соборе Петербурга, ограда которого сооружена из стволов трофейных турецких пушек взятых со стен Измаила.

Пусть земля будет пухом...

Третья камера

К началу марта надзор со стороны оперов закончился, и меня перевели от наседок в обычную камеру. Видимо, администрация тюрьмы убедилась, что я не представляю большой опасности, и решила меня «расслабить». Или освободить место в камере для очередного «разрабатываемого».

Моя новая камера находилась на втором этаже тюрьмы. В ней сидели двое местных и двое петербуржцев – люди не без вредных привычек, но находящиеся на позитивной психо-волне. В хате присутствовал дух весёлого коллективизма и самое главное – был телефон!

Мобильники в хатах на Выборге разрешались только по согласованию с операми, и, разумеется, это был именно такой случай. За нелегальный мобильник зэков ждали страшные кары, но тот, кто договорился с опером и выплачивал ему определённую оговоренную сумму, мог пользоваться телефоном на легальных основаниях, без опасений.

После долгой «заморозки» в оперской хате я наконец-то мог поговорить с родными и близкими, и это многого стоило! Правда, оперативник предупредил парней, что мне нельзя давать телефон, так как я «опасный экстремист», однако они снисходительно отнеслись к данному заявлению. Только попросили меня не говорить лишнего и остерегаться от действий, способных навредить общему спокойствию. Я же и не думал делать противоположное, проявляя после взрывов в Крестах и на Выборге повышенную осторожность в поступках.

Я восстановил контакт с товарищами на свободе и морально оттаял, взбодрился. Потекла моя новая жизнь, уже не такая беспросветная, как раньше.

Мне стали возить передачи и прислали денег на лицевой счёт, появились продукты. В течение двух месяцев приходилось заниматься «лечебным

голоданием», довольствуясь только старыми запасами и частью баланды, теперь этому пришёл конец.

Постепенно я проникнулся совершенно уникальным духом Выборгской тюрьмы.

Главная особенность заключалась в предельной изолированности арестантов в камерах. Рабочие здесь не носили записки, кормушки всегда были закрыты, никто не тянул дорог и не рассылал по хатам прогоны. В Крестах я мог при необходимости сходить в гости или переговорить с кем-то, высунув голову в кормушку, знал, кто сидит в соседних камерах и на других галереях, тут – никого. На Выборге властвовал жёсткий режим изоляции.

Вместе с тем нельзя не отметить и положительные моменты. Например, отсутствие тревог и суеты, характерных для большого централа. Выборгская тюрьма была маленькой и «замороженной», тихой и спокойной. «Положняковые», то есть проводимые наудачу, внезапно и выборочно обыска отсутствовали. Шмонать приходили лишь тогда, когда имелась чёткая оперативная информация о нахождении в камере запрета. Но тогда – берегись! – все вещи выносились из камеры и раскладывались на полу в коридоре, каждый предмет исследовался с помощью металлоискателя, и в поисках тайников сотрудники даже вскрывали полы, распарывали подушки, матрасы и одежду.

В Выборге была хорошая баня: огромное круглое помещение с десятком душевых стоек вдоль стен, белым кафелем выложенные поверхности, яркий свет, бьющий с потолка.

Сокамерники. Иван – стокилограммовый бритоголовый выборжец, который, узнав, что я скинхэд, засмеялся и сказал, что теперь в камере будут два скина. Леша – высокий блондин, добрый и неглупый парень, попавший в тюрьму из-за глупости с наркотиками. Серёга – единственный непереход, тянущий третий срок за ограбления, татуированный, потерявший большую часть зубов в дальних лагерях, но не присутствие духа. Саша – бывший бандит, подсевший на наркотики, безуспешно лечившийся и потерявший всё. Все уже получившие срока и ждущие этапов на зону, кроме Ивана, решившего вопрос и намеревающегося провести здесь год, а после по истечению положенного срока выйти по УДО.

Немного о том, как мы проводили время. Еду готовили на всех и садились за стол дружно, как одна семья. Играли в шахматы, нарды и карты. Били татуировки самодельной машинкой. Немного занимались спортом. И всей камерой смотрели ТВ.

Строгая изоляция от внешнего мира способствовала активизации внутрикамерной активности. Обильно выделяемая психическая энергия находила объекты разрядки в телевизоре.

На свободе до ареста я почти никогда не смотрел телевизор, сейчас у меня его тоже нет. Да и в Крестах я не особо увлекался телепросмотрами, предпочитая читать и размышлять. Телевидение поставляет для употребления людьми, на мой

взгляд, весьма опасную информационную жвачку, вредную во многих отношениях. Малоподвижный образ жизни, усреднение художественного вкуса, отучивание от самостоятельного мышления, урон, нанесённый психике, ослабление воли – далеко не полный перечень последствий тесной близости с включённым голубым экраном. И всё же тогда – на Выборге, маленький цветной телевизор впервые положительно воздействовал на мою жизнь. И это легко объяснить.

Эмоции людей, находящихся двадцать три часа в сутки в изоляции, в маленькой комнатке с трёхэтажными железными кроватями, зарешётчатым окном и туалетом тут же в углу за полиэтиленовой шторкой, скудны также, как и их впечатления. Ничего не происходит вокруг, ничто не меняется. Телевизор помогал раздвинуть наши границы и разнообразить наш эмоциональный мир.

Помимо фильмов и новостей, мы смотрели идеальную передачу для заключённых – реалити-шоу «Дом-2». Об этой передаче я не могу сказать ничего хорошего. Настоящая тележвачка, не способная увлечь внимание живущего полноценной жизнью свободного человека. Только тогда мы не были ни свободными, ни живущими нормальной жизнью, и потому ежедневные просмотры шоу шли в нашей камере на ура. Наблюдение за сложными перипетиями взаимоотношений участников Дома-2 компенсировало бедность нашего собственного существования, привнося в него эмоции, которых остро не хватало. Мы сопереживали взлётам и падениям актёров, симпатизировали одним и осуждали других, делились впечатлениями, спорили, живо реагировали на непрерывное развитие ситуации в проекте, отвлекаясь таким образом от окружающей монотонной действительности.

Сейчас я с юмором вспоминаю об опыте многодневного просмотра реалити-шоу, полученном мною в те два месяца. После репрессий администрации покой оставил меня, и вряд ли я мог использовать время лучшим образом, чем пытаюсь мысленно абстрагироваться от обстановки, пусть и таким необычным путём. Психика человека непрерывно отражает объективную реальность, зачастую приводя к деструктивным состояниям, выход из которых необходим для сохранения здоровья. Изменённое с помощью телевидения сознание ослабляет внутриличностный конфликт, помогая справиться с нагрузкой на психику.

В начале мая я узнал, что из Крестов пришёл запрос на моё этапирование обратно. Я к тому времени уже настолько адаптировался в Выборге, что и не хотел уезжать. Под внешней строгостью красной тюрьмы таились открываемые коррупцией превосходные возможности. Можно было уже через полгода освободиться условно-досрочно, заплатив энную сумму российских денежных знаков. Однако администрация не захотела связываться с экстремистом, помня об интересе к моей судьбе со стороны высших инстанций. Меня поставили на ближайший этап, и в майские праздники я отбыл из бывшего шведского Выборга в родной Санкт-Петербург.

Возвращение в Кресты

Обратная дорога из Выборга в Петербург оказалась в два раза короче. Уже спустя сутки я поднимался по крутой лестнице 7 корпуса, таща наверх свои нелёгкие баулы.

Родной седьмой корпус! Я попал сюда сразу же после ареста, потом отсидел здесь больше двух лет во время суда и следствия, а сейчас снова вернулся на семёрку. Многие месяцы я смотрел из твоих окон на Неву, на корабли, плывущие вдаль, на смену времён года, на солнце, заливающее набережную светом, взглядом ловил застлавшие воздух крупные комья белого снега, падающего из небесной темноты вниз. Можно ли полюбить тюрьму? Не знаю. Но привыкнуть к зданию, где годами живёшь, естественно для человека, даже если дом этот принёс много боли и страданий.

На первый взгляд централ ничем не изменился. Над галереями кружил многоголосый гомон, повсюду сновал народ: инспектора, звенящие связками ключей, женщины из спецчасти с папками бумаг, спешащие по делам бандиты в спортивных костюмах, рабочие в чёрных робах, разносящие бандяки или разливающие у камер баланду, зэки, возвращающиеся со свиданий. В нос резко ударил ни с чем не сравнимый затхлый запах, словно сплетённый из грязи тысяч замурованных в толстых кирпичных стенах тел.

Моего старого опера не было на месте, и Афган отвёл меня в транзитную камеру на третьей галерее.

Сокамерники мне не понравились. Два молодых азербайджанца-наркоторговца, с масляными лоснившимися глазами, еле говорящие по-русски, не выглядели хорошими соседями. Узнав, что я националист, они даже пытались мне что-то предъявить, но быстро заткнулись, когда я указал им на нелепость «предъявы», исходящей от «барыг». Не знаю, что они говорили обо мне между собой на своём гортанном наречии, только сказать неприятное по-русски не осмеливались.

Вместе мы просидели очень недолго. Выяснилось, что торговцы наркотой и в тюрьме продолжили криминальный бизнес, однако без санкции «воров», что привело к разборке.

На второй день к камере подошла группа блатных грузин и через кормушку начала рамс с азербайджанцами. Среди блатных находился вор в законе из Грузии, обругавший барыг последними словами. После этого они резко собрали вещи и, договорившись с опером, перевелись на другой корпус.

На некоторое время я остался один.

Всё-таки Кресты изменились, они очень сильно «почернели». И раньше на центре находилось немало кавказцев и азиатов, а к 2006 году их число ещё больше увеличилось, чисто визуально сравнявшись с числом русских арестантов. Заселение России иммигрантами шло полным ходом, и это сполна ощущалось и в тюрьме. Наивность наших юношеских намерений остановить мутный иммиграционный поток с помощью пары кулаков стала для меня предельно

очевидна. Невозможно противостоять государственной политике, не став самими государством; никакая, состоящая даже из самых отважных на Земле подростков, группа ничего не изменит, если будет бороться лишь с последствиями могущественных причин.

В один из майских дней я стоял у пищеблока, готовил какую-то еду и слушал играющее фоном радио. В перерыве на короткие часовые новости диктор сказал, что прошедшей ночью в Петербурге при задержании был убит сотрудниками полиции давно находящийся в розыске националист – Дмитрий Боровиков. Я впал в состоянии настоящего шока, услышав это. С Димой меня многое связывало, и поверить в его смерть было невозможно.

Дмитрий Боровиков

С Димой я познакомился в далёком 2000 году. Мне было 20, ему 15. Я тогда был brutальным бритоголовым, носил тяжёлые высокие ботинки, куртку «Пилот», камуфляжные военные штаны и стальную цепь в кармане. Ужас негров и кавказцев, человек, ежесекундно ощущающий миазмы обывательского страха вокруг, в равной пропорции смешанного с восхищением.

Внутреннее моё состояние вполне соответствовало внешности. Четыре года в движении скинхэдов, участие во многих десятках жёстких уличных столкновений, масса ранений. Я много и часто дрался, всегда был готов к пролитию чужой и своей крови. Встретив сейчас себя в те годы, я бы, безусловно, подумал, что этот человек представляет опасность из-за льющейся через край агрессивности и решительности, не знающей сомнений.

В общем, когда во дворе музыкального магазина «CastleRock» ко мне однажды подошёл длинноволосый мальчик, одетый как неформал в косуху и чёрную футболку с изображением таких же длинноволосых металлистов, я сильно удивился. Неформалы, как правило, боялись нас, и с полным на то основанием. Скинхэды не видели смертельных врагов в русских подростках, увлекающихся рок-музыкой, но легко раздавали им тумаки, так сказать, в воспитательных целях. Нам важно было поддерживать страх, а значит и уважение в молодёжной среде, благодаря чему имя скинхэдов всегда было окружено почётом и наши ряды пополнялись новыми бойцами, привлечёнными суровым и привлекательным имиджем движения.

Дима в ту пору увлекался металлической музыкой (помню стену в его комнате от пола до потолка завешанную плакатами с длинноволосыми накрашенными музыкантами в шипах и чёрной коже). Начиная от хард-рока и хэви-металла, он постепенно перешёл к более тяжелой музыке в стиле blackmetal, а уже оттуда видимо добрался до рапан. Его заинтересовали древние верования славян и, увидев меня, он решил просто подойти и спросить, смогу ли я чем-то ему помочь в удовлетворении этого интереса.

Я никогда глубоко не увлекался современным родноверием, ни тогда, ни тем более сейчас, считая его по большей мере искусственной реконструкцией, далёкой от истинных убеждений древних славян. И всё же, я ещё с 1994 года знал лидера «Союза венеков» Виктора Николаевича Безверхова, имел представление о творчестве Алексея Добровольского «Доброслава», читал стихи Владимира Голякова «Богумила». Я рассказал Диме то, что знал и указал, где он может получить интересующую его информацию.

Вторая наша встреча произошла спустя год. Уже возникла группа, позже получившая название «Шульц-88», и я активно агитировал знакомых присоединяться к нам. Как-то летом на одном большом городском уличном празднике мне повстречалась компания молодых скинхэдов, тусующихся у фонтана напротив Адмиралтейства в Александровском саду. Среди молодой бритоголовой поросли я увидел знакомое лицо. Это был Дима. Он уже забрился, одел «гады» и зелёную американскую милитари М 65, отказавшись от прежнего неформального облика и став частью бритоголовой армии, безраздельно властвующей на улицах тех лет.

Дима делал лишь первые шаги в движении скинхэдов, и я по праву старшего и более опытного товарища направлял его. В 2001-2002 годах мы очень много общались, участвовали в акциях и проводили вместе время. Я постарался передать ему все накопленные мной знания, касающиеся идеологии, истории и тактики нашей борьбы.

В те времена идеологию Димы можно было описать двумя словами: радикальная и славянская. То есть он исповедовал очень жёсткие взгляды на методы борьбы и одновременно хранил верность духовно-историческим корням нашего народа. Да, он был национал-социалистом, но не примитивным германофилом, а настоящим русским человеком, славянином, для которого древние традиции и культура имели огромное значение.

Наши отношения не складывались абсолютно безоблачно, случались и конфликты, но крайне редко. Дима вообще отличался покладистым характером; всегда настроенный на действия, на позитив, он заряжал окружающих светлой энергией, влияние которой ещё до сих пор сильно в тех, кто его знал. Я не встречал людей, отрицательно к нему настроенных, он был настоящим всеобщим любимцем, душой любой компании.

Во второй половине 2002 года наши пути в движении разошлись, но не абсолютно. Он сблизился с молодыми правыми хулиганами из MadCrowd, нашёл для себя новые точки приложения усилий, однако последовательно выступал против внутренних конфронтаций, иногда посещал наши мероприятия.

В 2003 году меня арестовали, и я оказался изолирован от событий. Дима тогда находился в розыске по делу MadCrowd и не мог поддерживать связь со мной. Однако товарищи на воле получали от него деньги на мою поддержку. В эти три года, когда я сидел в Крестах, всё и случилось.

Окончив школу, ещё в 2001 году Дима поступил на юридический факультет областного ВУЗа. Шутил, что хочет стать следователем, чтобы сажать преступников-иностранцев. Может тут повлиял пример отца, служившего в уголовном розыске. А после того, как возбудили уголовное дело по нескольким эпизодам акций MadCrowd, Дима ушёл на нелегальное положение и бросил учёбу. Теперь он жил разбойными нападениями на почтовые отделения связи.

Для тех, кто не в курсе, вкратце сообщу суть обвинений государства в отношении Дмитрия Боровикова и группы, называемой СМИ Боевой Террористической Организацией Боровикова-Воеводина (БТО).

По мнению российских правоохранительных органов, БТО существовала в период с 2003 по 2006 годы (для справки: активность «Шульц-88» проявлялась в 2001-2003 годах). Считается, что в группе участвовало более десяти человек. Самые известные и авторитетные – это бывшие «шульцы» Боровиков и Воеводин (СВР). В честь них и называют группу.

Членам БТО вменили не менее пяти убийств, в том числе казнь Николая Гиренко, эксперта по делу Ш88, убитого выстрелом через дверь в своей квартире в 2004 году. Мотивом являлась месть либералу за его деятельность по организации политических репрессий против националистов.

Также был убиты бывшие приближённые группы Гофман и Головченко, предположительно, как свидетели других акций, способные совершить предательство. Под предлогом пикника их отвезли в лес у посёлка Заходское, расстреляли из «Сайги», добились ножами и там же закопали.

Последним громким убийством БТО стал расстрел чернокожего уроженца Сенегала Самбо Лампсара у ночного клуба в Петербурге.

Всего БТО вменили более 20 эпизодов преступлений, в том числе убийства, разбой, грабёж, бандитизм, разжигание межнациональной ненависти и незаконное хранение оружия.

Дима немного не дожил до своего 22-летия, сражённый пулей, прожил очень короткую, но яркую жизнь. Нельзя сказать, что за прошедшие десять лет его забыли, напротив, в молодёжной радикальной среде возник целый его культ. Расскажу подробнее об этом явлении.

Новость о разоблачении «глубоко законспирированной банды неонацистов в Петербурге» громом грянула в российском информационном пространстве. Телевизор массированно бомбардировал обывателей сообщениями о БТО, и это вызвало также и обратную ожидаемую реакцию. Молодые радикалы вдохновились историей борьбы Дмитрия Боровикова, что нашло выражение в многочисленных акциях почитания его памяти.

География культа Боровикова обширна. Сюда вошло и большинство российских регионов, и Украина, и другие бывшие советские республики и страны Восточной, Центральной и Западной Европы.

18 мая – день смерти Димы – стало важной датой для его поклонников. В этот день повсюду проходили посвящённые ему акции, как правило, в виде вывешивания баннеров на мостах с его именем и фамилией, датами рождения и смерти, скандинавскими рунами, кельтскими крестами и обещаниями не забыть и отомстить. Иногда растяжки появлялись и на стадионах во время матчей.

Также популярным форматом стали граффити-акции с нанесением профиля Дмитрия на уличные поверхности и расклейка тематических листовок и стикеров.

В 2007 году в Петербурге на пересечении улицы Рубинштейна и Невского проспекта в ресторане Макдональдс произошёл взрыв. Вторая бомба взорвалась 4 марта у станции метро «Владимирская» во время акции антифашистов «Еда вместо бомб». Спустя месяц полицейские задержали молодых людей из «Движения имени Дмитрия Боровикова», совершивших эти теракты.

Появились и политические организации, открыто выражавшие симпатии личности Боровикова и объявившие его символом бескомпромиссной борьбы против антинационального режима.

Кроме телевидения и газет, большой вклад в «раскрутку» культа Боровикова внёс петербургский литератор Илья Стогов, написавший в соавторстве с Георгием Бойко книгу «Неприрождённые убийцы». Впоследствии книга выдержала множество переизданий, включая аудиовариант, с неизменно успешными продажами.

Могила Дмитрия Боровикова превратилась в объект паломничества национал-социалистов из других городов. Стало традицией посещать его могилу на годовщину смерти для петербуржцев и иногородних. Каждый сторонник радикальных взглядов, оказавшись в Петербурге, стремился попасть туда. Однажды большая группа сторонников даже организовала факельное шествие к монументу на месте захоронения Дмитрия.

Постепенно из плоскости уличного активизма и насилия почитание памяти Димы переместилось исключительно в информационную сферу. Появилось множество видеороликов, прославляющих его борьбу, распространяемые в интернете постеры с его цитатами. Многие поклонники стали делать татуировки с его изображением, фотографировать их и выкладывать в интернет.

«Быть воином – значит жить вечно!» - таков девиз сторонников Дмитрия, сохранивших память о нём спустя уже десять лет после его смерти.

Диму похоронили на Северном кладбище, и иногда я прихожу к нему. В отличие от Алекса Вострокнутава, он лежит среди высоких сосен в бору, в хорошем месте, хотя это и нарушает его просьбы. Товарищи говорят, что Дима совсем не хотел быть похороненным на кладбище «среди незнакомых людей» и завещал, чтобы его пепел развеяли или закопали в красивом месте, на лоне природы. Но власти не разрешили кремацию, и родные похоронили Диму на обычном кладбище. На

надгробном памятнике высечен восьмилучевой славянский коловрат. Таково было и его славянское имя.

И сегодня боль утраты велика. Дима был очень талантливым, сильным, умным, и с его смертью весь наш народ понёс большую потерю. Уверен, что он мог бы добиться успеха в любом выбранном деле, но жизнь сложилась так, что Дима встал на опасный путь жестокой борьбы и погиб, сражаясь с оружием в руках.

В этом смысле гибель Дмитрия является не только болью, но и маленьким торжеством исповедуемых им идей. Вспоминаются стихи Некрасова:

*За убежденье, за любовь...
Иди, и гибни безупречно.
Умрешь не даром, дело прочно,
Когда под ним струится кровь...*

Жить идеей и бороться за неё, отдав свою жизнь и умерев несломленным, – не каждому суждена такая судьба.

Поясню, что я не оправдываю те действия Дмитрия, которые привели к нарушению чьих-либо прав и законов, и не призываю к их повторению. Мне он был дорог как личность, а его поступки, как и поступки любого человека, должны подлежать критическому анализу. Как я сказал, он мог бы добиться успеха в любом деле, но сама среда, где мы тогда находились, сотнями невидимых мотивов подталкивала именно к тому радикальному пути. Взойдя же на него однажды, обратной дороги не было. В этом трагизм жизненного выбора Кислого.

К сожалению, альтернатива сопротивлению до смерти у Димы была не лучшей, и он явно понимал это. Пожизненное заключение на пяти метрах бетонного мешка, садистский издевательский режим, отсутствие малейшего комфорта и удовольствий до последних лет жизни, и самое главное наказание – тотальная невозможность участвовать в борьбе. И другой жребий – гибель в бою, вечная молодость, слава и почитание сторонников, вдохновлённых его поступками.

Сейчас о последних годах жизни Дмитрия Боровикова можно порой услышать разное. Есть те, кто осуждают его за мнимые или реально совершённые проступки. Нужно признать, что идеология, исповедуемая некоторыми членами БТО, совершенно неприемлема для большинства здравых русских людей нашего времени, а плохие поступки не имеют оправдания. Некоторые приписывают дегенеративное человеконенавистничество журналов, выпускаемых отдельными персонами из числа знакомых Димы, ему самому.

Мне тут нечего ответить. В последние три года его жизни я сидел в тюрьме и не могу судить о делах, которые мне неизвестны. Я навсегда запомнил его как солнечного человека, очень дружелюбного, верного, думающего, грамотного. Я горжусь тем, что жизнь свела меня с ним и что я смог внести лепту в его идейное и личностное развитие. Думаю, что при всех своих недостатках Дима во многих отношениях превосходил большую часть ныне критикующих его. Он не просто говорил; его слова всегда были подкреплены делом.

Рассмотрение кассационной жалобы, этап

Спустя примерно полгода после приговора мне, наконец, сообщили о назначении рассмотрения моей кассационной жалобы в городском суде. Ехать не надо было, так как кассации рассматривались по телемосту на первом этаже Крестов. Удобно, конечно, однако без живого присутствия подсудимых отправлене правосудия превращается в мёртвый ритуал, вызывая в памяти сталинские политические репрессии, когда «вождь народов» мимоходом подписывал расстрельные списки с тысячами фамилий, не удосужившись провести какое-либо личное расследование их вины, во всём полагаясь на следствие.

Впрочем, возможно у него не было оснований не доверять следствию. Именно такой фразой в большинстве случаев отвечают суды вторых инстанций на протесты на уже вынесенные приговоры. Нет оснований считать приговор необоснованным, нет оснований не доверять свидетельским показаниям, нет оснований для отмены приговора. Фактически, кассационное рассмотрение дела - это только формальность, ведь за короткие минуты заседаний чисто физически невозможно изучить все аспекты рассматриваемого дела.

Так было и в моём случае. Пятнадцатиминутное судебное заседание, завершившиеся вынесением решения по многотомному делу, - это насмешка над правосудием.

Стоя перед чёрно-белым телевизором, в котором смутно виднелись неясные силуэты в бесформенных чёрных платьях, я повторил суть претензий к приговору Ждановой; судьи удались якобы для обсуждения моей жалобы, через десять минут вернулись и сказали, что приговор законный и обоснованный и изменению или отмене не подлежит. Инспектор отвёл меня в камеру.

Приговор вступил в законную силу, теперь в течение десяти дней мне должны прислать «законку» - документ, свидетельствующий об этом. После обычно заключённых сразу же ставят на этап.

Тут было о чём задуматься. Я мог предоставить событиям идти своим чередом, не вмешиваясь в них, и сыграть тем самым жизнью в лотерею. В большинстве случаев администрация набирала в этапы людей произвольно – пятьдесят туда, пятьдесят сюда. Я мог попасть в одну из зон вблизи Петербурга, а мог уехать за тысячи километров. Последствия случайного выбора администрации могли привести к совершенно непредсказуемым последствиям.

Вечером я созвонился с Мухой-Борманом и поделился с ним новой информацией. У него никаких сомнений не возникало.

- Тебе надо ехать на Металку, - говорил он в экспрессивной манере, быстро и агрессивно. – Здесь будет всё, пусть и не сразу: еда, жильё, нормальная работа. Самое главное – пространство. В Металлострое самая большая зона в Европе! 25 гектаров земли. Да тут райское место по сравнению с Обухово или с любой

тюрьмой. С хозяином у меня всё нормально, значит уйдёшь по УДО через год. Организую приём, будешь здесь как сыр в масле кататься.

Я быстро принял решение. Когда в лагере тебя ждёт товарищ, уже обустроившийся ранее и способный реально помочь в улаживании всех бытовых вопросов, то надо без промедлений ехать туда. А пускать собственную судьбу на самотёк, полагаясь на прихоть неизвестности, нелепо.

Оставалось только договориться с этапом в Металлострой. Благодаря коррупции, насквозь проевшей всю государственную систему управления, включая службу исполнения наказаний, цена вопроса встала недорого, всего лишь в несколько сотен американских долларов. Спустя неделю меня назвали на вечер с вещами на выход.

Естественно, что сокамерники ничего не знали и сомневались в моём попадании на Металку. Я же внутренне улыбался, уверенный, что завтра я встречу со старым товарищем, и мои тюремные блуждания совершат новый виток, на этот раз устремлённый к хорошим событиям.

Металка

То, как осуществлялся этап в зону, не обходилось без странности, подобно большинству перемещений заключённых в исправительной системе. Из камеры выводили не утром, а вечером, и ночь держали в подвальном «спальнике», чтобы утром на автозаке вывести в лагерь.

Собралось примерно двадцать человек, из них десять грузин. Не скажу, что нежданное соседство с компанией выходцев из бывшей советской республики принесло положительные эмоции. Начать хотя бы с того, что граждане эти поголовно торчали на опиатах и не стеснялись колоться прямо в этапе у всех на глазах. Впрочем, ненаркоманы в тюрьме в те времена стали большой редкостью, вне зависимости от этнической принадлежности. Но всё же эти конкретные грузины, видимо, следуя своему национальному характеру, склонному к гедонистическим удовольствиям и эмоциональным крайностям, в потакании страсти к наркотику переплюнули многих. Некоторые уже не удовлетворялись простым героином и пускали по венам адскую смесь метадона с кокаином. Надо ли говорить, что их дозы были огромны, а точек на теле, пригодных для введения наркотика, оставалось мало, и они вынуждены были колоться в паховую область и другие подобные места, что со стороны выглядело просто ужасно. Похожие на орков из экранизаций книг Толкина, с головы до ног заросшие бурной растительностью коренастые южане, блестя тёмными глазами, на корточках возбуждённо толпились в углу камеры, доставали из задниц наркоту, на зажигалках варили её в столовых ложках, и всё это в полумраке подвального помещения, при свете тусклой лампочки. Вряд ли мне суждено когда-то забыть это фантазмагорическое действие, разыгравшееся на моих глазах однажды десять лет назад.

Утром нас вывели во двор, погрузили в два автозака и повезли в зону.

Дорога не заняла и часа, ведь ИК-5 находится всего в нескольких километрах от городской черты.

Машина остановилась перед невидимыми для нас воротами, они с глухим металлическим звуком поднялись, будто вход в средневековую крепость, автозак заехал в шлюз, и ворота закрылись. Мы спрыгнули со ступенек на асфальт.

Нашим глазам открылось непривычно большое пространство, нечто вроде площади, а за ней лежала зона – настоящий город-государство, где нам суждено теперь жить, следуя принятым здесь правилам или нарушая их.

Думаю, имеет смысл сначала сообщить вам исторические данные о лагере и информацию общего характера.

Исправительная колония общего режима в посёлке Металлострой Ленинградской области появилась, насколько я знаю, в год смерти Сталина. Решение о её создании приняли буквально через месяц после его кончины. Планировалось, что здесь будут отбывать наказание и работать лица, осужденные на небольшие сроки за уголовные преступления.

Изначально это был пустырь, огороженный колючей проволокой без каких-либо построек. Первые годы заключённые жили в землянках и юртах, в деревянных бараках так называемого каркасно-засыпного типа. Шили рукавицы, обувь на деревянной подошве, сколачивали тару, выгонялись из зоны для грязных работ за её пределами.

Впоследствии лагерь перепрофилировали на выпуск административной мебели и выездные работы полностью прекратили. В новых огромных цехах создали уникальное по тем временам производство, ежегодно выпускавшее продукцию на десятки миллионов рублей. В советское время ИК-5 выпускала десятки наименований мебели. Например, зона поставляла Ленинграду большую часть школьных парт, кресел для кинотеатров и т.д.

После падения СССР производство пришло в упадок, как и повсюду в стране. Большинство цехов стояло пустыми, некоторые сдавались в аренду коммерческим организациям с воли.

По рассказам, в прошлом ИК-5 считалась хорошей трудовой зоной, где заключённые исправно работали, получая приличную по тем временам зарплату, и стабильно уходили на УДО. Взамен за высокие производственные показатели администрация не закручивала режим, смотря сквозь пальцы на то, как мужики втихую пили по ночам водку, перебрасываемую через забор. Но это только с чужих слов. Я же могу свидетельствовать лишь о положении в зоне, сложившемся в 2006 году.

В описываемое время Металка являла собой сущий ад со всех точек зрения. Во-первых, зона была переполнена. В бараках не хватало коек, и десятки, если не

сотни, зэков находились на положении бомжей, не имея своего личного места для сна. Человек поднимался из карантина в зону, для него не находилось свободного шконаря, и он был вынужден скитаться по баракам, ночуя на местах тех, кто сидел в тот момент в ШИЗО, чтобы после их возвращения снова искать свободную койку. В результате зэки всеми силами стремились обустроить жильё в «промышленной зоне», что строго запрещалось режимом. И всё же, несмотря на запрет, в промзоне ночевали сотни заключённых. Однако рабочих мест в промке не хватало, а значит, не хватало и жилья.

Во-вторых, 90% заключённых здесь являлись наркоманами, совсем не собиравшимися отказываться от пагубной страсти. Торчали все: смотрящие и прочие блатные, активисты, мужики, обиженные. Наркотический угар буквально витал над зоной. Это накладывало явственный отпечаток на жизнь и взаимоотношения с людьми в ИК-5. Процветало воровство и кидалово, беспредел бандитов и смотрящих. Из-за просроченных долгов, сделанных на почве наркотиков, люди попадали в петушатники либо гасились в промке, кончали жизнь самоубийством. Почти каждую неделю происходили смертельные передозировки и не единожды на моих глазах «скорая помощь» увозила очередной бездыханный труп.

И, в-третьих, в зоне отсутствовала чья-либо единоначальная власть. Хотя считалось, что лагерь «чёрный», то есть находящийся под контролем блатных, на деле он был наркоманским, и воровские законы повсеместно нарушались. Беспредельничали как бандиты, так и смотрящие, занимавшиеся вымогательством денег, а администрация по мере возможностей тоже добавляла неприятностей зэкам.

Обо всём этом я ещё много буду писать дальше. Для начала стоит немного рассказать о внутреннем устройстве лагеря.

ИК-5 на карте выглядит как почти ровный квадрат со сторонами протяжённостью по 500 метров. Я часто слышал, как зону называли самым крупным среди действующих лагерей по площади в Европе. Не знаю, так ли это, но размер Металки по сравнению с другими зонами действительно впечатляет.

Три четверти территории занимает промышленная зона с более чем десятком больших цехов. Меньшая часть – жилая зона – «жилка», где расположены двухэтажные бараки, построенные по обе стороны короткой внутренней улочки. В жилке находится стадион, граничащий с промкой и отгороженный от неё высоким забором.

Есть ещё плац, где проводятся три раза в сутки проверки спецконтингента, вокруг него здания школы, ПТУ и заочного института, магазин и дежурка инспекторов. Внутри жилзоны имеется небольшая церковь с чёрными куполами.

Чтобы попасть из жилой зоны в промышленную законным путём, нужно пройти по плацу и далее через КПП на первом этаже дежурки. Там за стеклом сидят

управляющие турникетом активисты, проверяющие, имеет право зэк пройти в промку или нет. Ну а нелегалы лезут прямо через забор у футбольного поля.

Понятно, отчего зэки всегда хотят попасть в промку. Жилая зона мала, в бараках тесно, а в тесноте всегда возникают конфликты и невозможна спокойная жизнь. В 2006 году не в каждом отряде (а всего их насчитывалось больше пятнадцати) даже был туалет, не говоря уже о душевых кабинках. Иногда приходилось ходить за этим на улицу.

Стены кирпичных барачных корпусов рассыпались на глазах и внутри были покрыты плесенью. Плотнo придвинутые друг к другу двухэтажные кровати и только узкий проход между ними. Никотиновый туман в любое время суток, опостылевшие лица уголовников, крысятничество и постоянные случаи заболевания туберкулёзом. Залипающие наркоманы на каждом шагу.

Другое дело – промка. Здесь полно свободного пространства и, помимо собственно рабочих мест, в каждом цеху оборудованы просторные курилки для мужиков, есть горячий душ, а кое-где и настоящая сауна. В цехах работники устраивают так называемые «шушары» - места нелегального проживания в виде отдельных комнат, обставленных мягкой мебелью не хуже, чем иные квартиры на воле. С мебелью в зоне проблем нет, всё-таки её и производит промка.

Всё это мне ещё предстояло узнать и в полной мере осознать, сейчас же я просто наслаждался раздвинувшимся в тысячи раз пространством, дышал чистым воздухом, смотрел на небо.

Согласно установленному порядку нас, как новоприбывших, поместили в «карантин» - отдельно стоящее одноэтажное здание со спальным помещением и залитым лучами света двором. Какое это было удивительное счастье – выйти после почти трёх лет тюрьмы бесконтрольно на открытый воздух, сидеть на деревянной скамейке и слушать, как шелестят листья на березе, и даже иметь возможность дотронуться до них рукой!

Грузинская группировка

Сидеть на скамейке во дворе мне пришлось недолго, так как пришёл Муха-Борман и увёл меня гулять по промке.

Алексей находился на Металке уже полгода и прилично освоился и изучил местную жизнь. Правда, не обошлось без эксцессов, которые могли постигнуть и меня. Дело в том, что в лагере основную силу представляло сообщество грузин, исповедующих воровские идеи. Грузины в местах лишения, надо сказать, в 99% поддерживают воровской ход. Они живут сплочёнными общинами, всегда заступаются друг за друга, слынут злостными нарушителями режима, пробиваются на высокие должности «смотрящих» в неформальной блатной иерархии.

Грузины в Металке крайне отрицательно относились к скинхэдам и предпринимали в нашем отношении враждебные действия, хотя с точки зрения уголовных понятий ничего предъявить нам было нельзя.

По понятиям «спрашивать» с человека, то есть наезжать с претензиями, можно только на тех людей, кто совершил что-то недостойное на воле или в заключении. К таковым относятся насильники и наркоторговцы, а также беспредельщики, нарушавшие неписанные законы в местах лишения свободы - опускавшие эзков без санкции блатных, занимавшиеся вымогательством или насилием над сокамерниками.

Муха ничего подобного не совершал и, попав в зону, формально живущую по блатным понятиям, думал, что никаких проблем быть не должно. Однако в грузинской группировке считали иначе. Понятия для этих профессиональных преступников служили лишь средством достижения своих целей, заключающихся в укреплении собственной власти и устранении враждебных сил, к которым, естественно, относили и скинхэдов.

По приезду в зону Муха-Борман познакомился с начальником отдела безопасности (ОБ) колонии Шумовым – одним из влиятельных руководителей администрации. Шумов согласился решить вопрос об условно-досрочном освобождении Алексея в обмен на гуманитарную помощь. Его зачислили в 45 «режимную» бригаду, находящуюся под непосредственным контролем начальника ОБ. Другой человек, вместе с Алексеем приехавший в зону, стал бригадиром 45 бригады. Но обстоятельства сложились так, что бригадир оказался наркоманом и был выгнан с должности. Мухе же пришлось занять его место.

45 бригада являлась сборищем откровенных маргиналов, выделявшихся даже на фоне пёстрого уголовного контингента зоны. Далее я ещё расскажу подробнее о ней.

Бригада относилась к активу, выполняя задачи по контролю над передвижениями эзков в лагере. Однако, как известно, «за образ жизни» в неволе не спрашивают. Это означает, что само по себе нахождение на должности не является основанием для насилия над человеком. «Спрос» по блатным понятиям возможен только за конкретный неприглядный поступок. Поэтому Муха-Борман, никогда не беспределивший в тюрьме и не знавший за собой «косяков», первые дни в зоне свободно ходил по жилке. Но однажды в жилой зоне его заманили в отряд, служивший штаб-квартирой грузинской преступной группировки.

Не ожидавший ничего дурного бритоголовый зашёл в барак, где грузины вершили суд над нарушителями установленных ими же правил. В отличие от других секций, переполненных заключёнными, в большой комнате кровати были установлены в один этаж, стены покрашены. Сюда собирались на сходки грузины и их союзники со всех отрядов. С утра они обычно вмазывались героином, а вечером проводили расправы. Здесь каждый день людям ломали руки железными дужками от кроватей и разбивали головы табуретками. Кара наступала за несанкционированный оборот наркотиков и любые коммерческие сделки,

закрывающиеся в обход блатных. Смотрящие получали долю от каждого зятанутого в зону груза с наркотой, но горе тому, кто не уделил «внимания» черноходам! Их, как правило, сдавали свои же, получая за это от грузин какую-то мзду. Нарушителя же жестоко избивали и объявляли, что он должен заплатить круглую сумму, чтобы загладить вину перед «общим».

Муха-Борман был бесконечно далёк от наркотиков и ещё слабо тогда представлял схему действий грузинской мафии, и потому без опаски пришёл в логово врага.

Как оказалось, грузины между собой давно уже решили забить приехавшего в лагерь здорового скинхэда. При появлении Мухи они одновременно начали выкрикивать оскорбления и угрозы, провоцируя его на проявление неуважения к ним, чтобы таким образом оправдать свои дальнейшие насильственные действия.

Но Муха-Борман вёл себя спокойно, и тогда грузины вдесятером навалились на него. Осыпаясь градом ударов товарищ, пользуясь своим стадеятикилограммовым телом как пушечным ядром, пробил толпу южан и выскочил из барака.

После этого случая он остерегался появляться в жилке и проявлял максимальную осторожность.

И вот я приехал на Металку, и в лагере начались нездоровые движения среди блатных. По зоне распространялись слухи о знаменитом лидере скинхэдов Шульце, находящемся в карантине. Моментально грузины постановили на меня напасть при первой возможности. Как государство вынесло мне приговор в виде шести лет лишения свободы, так и присоединившиеся к нему этнические преступники добавили к приговору дополнительное жестокое наказание.

Две недели карантина я только ночевал в его помещении, отделённом от остальной зоны забором, а всё дневное время гулял по промке с Борманом. Ночи по соседству с десятью грузинами, спящими на соседних шконках, были экстремальны, но меня спасла недавняя «постанова», исходящая от блаткомитета, согласно которой в карантине были запрещены любые разборки. Грузины ждали, что через полмесяца меня поднимут в жилую зону и тогда-то они поквитаются со мной за всех своих пострадавших от рук скинхэдов земляков. Это был настоящий беспредел этнической ОПГ, но бороться с ним в существовавших условиях было нереалистично.

Кроме грузин активизировались и зоновскиескинхэды. Я получал от них призванные продемонстрировать оказываемое мне уважение бандяки – чай, сигареты, конфеты и прочее. Через неделю Муха организовал нам сходняк на пустыре у края зоны. Собралось двенадцать скинов – сплошь молодые парни, в основном из рабочих отрядов. Отчасти по привычке, но также и по острой необходимости, я пробовал их настроить на жёсткую конфронтацию с грузинской группировкой, но быстро понял, что имеющихся в наличии сил недостаточно для открытой войны. Оглядев свою скромную «армию», я не почувствовал у парней

достаточной решимости. Вечный кадровый голод и недостаток мужества – наши постоянные проблемы всегда и везде.

Уже в карантине Муха-Борман договорился о моём будущем месте работы. Через два с половиной месяца я должен был занять место бригадира и сторожа в 3 цехе. Оставалось только протянуть это время, не поднимаясь в жилую зону. Тут помог Шумов, санкционировавший мой перевод в 45 «режимную» бригаду. Отбыв две недели карантина, я вместо жилки перешёл в отдельный барак режимной бригады, спасшись таким путём от неминуемой агрессии грузин.

Режимная бригада

45 бригада, или просто «режимка», как было сказано выше, являлась сборищем маргиналов, выделявшихся даже на фоне исправительного лагеря. Сюда приходили в основном те, у кого в жилой зоне были серьёзные проблемы с блатными, те, для кого не оставалось иного выхода, кроме как вступить в актив, этим обезопасив себя от нападков черноходов. В большинстве это те же наркоманы, из-за конфликтов «сломившиеся» в актив.

Барак режимки находился в особой локальной зоне между жилкой и промкой, на первом этаже административного здания, верх которого занимали оперчасть и производственное управление зоны. Простые зэки не могли на законных основаниях находиться здесь, да и не стремились сюда. Обязательные три ежедневные проверки проводились в режимке не на плацу вместе со всеми зэками, а во дворе с другой стороны дежурки, у штаба. Таким образом, активисты режимной бригады оставались полностью изолированными от жилзоны и приходили туда только в сопровождении сотрудников. Конечно, блатные теоретически могли напасть на режимников и в промке или даже проникнуть к ним в барак, однако 45 бригада находилась под защитой администрации, и нападать на активистов вне жилки по неписанным правилам запрещалось. Вот если бы режимник зашёл в жилую зону, как неосмотрительно поступил Борман, то тогда с ним могло произойти всё что угодно.

Работа активистов заключалась в контроле над передвижениями арестантов из промки в жилку. Посменно активисты дежурили в будках у локалок, выпуская и запуская рабочих, перемещающихся между отрядами и цехами.

За работу ничего не платили. Считалось, что участие в активе осуществляется на добровольных общественных началах. Впрочем, даже зэка, вкалывающие в промзоне, как правило, получали за труд жалкие копейки – в лучшем случае несколько сотен рублей в месяц.

Наркоманы, даже оказавшиеся в сложном положении, задолжавшие деньги и перешедшие в презираемую касту активистов, не отказывались от владеющей ими болезненной страсти. Периодически в 45 бригаде кто-то попадался с

наркотой или вмазанным. Таким людям путь оставался только один – в петухи. Но и это не останавливало их.

Многих наркозависимых активистов Шумов заставлял подписывать заявления о добровольном переводе в петушиную бригаду сварщиков, занимавшуюся обслуживанием запретки – делом, позорным для всех арестантов. Такие бумаги преследовали целью обуздать нарковлечение под угрозой перехода в обиженные. И всё же наркоманы не могли совладать с роковым влечением и по нескольку человек за месяц пополняли собой сообщество лагерных петухов. Здесь собрались худшие из худших, и я по возможности не поддерживал с ними никакого личного общения, с нетерпением ожидая освобождения для себя места на производстве.

Власть наркотиков

Кто властвовал в зоне? Помимо грузин, бывших в абсолютном большинстве наркозависимыми, в ИК-5 существовала крепкая группировка бандитов. Братва не отрицала открыто воровской ход, на деле всегда придерживаясь своих интересов. Интересы же их были просты – комфортная, независимая ни от кого жизнь и выбивание денег. Так живут бандиты на свободе, так они продолжают поступать и в неволе.

Отличительные черты бандитов: хорошая физическая форма, постоянная готовность к драке, высокая коммуникабельность, позволяющая легко налаживать контакты как с блатными старой закваски, так и с администрацией, оставаясь при этом всегда при своём.

Основной контингент ИК-5 относился к мелкому уголовному элементу, наркоманам, воришкам и случайным в местах лишения свободы людям - алиментщикам, аварийщикам, бытовикам. Блатные преимущественно являлись грузинами – профессиональными барсеточниками и мошенниками, и примкнувшим к ним небольшим числом славянами.

Важную роль играла администрация, вовсе не единая, как можно подумать, а разделённая на различные группы и подклассы. Так и на свободе представители государственной системы различны в поступках и мотивациях в зависимости от занимаемого ими ранга, вплоть до полной противоположности взглядов и интересов.

Рядовые сотрудники ИК тупо тянули служебную лямку, мечтая о выходе на пенсию и пробуя одновременно заработать дополнительные рубли с помощью коррумпции или незначительных вымогательств.

Отдел безопасности, возглавляемый Шумовым, можно сравнить с органами госбезопасности, пресекающими стратегические угрозы самому существованию лагеря, охраняющими границы и сложившийся статус-кво.

Оперативный отдел – это МВД. Его цель в контроле над криминалом, достигаемом порой через полное взаимопроникновение с ним. В свете данного умозаключения не должен показаться шокирующим тот факт, что львиная доля наркотрафика организовывалась в колонии операми.

И наконец, хозяин – начальник ИК. Пребывающий в высших сферах, он царил над всеми, занимаясь внешними отношениями, редко себя проявляя, и тем не менее, по некоторым данным, обладал контрольным пакетом от всех возможных бонусов, связанных с наркоторговлей и взятками.

По сравнению с разделённой на камеры тюрьмой, зона, где скопилось до двух с половиной тысяч в той или иной степени взаимодействующих между собой людей, создавала действительно сложные социальные связи. Наблюдения за ситуацией в ИК-5 имели для меня и научный интерес, ведь ещё в Крестах я увлёкся социологией – дисциплиной, изучающей общество, его системы, отношения, институты и закономерности массового поведения людей. В замкнутом человеческом поле колонии присутствовали различные крупные игроки, в миниатюре воплощающие социальные группы, существующие и в большом, условно свободном обществе.

Анализируя происходящее, я видел полярные антагонизмы, делящие обитателей зоны на противоборствующие лагеря. Социальный дуализм всегда свойственен обществу людей, делая его более устойчивым. Так и в зоне, как и в любом социуме, различные группы людей разделялись по принципу противоположности интересов.

Например, промка и жилка – два разных мира, два различно организованных пространства, две реки в разные стороны текущего времени. Жилка – блатная, тесная, разнузданная, сходящая с ума от безделья, наводнённая кавказцами. Круглые сутки она бурлит в конфликтах и общении, на проверках многоголосит двухтысячная толпа, и злая энергия пронизывает землю. В отрядах смрад, ветхие бараки, кровати в четыре ряда, словно большущие пауки, сидящие в углах уколотые смотрящие, и налитая до краёв чаша свободного времени, которое некуда девать.

С другой стороны внутреннего забора промка – обширная и чистая, русская, работающая. В цехах нет места блатным, ведь им запахло работать, тут лишь трудяги. С утра до вечера промзона производит реальные продукты труда: мебель, текстильные изделия, краски, пластмассовую тару, автозапчасти, пиломатериалы и т. д. Сотрудников здесь также почти нет, только мастера, контролирующие производственный процесс, и нет издевательского режима – всё подчинено выпуску продукции.

Два полюса одного маленького мирка? Несомненно.

Смотря на вещи более глобально, можно увидеть, прежде всего, что люди здесь разделены на сотрудников и эков – на свободных и фактических рабов. Формально это самое главное разделение между людьми здесь. Однако если

приглядеться к рядовым инспекторам – уроженцам соседних деревень, иногда по двое суток подряд дежурящих в лагере ради небольшой денежной надбавки, и на то, как бойко они хлещат в дежурке отжатый у зэков спирт, понимаешь, что они в не меньшей степени пленники этого места, чем мы. В отличие от арестантов, освобождающихся после отбытия установленного срока, инспектора вынуждены отдавать зоне десятилетия жизни. По общению, повадкам и уровню культуры рядовые сотрудники колонии недалеко ушли от тех, кого они охраняют.

Другие враждующие полюса – активисты и блатные. Кажется, что ничего общего не может быть у этих двух непримиримых категорий. И всё же это зеркальные отражения одних и тех же влечений к власти и благополучию, только достигаемых разными средствами – в первом случае через сотрудничество с администрацией и получением поблажек, а во втором – путём занятия высоких ступеней в неформальной иерархии уголовной субкультуры.

На первый взгляд, люди стремятся, прежде всего, к выживанию – к созданию благоприятных условий для жизни в любой среде. Но в поведение обитателей Металки внесла коррективы могущественная сила наркотического влечения – управляющий поступками, заставляющий пренебрегать инстинктами самосохранения чёрный властительный демон, захвативший души покорившихся ему без остатка человеческих существ. Реальная власть здесь принадлежала наркотикам и никому другому.

Наркозона в Металлострое всегда голодная, ведь героин дорог, и нет ничего представляющего материальную или моральную ценность, чем не пожертвовал бы наркоман ради получения «лекарства». Уже когда я в дальнейшем работал в промзоне, ко мне в цех часто заходили наркоши, продающие за бесценок передачи и бандероли. Где-то на свободе их матери собирали скромные посылки с вещами и продуктами для своих блудных сыновей, а они, только получив долгожданную передачу, бежали в промку, чтобы обменять её на героин или деньги для покупки героина. Скорбные дела происходили в ИК-5.

В столовую я не зашёл ни разу, ибо положняковое питание было отвратительно, так же как и атмосфера заведения. Все пригодные продукты либо продавали на зоновском чёрном рынке (что формально запрещалось смотрящими), либо использовали для приготовления особого блатного котла. Из него питались те же смотрящие и авторитетные активисты. Мне же хватало собственных передач и продуктов из магазина.

Да что там еда, большинство зэков ходили в обносках и рваных ватниках, хотя в зоне функционировало швейное производство и за пару блоков сигарет не представляло сложности заказать новую одежду нормального качества. Впрочем, с сигаретами в лагере тоже наблюдалась напряжённость, и нельзя было пройти и сотни метров, чтобы у тебя не стрельнули покурить по нескольку раз.

Употребление наркотиков подчинялось строгим правилам, установленным такими же наркозависимыми блатными. Покупать героин разрешалось только у официального барыги – задорого и мало. Полагалось уделять с каждого приёма

наркоты так называемым достойным. К ним относились смотрящие и прочие члены блат-комитета. Получалось, что блатные торчали бесплатно за счёт «общей движухи», что не могло не быть причиной постоянных конфликтов. Наркоманы вечно стремились затянуть герыч, не делаясь ни с кем и никого не ставя в курс, то есть совершить «недостойный» в блатной терминологии поступок, и в результате попадали в неприятности. Всегда находился тот, кто пробалтывался или сдавал их, и не по причинам верности блатной идеологии, как можно подумать, а прагматически рассчитывая получить выгоду в виде дозы.

Зону, как все госучреждения РФ, разъедала коррупция. В колонии она касалась не только сотрудников, но и зэков, занимающих какие-то должности или имеющих доступ к имуществу и продукции. За наличный расчёт можно было купить всё – от мебели и сувениров до продуктов питания и одежды, и всё - сворованное со складов или сделанное из украденных материалов.

Тотальная наркозависимость и сюда внесла коррективы. Деньги и сигареты ещё были в ходу, однако героин стал куда более конвертируемой валютой, и за пакетик порошка можно было получить всё что угодно, включая вещи, недоступные за деньги. Кстати говоря, не сомневаюсь, что предложи любому наркоману в зоне снять штаны, нагнуться и дать совершить с собой гомосексуальный половой акт в обмен за грамм геры, и двое из троих согласятся, лишь бы об этом никто не узнал. Немало было и таких, кто согласился бы, даже если все узнают.

Считается, что целью лишения свободы является исправление преступников, достигаемое путём воспитательной работы с ними в период изоляции от общества. Побывав в наркозоне, могу свидетельствовать, что ничего глупее я в жизни не слышал. Всё что угодно, только не исправление является целью уголовных наказаний в России.

Отрядная система, весь вообще поставленный во главу угла коллективизм, пронизывающий стандартное устройство российских исправительных колоний, отсылает к идеям Антона Макаренко о воздействии на личность коллектива, о доминировании интересов коллектива над интересами личности. В целом идеи эти правдивы и механизмы реально действуют. Только в случае, когда коллектив на 90% состоит из асоциальных элементов, то и его воздействие на человека имеет чётко негативный характер. Например, я часто видел, как парни, не употреблявшие на свободе наркотики, оказавшись в окружении наркозависимых, попадали под дурное влияние и сами начинали торчать. В такой среде, чтобы стать лучше, нужно наоборот всячески сопротивляться влиянию окружающих, быть белой вороной, отрицать примат коллективных интересов, вести себя как крайний индивидуалист.

Фридрих Ницше целью наказания считал насаждение страха среди тех, кто ему не подвергся, дабы страх предостерегал от совершения поступков, признанных неприемлемыми. Свободные люди должны видеть, как страдают заключённые, и, страшась их судьбы, не преступать законы. Мне же иногда казалось, что

единственный практический смысл работы ИК-5 в посёлке Металлострой заключался в те годы в быстрой и безопасной реализации больших партий героина.

Напрашивалась аналогия с рейв-фестивалями, где под предлогом музыкального мероприятия собираются в одном месте тысячи потенциальных потребителей, и наркомафия за один вечер продаёт столько товара, сколько сотня дилеров едва бы реализовала за целый месяц.

В ИК-5 объём среднесуточного потребления героина мог превышать 500 грамм, и кто-то, несомненно, делал на этом большие деньги. Как я писал выше, часть наркотрафика находилась под контролем оперов, но официальный блатной барыга торговал не от них. Эту тайну мне не удалось разгадать, ведь куда ведут концы, знали только смотрящие, стоявшие на самых высших ступенях воровской пирамиды. Лично у меня нет сомнений, что свет на разгадку этой тайны мог бы пролить и начальник учреждения полковник Шепитько.

Жизнь и работа в цеху

Вскоре сторож в 3 цеху ушёл условно-досрочно домой, и приготовленное для меня место в промке освободилось. Начальник лагеря подписал приказ о назначении, и я стал сторожем.

В середине 2000-х годов сторожа в ИК-5 выглядели как белая кость зоны, но не в смысле принадлежности к уголовным «блатным», а так, как понятие блата понималось среди советских обывателей. Должность сторожа давала огромные преимущества, начисто меняя жизнь зэка.

Сторожу предоставлялось жильё в промке, поскольку по долгу службы он должен был находиться ночами в цеху, охраняя его.

Мой цех находился в дальнем углу зоны, на самом её крае, в пятнадцати метрах от свободы. В ширину он насчитывал шестнадцать метров, а в длину примерно шестьдесят. Одно рабочее помещение с потолками, достигающими восьми метров в высоту, но была и внутренняя двухэтажная пристройка для складов с материалами и готовыми изделиями.

У меня появилась собственная однокомнатная квартира на втором этаже цеха: оклеенная светлыми обоями комната с окном, выходящим на запретку, маленький коридор, кухня и личный туалет с настоящим действующим унитазом. Чёрная стальная дверь закрывалась на врезной замок, ключ от которого был только у меня.

Днём я обыкновенно оказывался относительно свободен, мог отсыпаться, гулять по зоне и заниматься своими делами. Вечером работники уходили из цеха, я закрывал входную дверь, и начиналось моё ночное дежурство. Сотрудники могли позвонить в дверь, я обязан был им открыть и показать помещения. В реальности

такое случалось не более раза в месяц. Поэтому ночами я занимался приготовлением пищи, прослушиванием музыкальных композиций, чтением и общением со свободой. Я приобрёл безлимитный телефон Skylink, аудиоцентр-бумбокс, электроплитку и некоторую мебель. Товарищи со свободы записали для меня сотню CD-дисков с «правой музыкой», и я наслаждался любимыми аудиозаписями. От старого же хозяина остались стиральная машина и морозильная камера.

Ночью кроме меня в цеху могли находиться только два человека: слесарь – русский беженец из Средней Азии, работник с золотыми руками, способный починить всё, что угодно, от прохудившейся системы отопления и старой искрящейся проводки до сломанной мебели, дверного замка или магнитофона, и «обиженный» по прозвищу Дракон, вечером занимавшийся уборкой, а днём ставивший рекорды в количестве отполированных деталей. Оба они считались выдающимися работниками, и начальство позволяло им ночью находиться в цеху, однако с точки зрения сотрудников колонии они являлись нелегалами и могли в любой момент угодить в ШИЗО за нахождение на производстве в ночное время.

В будние дни утром я шёл к начальнику, заседавшему в маленьком двухэтажном административном корпусе в пятидесяти метрах от цеха. Его звали Анатолий Анатольевич Цветков, это был пожилой седой мужчина с армейской выправкой – бывший военный. Иногда он давал какие-то поручения, но в основном всё ограничивалось коротким отчётом об отсутствии происшествий и нештатных ситуаций. Между нами царил полное взаимопонимание.

Надо сказать, что в моём цеху находилось коммерческое предприятие по изготовлению так называемых «кенгурятников» для автомобилей - конструкций из блестящих труб спереди и сзади внедорожников. Предприятием владели вольные коммерсанты, а не зона, то есть мой начальник являлся гражданским специалистом, а не сотрудником. Это крайне благотворно влияло на характер наших взаимоотношений. Вольные люди всегда относятся к зэкам с долей сострадания, в отличие от носящих погоны сотрудников внутренней службы, чья профессия подразумевает укоренившееся годами недоверие к спецконтингенту.

Непосредственно в цеху в дневное время находился вольный мастер Алексей, контролирующий производственный процесс. Третий гражданский работник – сварщик по аргону, выполняющий наиболее ответственную часть работы, которую нельзя доверить заключённым. И около двадцати рабочих, приходящих в цех утром и уходящих вечером, за исключением выходных дней, когда они отсыпались в жилке.

Некоторые обязанности проистекали из моего бригадирского статуса. Например, я иногда должен был водить бригаду в зоновский магазин для отоваривания. Также я следил за инструментом, складываемым в специальные металлические шкафы, закрывал и открывал их, контролировал качество уборки помещений.

Двадцать четыре часа в сутки я находился в промке и, поверьте, ни капли не сожалел об этом. Я словно затерялся в толпе осужденных, не имея над собой

никакого контроля администрации. Фактически я с сотрудниками почти нигде и не пересекался, и мало кто в лагере знал, кто я вообще такой.

У меня было собственное жильё – богатство, невообразимое для арестанта. К тому же проверки сторожей, как и в 45 бригаде, проходили отдельно у штаба, занимая несколько минут, в то время как переключки общей массы зэков на плацу продолжались по полчаса и более.

И наконец, мне платили зарплату – 3000 рублей в месяц. Для российской исправительной колонии образца 2006 года сумма немалая. Да и сейчас, спустя десять лет, несмотря на инфляцию и мнимый экономический рост, в российских зонах мало какой заключённый получает столько. Чтобы представить настоящую цену денег в местах лишения свободы, можно смело увеличивать сумму в пять, а то и в десять раз, ведь острый дефицит чего-либо многократно увеличивает значение и ценность предмета.

Впрочем, высокая зарплата была далеко не самым главным преимуществом работы сторожа. Легальное жильё в промышленной зоне – вот то, что желал бы обрести в ИК-5, наверное, каждый зэк. Но на всю огромную зону таких, как я, сторожей насчитывалось всего лишь около 30-40 человек.

Жилая зона

Так сложилось, что в жилке я побывал два или три раза. У меня не было никаких причин там находиться. Однако повествование будет неполным без подробного описания тамошней жизни. Я могу его вам предоставить, поскольку выслушал большое число людей, не понаслышке знакомых с реалиями жилой зоны ИК-5, и обладаю чёткой картиной того, что там происходило.

Жилка состояла из десятка двухэтажных барачков, с виду похожих на обычные панельные или кирпичные многоквартирные дома. Однако внутри жилые помещения по большей части напоминали казармы с десятками двухъярусных армейских кроватей, плотно расставленных вдоль стен. В каждом бараке проживало по несколько отрядов, в зависимости от общей площади здания.

Барачки (и отряды) делились на рабочие и нерабочие, то есть предназначенные для тех, кто работал в промке, и всех остальных. Первые внутри и снаружи выглядели относительно нормально. Они содержались в отремонтированном и чистом состоянии, число проживающих тут людей никогда не превышало количество коек. В бытовых вопросах администрация проявляла заботу о рабочих отрядах, так как вкалывавшие задарма заключённые приносили лагерю немалую прибыль. Также считалось, будто работавшие в промке зэки вступили на путь исправления. Администрация выписывала им за это благодарности, и они могли претендовать на условно-досрочное освобождение. Правда, на практике сплошь и рядом случалось так, что реально добросовестным работникам, вроде Мухи-Бормана, суд отказывал в УДО, тогда как ни дня не проработавшие грузины,

открыто торговавшие и коловшиеся героином, неизвестно за какие заслуги освобождались досрочно.

Днём большинство обитателей рабочих бараков находилось в промке. Вечером приходили усталые, умывались и ложились спать. Может показаться, что работа бесплатно вместо развлечений и свободного досуга – это не лучший выбор, однако многие в колонии считали иначе и изо всех сил стремились попасть на рабочий отряд. Безвылазное сидение в жилой зоне отупляло, время там текло медленно, а выводы на работу позволяли абстрагироваться от окружающей нерадостной обстановки и заставляли дни пробегать намного быстрее, приближая заключённых к свободе.

На рабочих отрядах почти не содержалось блатных, ведь согласно их образу жизни работать «западло». Имелись и там, конечно, какие-то смотрящие, но их концентрация в целом оказывалась невелика. На рабочих отрядах сидели мужики, не блатующие и не активисты, обычные русские работяги, привыкшие и на свободе изо дня в день тянуть трудовую лямку.

Но после крушения СССР бывший локомотив производства административной мебели потерпел крах, как и большинство промышленных предприятий в стране. Многие цеха закрылись, а станки заржавели, вследствие чего количество рабочих мест значительно уменьшилось. Если в советские времена 99,9% зэков в ИК-5 трудились, то теперь зона чисто физически не могла трудоустроить всех желающих. К тому же высокий рост преступности привёл к переполненности лагеря. Поэтому стали появляться нерабочие отряды, и в 2006 году их стало примерно половина от числа всех отрядов.

Нерабочие бараки выглядели весьма мрачно. Осыпающиеся стены, протекающие крыши, высокая скученность, специфический контингент проживающих. Этот феномен хорошо знаком риэлторам и другим специалистам, имеющим дело с жилой недвижимостью – чем больше плотность заселения объекта, тем быстрее он разрушается и приходит в негодность. Почти все нерабочие бараки в ИК-5 находились в неприкрыто аварийном состоянии. Десятилетиями в помещениях не проводился ремонт: окна рассохлись и зияли щелями, дыры в полу и перегородках никого не удивляли.

Здесь наблюдалось максимальное число грузин и представителей других национальных меньшинств. Как правило, они образовывали диаспоры, занимая определённую часть барака. Здесь кучковались блатные, наркоманы и бедолаги, не сумевшие устроиться на производство. Настоящая клоака, место, куда я никому не пожелал бы попасть.

Конечно, всегда находились люди, ощущавшие себя и в столь неприятном месте как рыбы в воде. Блатные подтягивали своих единомышленников, приезжавших из тюрем, диаспоры помогали землякам, поделщики вытягивали поделщиков. Тем же, у кого в лагере не было ни друзей, ни близких по духу товарищей, приходилось туго. Особенно, по моим наблюдениям, страдали «малолетки», то есть молодые парни, этапированные в лагерь из колоний для

несовершеннолетних, когда им исполнялось 18 лет. Жилка молниеносно переламявала многих из них, превращая в шнырей и наркоманов, потерявших всякий моральный облик.

Лучше всех, кроме бандитов, жил, разумеется, блат-комитет, состоящий из группы самых близких к положенцу колонии уголовников. В описываемое время он на девяносто процентов состоял из грузин. Они занимали неформальные должности смотрящих за отрядами, игрой, наркотой и так далее, получая законную долю из «общего». Как рассказывал Муха-Борман, в секции, где собирались напавшие на него блатные грузины, кровати стояли в один этаж, что для переполненной жилой зоны являлось немалой роскошью.

Однажды мне довелось побывать и в секции положенца. Я увидел просторную квартиру с евроремонтom, современной кухней, большими чёрными кожаными диванами, стоящими вдоль белых стен, огромным плазменным экраном на стене и другой разнообразной электротехникой, от двух холодильников до микроволновки и тостера. И это в зоне, где сотни людей недоедали и не имели собственного спального места!

Существование большинства обитателей нерабочих барачков сводилось к прозябанию и ожиданию. Непрерывные поиски чая и сигарет, распитие чифира и постоянные перекуры, игра в нарды и карты, сон, хаотичные перемещения между отрядами и бытовые конфликты. Осмыслённость (если это слово будет уместным в данном контексте) в бытие вносили наркотики.

От наркоманов в ИК я часто слышал выражение «общая движуха». В тюрьме общим называли запасы чая и сигарет, формируемые из добровольных подгонов, складываемые в камерах смотрящих и выдаваемые ими нуждающимся. На Металке общей движухой назывался процесс разрешённого и возглавляемого блатными наркотрафика. Выглядело это следующим образом.

В зоне действовал официальный барыга, у которого заказывался порошок. Оплата осуществлялась при помощи яндекс-карт. Зэки просили корешей на свободе купить такую карту и записывали продиктованный по телефону номер. Далее номер сообщался барыге, и он проверял его. Если всё было в порядке, то имя зэка, заплатившего за наркотик, вносилось в список покупателей. По рассказам, список этот представлял собой гигантский свиток с сотнями имён и фамилий. Не менее раза в сутки в зону делался большой кидняк с сотнями граммов героина. В определённое время наркологи приходили к барыге, выстраиваясь в длинную очередь, начинавшуюся на втором этаже отряда и кончавшуюся далеко на улице. Барыга выдавал согласно списку порошок и вычёркивал имя его получивших. Так происходило ежедневно и практически на виду у администрации колонии.

Героин у официального барыги стоил дороже, чем на свободе, и «безбожно бодяжился», то есть разбавлялся толчёным мелом и таблетками. Блатные получали свою дозу бесплатно как «достойные арестанты», и часть уделялась на отряд, где сидели туберкулёзники – на «тубанар».

Тубанар, наверное, самое мрачное место в ИК. Там содержат безнадежно больных туберкулёзом, усугублённым СПИДом и гепатитом С. Это тюремный хоспис, скопление живых мертвецов, поражённых неизлечимыми хроническими болезнями. Обитатели тубанара в прямом смысле находятся уже на пороге смерти и поголовно употребляют героин, потому что лишь наркотик способен облегчить их предельно тяжёлое состояние.

Сознательных наркоманов мало, и каждый таит недовольство тем, что приходится отдавать порошок кому-то вместо того, чтобы колоться самому. Поэтому часты случаи нелегального затягивания героина. Но смотрящие зорко следят, чтобы герыч покупался только у официального барыги, потому что если зэки станут тянуть порошок в зону самостоятельно, то блатным нечего будет пускать себе в вену. Отсюда непрекращающиеся разборки, избиения и навешивание штрафов на «недостойных», осмелившихся нарушить установленные блатными порядки.

Затрону, пожалуй, такой аспект жизни в жилой зоне, как питание. Зэки иногда получают передачи, но это капля в море, не способная удовлетворить их аппетит. Приходится делиться с семейниками, то есть с близкими, с зэками, живущими на соседних койках, а также со смотрящими. И загонять часть на общее. Те, кто работает в промке, стремятся унести побыстрее передачу в свой цех, чтобы не пришлось раздавать продукты и сигареты попрошайкам, слоняющимся по жилке. К тому же в жилой зоне полным-полно крыс, и не только серых, но и двуногих, ворующих из тумбочек и способных даже вытащить вещи из под матраса ночью, когда человек спит. При этом многие вообще не получают никаких передач.

Большинство питается в столовой. Это большое здание, стоящее с краю плаца слева от дежурки. Уже за полчаса до завтрака, обеда или ужина у входа в столовую толпятся голодные массы арестантов. Открывается забор, и зэки с криками, толкаясь, бегут вовнутрь, словно стадо диких животных. В условиях тотального воровства на всех уровнях, начиная от администрации и заканчивая поварами в столовой, кормят просто отвратительно. Еда несолёная, плохо проваренная, с минимумом питательных веществ. Это опять же по рассказам, так как мне не довелось ни разу там столоваться. Существует отдельный блатной котёл, из которого едят бригадиры и блатные. Там всё нормально – пища хорошо приготовлена и вкусна, много мяса, белый хлеб, свежие овощи. Блатные, разумеется, сами не ходят в столовую, за их пайкой приходят шныри.

Есть в жилке и церковь – маленький храм с чёрными куполами. Постоянного священника нет, лишь по большим праздникам он приезжает в лагерь и ведёт службу. Церковь – это излюбленное наркоманами место, потому что там обычно пусто и можно спокойно уколоться. Во время массовых обысков в зоне за иконами прячут шприцы и героин, пользуясь тем, что сотрудники не шмонают место отправления культа.

Спокойные времена

Мой товарищ Муха-Борман тоже жил в промке. Требование отдельного жилья являлось основным его условием к администрации по приезде в зону. Сначала ему предоставили маленький вагончик без удобств, стоящий у бетонного забора рядом с пустырьём, а позже он перебрался в большую комнату с высокими застеклёнными окнами на втором этаже одного из административных корпусов. Там он ночевал, готовил еду, хранил имущество, мобильные телефоны и флаг со свастикой.

Алексей нисколько не скрывал радикальные взгляды и даже открыто демонстрировал их окружающим. Так, он заказал в швейной мастерской оригинальный головной убор – чёрную «гансовку» с двумя пуговицами, как у немецких военнослужащих второй мировой войны, и с гордостью носил её на виду у всех. Возможно, именно из-за необычного головного убора вкупе с брутальной внешностью сотрудники ИК-5 прозвали его Борманом.

Каждое утро Алексей встречал у шлюза входящего в зону «хозяина» - полковника Шепитько и, проходя с ним вместе через весь лагерь до здания штаба, докладывал о текущей ситуации и проделанной работе. Фактически Муха-Борман являлся в колонии главным активистом, приближённым к высшей администрации и пользовавшимся её всемерной поддержкой.

Основная его деятельность в ИК, как говорилось выше, была связана с отделом безопасности, а непосредственным руководителем являлся начальник ОБ Шумов. Благодаря столь высокому покровительству Мухе позволялось совершать даже столь дерзкие поступки, как прилюдное ношение гансовки, не говоря уже о том, что ни один сотрудник не мог ничего забрать у него, а если всё-таки что-то забирал, то имущество быстро возвращалось назад. Надо ли говорить о множестве запрещённых предметов, наполнявших его дом в промзоне.

Муха-Борман оказывал мне неоценимую помощь на Металке. Спас от грузин-беспредельщиков, помог занять отличную должность, обзавестись связями и жильём. Задействовав Шумова, он помогал в решении всех возникающих проблем, оградив меня от большей части сложностей, неизбежных в заключении. Через него не составляло труда пробить «зелёную» передачу без ограничений по весу и наименованию продуктов, приобрести телефон, вернуть забранный сотрудниками «запрет».

Мы много времени проводили вместе за разговорами и прогулками. Компания единомышленника, соратника – всегда приятна и важна, тем более, если ты заключённый, брошенный силой государства в скопление чуждых по мировоззрению и образу жизни людей.

Днями, вечерами и ночами мы, почти как свободные люди, гуляли по промке, забираясь во все её уголки, и ни один инспектор не вправе был препятствовать нам. Думаю, что за шестилетний срок моего заключения это время было самым спокойным и счастливым; короткий период безмятежности и душевного комфорта, редких в заключении.

В те моменты, когда его не ждала срочная работа, Борман любил покой. В 1 цеху он оборудовал личный спортзал, натаскал туда отовсюду железо: гири, гантели и блины - сделал самодельную штангу. В одиночестве он занимался или гулял в любимом месте у пруда в одном из самых уединённых уголков зоны.

Мы обсуждали массу самых разных вещей и, конечно, много говорили о политике. Совершение каких-то беспорядочных насильственных действий давно уже не виделось мне реальным средством достижения целей, продиктованных политическими взглядами. Кажется, Муха склонялся к моей точке зрения. Он уже второй раз, как говорится, топтал зону и наверняка порядочно устал от этой жизни, одновременно кочевой и подневольной, полной стресса и беспокойств. Никакие жертвы не могут быть слишком большими на пути к достижению великих задач, освящённых самой историей и интересами нашей расы, но приблизили ли нас наши прошлые поступки хотя бы на один шаг к желанному результату?

Задумываясь о будущем, я уже тогда склонился бесповоротно к необходимости ведения открытой общественной деятельности в существующих законных рамках. Я знал, что пройдут года заточения, я выйду на свободу и создам абсолютно легальное движение, опирающееся на позитивные ценности любви, а не ненависти, творчески переосмыслившее опыт предыдущих поколений, в самоубийственной атаке павших смертью храбрых на поле не имеющей и шанса на победу изнурительной войны.

В конце концов, моя личная цель, как мыслителя и деятеля, вдохновляющего на борьбу людские массы, заключена не в том, чтобы оставить после себя горы трупов, кого-то уничтожить или развязать кровопролитные конфликты. Она в том, чтобы своей волей и знаниями улучшить условия существования людей, сделать мир лучше, свободней и красивей, а жизнь достойней и гармоничней. Я не мыслил понятиями преступных группировок, противостоящих обществу или государству, я проникся верой в строительство русского гражданского общества, самоорганизацию граждан для защиты своих интересов и не видел в том ничего противозаконного или плохого.

Забегая на двенадцать лет вперёд, скажу, что эта политическая позиция привела меня к ряду взаимоисключающих результатов. С одной стороны, я создал общественную организацию, о которой мечтал, и смог сделать немало полезных вещей. Однако к настоящему времени ситуация в стране предельно ухудшилась, изменилась настолько, как мы и не могли предполагать. Режим, покоящийся на коррупции и безраздельной власти главного кремлёвского пахана, в наши дни перешёл к откровенно террористическим методам, перестав скрывать преступную антинародную сущность. Короткое время относительной свободы в России закончилось, и мир увидел оскал диктатуры, будто соревнующейся с тираниями прошлого за звание самого беспринципного и отвратительного режима. Организацию, отстроенную мной за шесть лет, запретили по надуманным предлогам, и я вновь оказался обвиняемым по 282 статье, на это раз за преступления, которые не только не совершал, но даже и не думал совершать. Чем закончится эта моя современная ситуация, покажет время. Важно, что

каждый мой шаг был продиктован добрыми и справедливыми идеалами. Пусть в будущем меня судит история, но совесть моя совершенно чиста.

Люди в зоне

Всё складывалось неплохо, и постепенно я адаптировался к жизни в лагере, как мне казалось, приспособился к тому, к чему нельзя приспособливаться. На самом деле нет ничего страшнее, чем привыкнуть к клетке, пусть даже и золотой, превратившись в человека, воспринимающего неволю как нормальную жизнь. Всегда должен присутствовать элемент недовольства, подтверждающий наличие внутренней свободы в человеке.

Понемногу я стал знакомиться с другими жителями Металки. Расскажу немного и о них.

В 4 цехе жил бригадир Саша Логинов – большой оригинал и самодур. Лет пятидесяти, маленький, краснощёкий, с высоким голосом, словно у извращенца, весь в золотых перстнях, крестах и цепочках. На свободе он занимался тем же мебельным бизнесом, и поговаривали, будто начальница 4 цеха – майор внутренней службы - на воле являлась его младшим компаньоном.

Когда Саша пришёл в цех бригадиром, на него никто не обратил особого внимания. Активистов в чёрной зоне ни во что не ставили, и однажды Логинова даже поколотили после того, как он потребовал от работников подмести помещение. Требование сочли попыткой установления «красного режима».

Но постепенно Логинов упрочил своё положение. Пользуясь стопроцентной поддержкой администрации, он щедро выписывал работникам поощрения и решал вопросы с условно-досрочным освобождением. Тех же, кто осмелился ему перечить, он увольнял, добиваясь их перевода на мрачные нерабочие отряды. Под его руководством производство воспряло, осваивая новые технологические операции и поставляя большее количество продукции за меньшее время. Прибыль зоны увеличивалась, станки ремонтировались, корпуса приобретали ухоженный вид. Помню, как поразили меня лозунги наподобие «Труд приносит свободу!», развешанные на стенах над станками в его цеху. Для наркозоны это выглядело очень необычно.

Не знаю, как с ним подружился Муха-Борман, да Логинов и сам этого толком не понимал. Максимов прочитал немало книг по практической психологии и умел в случае необходимости входить в контакт с любым человеком.

Помню, как Борман познакомил меня с бригадиром 4 цеха и как впоследствии я покупал у него мебель. Мы пришли в его шушару (как я потом узнал, она состояла из пяти комнат!) и расположились в гостиной, заставленной дорогими мягкими креслами и диванами. Саша вышел из спальни, и я успел заметить высокую кровать с балдахином, обитые гобеленами стены и пару молоденьких шнырей, сидящих на пуфиках на полу.

Логинов вышел в шёлковом халате, словно классический русский барин. В ИК-5 он соответствовал этому образу. Он любил выпить водки и устроить дебош, и я помню, как однажды дежурная смена инспекторов застала его в состоянии полного алкогольного экстаза, с невозможностью передвигаться на своих ногах, и как его бережно вынесла на улицу толпа рабочих и понесла к штабу, а он кричал что-то невообразимо дикое и возмущался. «Куда вы меня несёте! Я Логинов! Я Логинов!». Словно эту фамилию носит хозяин зоны, а не простой зэк. И хотя в тот раз в 4 цеху нашли целых 40 (!) бутылок водки, протрезвевшего Логинова сразу отпустили обратно в цех, так он был важен для производства.

В дальнейшем Логинов придумал схему абсолютного рабовладения. Как я говорил, из режимной бригады существовал только один путь – в петухи-сварщики. Бывших режимников не принимал к себе никто, в жилой зоне их били и унижали, и даже процедура общей проверки на плацу превращалась для них в мучения и представляла опасность. Так вот Саша стал принимать проштрафившихся активистов к себе на работу, предоставляя им убежище в цеху.

Никаких благородных мотивов в том не просматривалось – только стремление добиться полного подчинения работников. Экс-активисты работали у Логинова сутками, не получая взамен ни копейки, хотя на торговле мебелью и материалами он зарабатывал многие тысячи. Они не смели ему перечить, безропотно снося все психологические издевательства самодура, на которые он был охоч.

Маленькая тирания Логинова в 4 цеху основывалась на бесправии рабочих и болезненном стремлении бригадира к доминированию над людьми.

Одними из первых в число рабов Логинова попала самая трагикомичная пара друзей, какую я встретил за шесть лет тюрем и лагерей - Йоффик и Говно. Не лишним будет подробно рассказать о них на этих страницах.

Сама внешность этих двух, казалось бы, совершенно несовместимых арестантов вызывала улыбку. Йоффик – толстый, с округлым лицом, еврей лет двадцати пяти, но выглядящий старше из-за массивного телосложения, с татуировкой на сердце в виде Звезды Давида – древнего символа иудеев, и Говно – худой как глист подросток, в три раза меньший его по объёму тела, выглядящий лет на пятнадцать, бывший футбольный хулиган и бывший националист. Вылитые Винни-Пух и Пятачок из советского мультфильма.

Презрительную кличку Говно Антон получил от Мухи-Бормана. Таково было наказание за его грехи. Вот в чём они заключались.

Я познакомился с Антоном ещё в Крестах. Однажды в камеру вошёл худой подросток, назвавшийся правым хулиганом. Узнав, что это камера знаменитого лидера Шульц-88, он заявил, будто и сам является моим сторонником. Не помню, за что его арестовали, вероятно, за какой-нибудь мелкий грабёж. Он успел отсидеть на малолетке, а теперь перешёл на взрослый режим. Несколько месяцев мы провели вдвоём в камере Крестов.

Антоша много говорил, и всегда глупости. Я воспринимал его как инфантильного ребёнка, не полагаясь всерьёз на его слова, но и не ожидая от него подвоха. Летом 2005 года он уехал отбывать срок в Металлострой, и после мы несколько раз созванивались. Я рассказал Мухе, что в ИК-5 есть молодой парень правых взглядов, сидевший со мной в тюрьме.

Муха приехал на Металку в начале 2006 года, занял должность бригадира режимки и забрал из жилки Антона. За несколько месяцев тот сумел полностью дискредитировать себя, обнаружив отрицательные черты личности, такие как патологическая лживость и склонность к употреблению героина.

Муха поставил Антона на самую простую работу. Нужно было открывать три раза в день дверь между промкой и жилкой, чтобы зэки проходили на рабочие места. Но помимо работников в жилку стремились попасть наркоты, принимающие героиновые кидняки, то есть перебросы через забор, и Антоша мигом учуял открывшиеся перед ним перспективы. По ночам он стал запускать наркотов в промку, получая от них за это долю порошка. Скоро Антон крепко заторчал, не вкладывая в приобретение кайфа ничего – мечта любого наркомана в колонии.

При этом Антоша вечно врал как в мелочах, так и по-крупному, что не могло остаться незамеченным.

Тем временем стали известны отвратительные подробности его пребывания в жилзоне. Выяснилось, что он помогал блатным грузинам делать предьявы мужикам, сливая информацию о незаконных покупках телефонов и прочих сделках, нарушающих правила блат-комитета. Мужиков били и ставили на деньги, а Антоша имел свой маленький процент с чужого несчастья, причиной коего был сам.

Узнав обо всём этом, Муха-Борман выгнал Антона из режимки, наградив его унижительной кличкой Говно. Ведь только говно поступает подобным образом.

Йоффика по паспорту звали Андрей Иоффе. Весьма противоречивая и колоритная личность. Его отец – тоже Андрей Иоффе, также сидел некогда на Металке, кажется, за валютные махинации, ещё во времена СССР, весь срок занимая непыльную должность дневального штаба. Старожилы говорили, что он якобы мог решать любые вопросы в зоне, будучи активистом, очень ценившимся администрацией.

Сын пошёл по стопам отца. Однако в отличие от него стабильности в карьере младшего Йоффе не наблюдалось. Он трудился на разных должностях, но благодаря собственным интригам быстро отовсюду вылетал, умножая конфликты с арестантами и сотрудниками. С должности дневального комнаты длительных свиданий (одно из самых тёплых мест в лагере!) он ушёл на транспортную вахту, а оттуда в нарядчики, но и там не удержался и стал старшиной наряда в 45 бригаде, фактическим заместителем Мухи-Бормана. Там-то мы и познакомились.

Как и для всех зонавских косячников, режимка оставалась последним местом, где он мог оставаться, поддерживая минимально достойное существование. Толстый еврей старался изо всех сил, дабы вылететь и оттуда, плетя интриги и подсиживая товарищей, и его усилия не пропали втуне. На этот раз он умудрился круто подставить самого Шумова, что предопределило его последующие бесчисленные беды в лагере. Начальник Отдела безопасности ИК Шумов занимал одну из высших ступеней в администрации колонии, и заручиться его враждой означало навлечь на себя крупные неприятности. Так оно и вышло.

Шумов выгнал Йоффика из режимки, и карьера активиста закончилась печальным прозябанием и отчаянной борьбой за выживание в состоянии непрерывного экзистенциального кризиса, отмеченного глубоким физическим и психологическим дискомфортом. Никому я не пожелал бы такой судьбы в зоне, однако признаю, что Йоффик сам виноват в произошедшем.

Муха-Борман сначала вполне нормально общался с ним, несмотря на национальность и странные черты характера Йоффика. В местах лишения свободы приходится пересекаться при различных обстоятельствах с самыми несходными людьми, и невозможно вступать в немедленное столкновение с каждым, чей образ жизни и мышления тебе противоречат. Когда же Йоффик был изгнан из бригады и Шумов дал команду на его преследование, общение естественным образом прекратилось. Тем не менее в данном случае Борман выполнял лишь то, что предусматривали его обязанности, не переводя общественный конфликт в личный.

Как Йоффик сблизился с Говном, до конца не ясно. Слишком разные они люди. Антоша к тому времени окончательно упал духом, ведь он был избалованным подростком с очень малым запасом внутренней прочности. Йоффик же никогда не терял упорства и даже в самых сложных жизненных ситуациях проявлял жизнелюбие. Они познакомились в режимке и вместе ушли оттуда в долгое странствование по заснеженной зоне. Часто я видел два силуэта – один круглый, словно шар, а второй тонкий, как принявший вертикальное положение червяк, перелезающие в темноте через забор в промку или крадущиеся в вечернем сумраке вдоль стены в 4 цех.

Йоффик запомнился мне как оптимист, обладающий немалой силой воли, что, несомненно, являлось его положительной чертой. Оказавшись без поддержки администрации, а после под её давлением, он не сломался и, в конечном счёте, даже взял своё. Но в 2007 году жизнь его без остатка наполнилась страданием. Его перевели на нерабочий отряд, и он оказался вынужден проверяться на плацу, в толпе блатных, знавших, кто он, и точивших на него зуб. Как он сумел отбиться от нападков - никто не знает. Муха рассказывает, что у него хватило мужества заявить смотрящим, что он разобьёт голову первому, кто нападёт на него, и будь что будет. И от него отстали, дав спокойно приходиться на проверки. Вместе с Говном он нашёл прибежище в 4 цеху у Логинова и какое-то время даже занимал там скромную должность, сидя за стеклом в импровизированном КПП на входе,

пока Шумов не добился его увольнения и оттуда. Зимой началась полоса жёсткого прессинга Йоффика со стороны Шумова.

Йоффику, как бывшему активисту, не было места в жилке: ни в одном бараке он не мог чувствовать себя в безопасности, а местные обитатели не дали бы ему там находиться без ущерба для его здоровья. Поэтому он нелегально жил на производстве, подпадая под юрисдикцию Шумова, имеющего к нему личные мотивы для мести.

Многие сутки Йоффик провёл в стакане дежурной части, в крохотном квадратном помещении, куда набивалось по пятнадцать человек и где не было ничего, кроме бочки с парашей. Других задержанных освобождали быстро, отпуская в отряды или отводя в ШИЗО, он же сидел в стакане сутками, иногда по двое суток, а после освобождения, бывало, уже через несколько часов возвращался обратно.

Бетонный стакан в принципе не отапливался по причине отсутствия батарей, и находиться в нём зимой было тяжким испытанием. Цементная пыль и едкие миазмы испарений человеческих нечистот, парящие в камере, могли довести до болезни и более крепкого зэка, Йоффик же только немного похудел.

Шумов старательно находил новые шушары бывшего режимника в промке, ломал их, забирал обогреватели и мебель, и часто, приходя после проверки в цех, Йоффик и Говно обнаруживали своё жилище разгромленным и холодным. Однажды они пришли к Мухе и, стоя под окном, с извинительными интонациями попросили его вернуть им хотя бы печку. Той зимой на зону опустились жёсткие морозы.

Йоффик не сломался и спустя два года, когда в зоне произошёл бунт, смена режима и администрации, снова занял место в активе. Забавный факт: он стал бугром строительной бригады, полностью состоящей из узбеков-насильников. Ему поручили важную задачу построить в зоне клуб, и он её выполнил. Ирония судьбы, по которой все начинания еврея с течением времени обрушивались прахом, проявилась и здесь. Два месяца назад, в феврале 2016 года, в ИК-5 под Петербургом разгорелся пожар. Быстро распространившееся пламя полностью уничтожило здание отстроенного Йоффиком клуба. Правда, он к тому времени давно уже вышел на свободу.

Наверное, рассказ о людях в зоне будет неполным без описания некоторых сотрудников. Ну что ж, извольте.

Один молодой инспектор по кличке Заяц запомнился больше других. Многие инспектора, в основном из числа возрастных и побитых жизнью уроженцев соседних деревень, отличались пристрастием к зелёному змию. Приходя на смену с красными после попоек глазами, днём они обычно отсыпались в дежурке, а к вечеру, добыв несколько бутылок спирта, занимались привычным делом, не обращая особого внимания на происходящее в подведомственном им учреждении. Заяц был не таков. Прозвище, данное ему зэками, свидетельствовало о его высокой подвижности, хотя я бы скорее назвал его

Волком, ведь как утверждает народная мудрость, животное это кормят ноги, что в полной мере относилось и к нашему герою.

У Зайца имелась прагматичная цель, и её достижению он фанатично посвящал свои дежурства, не тратя времени на сон и отдых. Она заключалась в отшманывании у эков телефонов, и он слыл за настоящего рекордсмена в этом занятии.

В чёрной зоне, в отличие от красной, сотрудники не обладают тотальным контролем над заключёнными, и быт здесь подчинён не столько установленному инструкциями режиму, сколько уголовным традициям, чьими хранителями являются блатные. И всё же администрация, демонстрирующая лояльное отношение к неформальной самоорганизации эков, не закрывает полностью глаза на нарушение внутреннего распорядка исправительных учреждений. На Металке сотрудники пресекали как употребление алкоголя и незаконные перемещения по лагерю, так и использование телефонов. Только если в других ИК за найдённый мобильник арестанта может постигнуть действительно суровая кара, на Металке, как правило, телефон просто отбирался для дальнейшей его продажи или получения выкупа.

Заяц обладал звериным чутьём на мобильники и за двадцатичетырёхчасовую смену умудрялся порой отобрать до десяти трубок. Он любил выходить на охоту ночью, когда эки расслаблены и не ждут шмона, подкрадывался в темноте бесшумно, всякий раз настигая нарушителя с поличным, не оставляя ему возможности для бегства или сокрытия телефона. И хотя в те годы мобильники в зоне стоили немного, лишение телефона вело для большинства к серьёзным расходам, и потому Зайца остерегались все, кроме самых богатых и авторитетных, и слава об инспекторе с повадками хищника летела над лагерем.

У входа в жилые бараки всегда находились специальные люди, называемые «глазами», чья задача заключалась в том, чтобы в случае появления сотрудников предупредить отряд с помощью свиста или крика. Услышав свист, эки быстро прятали мобильники и прочие запреты в заранее подготовленные тайники, которые сложно найти без специального оборудования и детального обыска помещения. Заяц прибегал к весьма оригинальным способам, чтобы обмануть отрядных шнырей. Иногда он переодевался в эковскую робу и под прикрытием сумерек, никем не узнанный, подходил к подъезду, стремительно бросался на шныря, скручивал его и после входил в барак, собирая щедрый урожай трубок у ошеломлённых заключённых.

Бывало, что он забирался по пожарной лестнице прямо на второй этаж барака и десантировался в окно, благодаря неожиданному манёвру застигая нарушителей врасплох. Перелезть через забор и любые другие препятствия не составляло для него сложности.

Телефоны уходили на рынок или продавались в зоне, превращаясь в весомую добавку к скромной зарплате инспектора. Однажды и я пострадал от пронырливого Зайца.

Уходя на проверку, я, как и многие другие сторожа, оставлял мобилу на зарядке, зная, что ни у кого нет ключей от моей квартиры. Сторожа проверялись до начала общей переклички на плацу, и думалось, что нет безопаснее времени, когда все сотрудники занимаются учётом многотысячной массы в жилке. Оказалось, что это понимал не один я.

Как-то вернувшись с вечерней проверки, я открывал дверь в цех, как из темноты вдруг бесшумно материализовался Заяц, и мне пришлось впустить его в цех и в квартиру. Он забрал мой SkyLinkHuawei, однако наутро принёс его обратно, попросив к следующей смене приготовить небольшую сумму отступных.

Майор Вихрь. Так прозвал Муха-Борман одного из дежурных помощников начальника колонии. Не знаю почему, возможно, из-за внешней схожести пожилого фсиновца с героем советского кино.

Майор Вихрь перевёлся в ИК-5 после двадцатипятилетней службы в печально известной зоне «Белый Лебедь» в городе Соликамск Пермского края, считающейся одним из российских исправительных учреждений с самым жёстким режимом содержания. Привыкшему к строгим порядкам майору было сложно адаптироваться к анархической вольнице Металки, он просто не мог смириться с происходящим и боролся с хаосом, как только мог, совершая нелепые по местным меркам действия. Например, им владела мания к закрытию ворот на замки. Если он видел где-то в зоне открытые ворота, то всегда давал команду к их закрытию, несмотря на то, что иначе как через них, зэки не могли попасть в столовую или жилку.

- Распоясались! Совсем распоясались! – непрерывно повторял он, стоя в дежурке и сквозь окно напряжённо вглядываясь с высоты второго этажа в движения собравшейся на проверку толпы на плацу.

Разумеется, один-единственный сторонник дисциплины и режима, к тому же наполовину выживший из ума, не мог повлиять на изменение ситуации, моделируемой высшим руководством.

Происшествия в зоне

Наркоманы часто попадают в неприятности, проецируя их на всех окружающих. Даже в условиях лишения свободы неоднократно в этом убеждался.

На Металке в 2005-2006 годах в рациях инспекторов часто раздавалось не радующее никого сообщение: «минус один в зоне». Это когда на проверке не досчитывались зэка.

В большинстве случаев просто кто-то опоздал на проверку или проспал. Такие люди быстро находились, и команде «минус один» давался отбой. Но были и те, кто пропадал сознательно, боясь выйти на проверку вместе со своим отрядом.

Возможно, на весь лагерь я один, кто получал удовольствие от пропажи арестанта, ведь это давало мне возможность побывать в закрытых в обычное время местах и удовлетворить страсть к прогулкам в промке. Зэки же материли потеряшку, как и инспектора, потому что вплоть до его нахождения вывод рабочих из жилки запрещался и не один человек, включая и сотрудников, не имел права покинуть ИК. На плацу стояли сотни людей в чёрных ватниках и не расходились, поскольку расходиться им было некуда. Они ждали открытия шлюза и возможности попасть в свои шушары в промке, но это происходило не раньше, чем нарушителя излавливали и доставляли в ШИЗО.

Пропадали же только наркоманы, задолжавшие деньги бандитам и блатным. Как правило, от страха перед наказанием они забирались в какую-нибудь нору или щель в промзоне и тихо сидели там, как мыши, до тех пор, пока их не находили.

Спрятаться и не выходить на проверку – жест отчаяния человека, не знающего, куда ему деться, как избежать неминуемого избиения, грозящего превратиться в опускание.

При сообщении «минус один в зоне» Шумов собирал всех активистов и инспекторов и организовывал прочесывание немалой территории промзоны. Сложность заключалась в запутанности закоулков, сплетённых соединением многих зданий и тем, что половина цехов стояла заброшенной, без освещения и охраны. Гасившиеся же перемещались между зданиями, и их поиск превращался в настоящую охоту.

Вечерами оснащённые фонарями поисковые группы пробирались сквозь лабиринт разнокалиберных зданий, осматривая каждый уголок, имели право входить во все помещения.

Основные цеха относились к мебельно-деревянному производству: приём круглого леса с железнодорожной ветки, лесопилка, изготовление фанеры, ДСП и ДВП, мягких элементов, сборка готовой продукции, склады. Действовали также швейный, лакокрасочный, металлический цеха, производство моющих средств, пластмассовой тары. В прочих зданиях промзоны располагались пожарная часть, административные офисы, котельная, бригада дворников и т.д. И ещё десяток пустующих зданий. Пространство для того, чтобы спрятаться, являлось поистине обширным.

Первый раз про минус один в зоне я услышал ещё, когда числился в карантине. Тогда потеряшку нашли через три часа повешенным в заброшенном корпусе в жилке. Он не стал ждать, пока его обнаружат, и свёл счёты с жизнью, пав жертвой губительной страсти к героину.

Случалось, гашённых не могли найти в течение нескольких суток. Один персонаж два дня прятался в вентиляционной трубе в заброшенном цеху и был изловлен лишь, когда вылез оттуда по нужде.

Другой пронырливый маленький зэк сумел остановить производство на целых четыре дня. Поисковики нигде не могли его найти, снова и снова обходя корпуса и осматривая каждый тёмный и светлый угол, и начинало казаться, что заключённый совершил невозможное, убежав из зоны, огороженной четырьмя высокими заборами, увенчанными колючей проволокой, с автоматчиками на вышках, контрольно-следовой полосой и злыми цепными псами, чьи будки через равномерные отрезки стояли с внешней стороны ограждения.

Как выяснилось, попавший в лагерь с малолетки парень, которого сильно притесняли в жилке, прятался за пилорамой, днём зарываясь в огромную гору опилок, и только ночью выползал наружу, чтобы отправить естественные надобности и перекусить заранее собранной едой.

В тот раз загасившийся так разозлил всех без исключения сотрудников, вынужденных 96 часов оставаться в колонии, что его вздёрнули на дыбе в оперчасти. Ночью несчастного сняли, приковали наручниками к лестничной клетке и оставили в пустом здании. Он сумел освободиться и повесился на джинсах.

Смерти вообще часто происходили в ИК-5, но главным образом от передозировки. Наркоты затыгивали с воли порошок, неправильно рассчитывали дозы и, уколовшись, переносились из царство Морфея непосредственно во владения Аида; путешествие, из которого в большинстве случаев нет дороги назад. Медицинские экипажи в колонию ехали долго, и, как правило, им оставалось лишь засвидетельствовать смерть. На моей памяти немало окоченевших тел с закатившимися глазами и белой пеной у рта покинули лагерь вперед ногами.

Бывало, случались и насильственные смерти, хотя и редко. Поножовщины и драки в жилке по большей части приводили к появлению синяков, ссадин и неопасных для жизни порезов. Сотрудники просто не обращали внимания на подобные инциденты, если пострадавший мог самостоятельно ходить. Избиения никого не интересовали.

Ближе к зиме начался сезон пожаров. Тут смерть собрала хороший урожай.

99% пожаров происходили в промке, в тех самых самодельных шушарах, где с нарушением всех противопожарных норм жили зэки. Шушары строились обычно из фанеры, досок и картона, то есть являлись крайне пожароопасными объектами. С наступлением холодов зэки тащили в шушары самодельные обогреватели, подключая их по несколько штук в одну розетку; проводка не выдерживала, что становилось причиной постоянных возгораний, иногда приводящих и к смертельным исходам.

Промка не только торчала, она ещё и всю бухала. Большая протяжённость забора позволяла легко и безопасно принимать «кидняки» со свободы. Корешки с воли подъезжали на машинах, созванивались с лагерем, быстро перекидывали через забор в определённом месте спирт в пластмассовых бутылках, их миглом собирали зэки и прятались в цехах. Дежурная смена, получившая с вышки сообщение о перебросе, бежала на участок, но на месте никого уже не заставала,

кроме, возможно, одной оброненной впопыхах бутылки, что было маленькой, но приятной компенсацией для алкоголезависимых инспекторов.

Пили, как правило, ночью, без закуски, (какая в наркозоне может быть закуска?) мигом сносящий голову спирт и засыпали в шушарах мёртвым сном, с включёнными электроприборами. После такого сна многие и вправду становились мертвецами, угорая или сгорая заживо в моментально вспыхивающих картонных домиках.

Мой обычный день в лагере

Сплю и вижу берега родного Обводного канала, только несуществующие в реальности, застроенные печальными парками с готическими памятниками, осенние и сырые, подёрнутые синей паволокой. Меж раскрашенной зелёной патиной бронзовых статуй кто-то сложил и поджёг высокие кучи опавших листьев, и серый въедливый дым отвесными вертикальными столбами понимается вверх, и я чувствую горький привкус на кончике языка, и глаза слезятся от гари. Скольжу над землёй, планирую, как альбатрос или дрон, над прекрасными видами, созданными моим воображением.

Просыпаюсь с сигналом будильника в 5:45, быстро одеваюсь и иду на проверку. В дверь уже стучится слесарь, проверяя, проснулся ли я, и звонит второй будильник (на случай, если первый сломается). Я бы с удовольствием смотрел фантастические сны и дальше, но проверку нельзя пропускать, иначе последствия могут быть весьма неблагоприятными.

Спускаюсь по металлической лестнице вниз цеха. Ботинки гулко стучат по ступеням. Слесарь уйдёт позже, зато потратит на эту контрольную процедуру в три-четыре раза больше времени – он проверяется по обычному разряду в жилке.

Выхожу на улицу и в утренних сумерках вижу знакомый силуэт, скользнувший по узкому проходу между высокими зданиями. Говорю:

- Здорово, Димон!

И слышу в ответ аналогичное приветствие:

- Здорово, Димон!

Это Дима Хайретдинов – бригадир соседнего цеха, бывший скинхэд, получивший десять лет за убийство девочки из таджикского кочевого племени цыган-люли в 2003 году под Питером. Несмотря на то, что у Димы татарская фамилия, он голубоглазый и высокий блондин с правильными европейскими чертами лица. Мы немного общаемся, хотя сторожа, как правило, живут обособленно, тихо созидавая свои маленькие, закрытые от всех мирки.

Иду по проходу к центральной улице промышленной зоны. Тогда там ещё росли высокие тополя, образующие тёмную одностороннюю аллею. Деревья, растущие

среди скопления железобетонных и кирпичных заводов, оказывают положительное психологическое воздействие, разгружая психику от эмоциональных нагрузок, вызванных тяготами лишения свободы. Сейчас тополя у третьего цеха ИК-5 давно срубили, зачем?

Выхожу на главную улицу. Она тянется параллельно одной из сторон огромного квадрата, ограничивающего территорию лагеря, и загибает вдоль другой стороны, протянувшись до самого шлюза. В рассеивающемся мраке видны фигуры выходящих из цехов людей, стремящихся к маленькой площадке между штабом, оперчастью и дежуркой. В большинстве это работяги, отработавшие ночную смену или просто спавшие на производстве, а теперь торопящиеся на проверку. Они проходят через КПП на первом этаже дежурной части, вливаясь в тысячеголовую толпу, голосащую на плацу, а я остаюсь на площадке. Тут проходит проверка сторожей.

Без пятнадцати шесть на середину выходит инспектор в сопровождении нарядчика-зэка, держащего в руках коробку с карточками осужденных. Сегодня нас проверяет Страхов – среднего возраста сотрудник, слегка заплывший жиром и носящий на спине крест-накрест две резиновые дубинки, будто «ниндзя-черепашка» или японский самурай. Компенсируя серую скуку личной жизни на воле, приходя на смену, он устраивает охоту на зэков, нелегально проникающих в промзону, устраивает засады у забора, где они перелезают, и нападает на нарушителей, избивая их палками. Как-то раз Страхов, что называется, «попутал берега» и захотел ударить Муху-Бормана. Тот же легко отобрал у него палки и сказал, чтобы он так больше не делал.

- Сторожа, становись! – кричит Страхов, и мы подходим к нему ближе, выстраиваясь в неровный полукруг.

Инспектор достаёт лежащие в алфавитном порядке карточки и выкрикивает фамилию. В ответ арестант, как это принято во всех тюремных учреждениях России, отвечает, произнося имя и отчество. Проверяющий мельком смотрит на фотографию на карточке, сверяя её с лицом проверяемого, и берёт следующую карточку. Моя фамилия начинается на вторую букву русской азбуки, и для меня проверка заканчивается спустя минуту после её начала. Я могу идти домой в цех.

В десяти метрах проверяется режимная бригада, столь же быстро и отдельно от общей массы заключённых, как и сторожа. Вижу, что Муха делает жест рукой, привлекая моё внимание, подхожу к нему.

- Приходи сегодня днём, я голубцы буду готовить, - говорит он.

- Окей, - отвечаю я и тороплюсь обратно к себе в квартиру. Ведь ночью мне удалось поспать не больше трёх часов.

Обратный путь лежит по целиком и полностью пустой промке. Все зэки на проверке, сторожа тоже, зона пуста, как отравленный радиацией после

чернобыльской аварии и брошенный город. Город, ставший на час призраком, город, из которого ушли все люди, словно поманенные гамельским крысоловом.

Дома забираюсь в постель и снова сплю. Но выспаться так, как хотелось бы, не удаётся. В восемь тридцать срабатывает звонок в дверь. Это пришли из жилки мои работники. Впускаю их, открываю раздевалку, где они будут переодеваться и до прихода мастеров пить чай, и ложусь опять.

В начале десятого меня будит стук в дверь. Приходит вольный мастер Алексей. Он маленького роста, толстый, любящий поспорить и помотать работникам нервы, но в глубине души нормальный парень. Иногда он приносит мне деньги от друзей со свободы и не берёт за это ничего, тогда как алчные инспектора обычно требуют за пронос денег не менее десяти процентов от общей суммы. Я отдаю мастеру связку ключей от всех помещений и теперь уже основательно ложусь спать. Моя ночная смена считается законченной, и днём я ни за что не несу ответственности.

Однако это не так просто, ведь в цехе начинается работа, включаются десятки полировальных машинок, и производственный шум пробивается в мою квартиру сквозь стены и двери, мешая спать. В этом минус проживания в здании цеха.

Окончательно просыпаюсь ближе к часу дня. Умываюсь и иду на дневную проверку. После неё мы с Мухой обычно направляемся к нему, общаемся, пьём чай и обедаем. У него ненормированный график и куда более насыщенная работа. Если я только формально возглавляю бригаду, а весь трудовой процесс контролируют вольные мастера, то ему приходится заниматься тремя десятками худших из худших зэков в колонии, следить за тем, чтобы все посты работали в штатном режиме, улаживать внутренние конфликты, принимать новых режимников и изгонять проштрафившихся, и ещё помогать Шумову с обысками в промке и жилке, и каждый рабочий день общаться с хозяином.

Муха ведёт в зоне активный образ жизни, общается со многими людьми в промке – преимущественно с бригадирами разных цехов, заходит на швейку, к дворникам, к Логинову, в склад готовой продукции, бывает в котельной, у электриков, на пекарне и во многих других местах. Люди знают, что он представитель Шумова, и ведут себя с ним корректно, да и он всегда вежлив, собран и доброжелателен. Среди бригадиров у Мухи-Бормана большой авторитет.

В его большой квартире на втором этаже сплошные высокие окна и, разговаривая, мы видим главную улицу зоны до самого её конца. Вот спешит режимник Гапон – мастер на все руки и хороший парняга. Ещё в тюрьме он круто поругался со смотрящими и, приехав в лагерь, вынужден был уйти в режимную бригаду, потому что блатные постановили с него спросить за совершенно мнимые проступки.

Гапон поднимается по лестнице и стучится дверь, а мы уже ждём его.

- Здорово, Дима, - говорит он мне и обращается к Мухе, - Лёха, у нас в бригаде проблемы. Тайсон дежурил вчера на КПП-2 и пропустил ночью чуваков из жилки,

чтобы они приняли кидняк. Ясно, что не за красивые глаза. А утром после проверки он укололся и лёг спать. Сейчас пришёл Шумов, а у Тайсона передозировка. Шумов рвёт и мечет.

- Во блин, - сказал Муха. – Откачивать пробовали?

- Поздно уже откачивать, он зачоченел давно. Укололся, накрылся одеялом и лежал. Никто ничего и не заметил. Но это ещё не всё.

- Что ещё?

- Бадришвили и Толстый ночью бухали. Со шмона в четвёртом цеху перепало спирта три или четыре бутылки. В общем, праздник секса себе устроили. В душе полночи трахали Констанцию из бригады сварщиков. Костя-поломой который.

- Да знаю я Констанцию эту, что с ним?

- Утром запросился к врачам, задница порвана. Повезли на больничку зашивать. Дпнк пришёл, а дежурка не убрана, поднял шум. Тут всё и выяснилось. Тот к Шумову пошёл с рамсом, дескать, что за беспредел творится в режимбригаде.

- А кто дпнк сегодня? – спросил Муха.

- Майор Вихрь.

- Ну, ясно тогда. Тоже мне проблема, будто пидоров в зоне мало, чтобы пол помыть.

- Ты же знаешь принципиальность Вихря.

- Знаю, потому и не удивляюсь особо.

- Пойду разгрести это чёртову кучу дерьма, - говорит мне.

Муха уходит в расположение бригады, а я иду к себе. На кухне завариваю некрепкий чай и раздумываю над тем, что можно приготовить на обед, раз поесть обещанные голубцы сегодня не вышло. Но заняться приготовлением обеда не получается, в дверь стучат. Выхожу и вижу посыльного. Он вызывает меня в оперативный отдел. Приходится идти. С операми я не поддерживаю никаких контактов и вовсе не горю желанием их поддерживать. Однако заключённый не может отказаться от вызова оперативных сотрудников.

В оперчасти меня встречает капитан Томилин и рассказывает следующую историю. Сегодня в первой половине дня, между утренней и дневной проверками, на запретке прямо у моего цеха стреляли. Груз с героином упал между заборов и по всем понятиям принадлежал сидящим на вышке караульным. И всё же неизвестные получатели груза так им дорожили, что попытались его вернуть. Наглые зэки взяли длинную лестницу, поставили её на колючку и полезли за наркотой на запретку. Видимо страсть к порошку затмила последние остатки разума. Видя такую беззастенчивую дерзость, караульный, недолго думая, снял предохранитель, дослал патрон в ствол и дал длинную очередь вдоль

контрольно-следовой полосы в сторону нарушителей. Наркоманы ретировались. Томилин спрашивал, что я слышал и видел.

Переваривая услышанное, я первым делом подумал, что это байка, сочинённая солдатом на вышке. Продал кому-то боезапас, а чтобы отчитаться, устроил стрельбу. Я в то время спал и ровным счётом ничего не слышал. Впрочем, в цехе кипел производственный процесс и шумели машины. Вымотанный бессонной ночью, накрывшийся с головой одеялом, я мог не распознать звук выстрелов.

Так и сказал оперативнику, и он, конечно, мне не поверил. Вдруг я участвовал в приёме кидняка у своего цеха? Так могло быть, ведь зэки, обитающие в промке, обладали возможностью быстро получить и спрятать наркоту в лабиринте промзоны. Тем не менее, доказательств этому не было, как и данных о моём причастии к наркотрафику в лагере. Поэтому капитан отпустил меня, напутствовал обещанием, что если будет выяснено, что я солгал, то жестокая кара не преминет себя ждать. И я ушёл, кляня судьбу, приведшую меня в чудовищную наркозону, где происходят вещи, которые я не одобряю, способные притом доставить мне немалые неприятности.

Возвращаясь в цех, я перебирал в голове работников, примеривая к ним ситуацию. Днём двери открыты, и любой может выйти незаметно на несколько минут так, что никто ничего не заметит, принять кидняк и вернуться обратно. Учитывая тот факт, что большинство заключённых на Металке были наркозависимыми, даже если в текущий момент находились в состоянии временной ремиссии, почти каждый мог оказаться на месте зэков, попавших сегодня под обстрел с караульной вышки.

Проклятая наркозона! Какого чёрта меня занесло сюда? Разве можно меня назвать человеком, способным гармонично вписаться в здешнюю среду? – вопрошал я себя. Вся моя прошлая жизнь представлялась отчаянно далёкой, словно протекавшей на другой планете за миллиарды световых лет отсюда; здесь же господствовали побуждения и люди неизлечимо чужие, не имевшие и представления о нормальной человеческой жизни, те, с кем я никогда раньше не сталкивался, да и не мог столкнуться из-за невероятной разницы наших миров, нигде не пересекавшихся, антагонистичных и взаимно враждебных.

Новая провокация

Сказка не может продолжаться вечно, особенно в тех скорбных местах, куда меня поместили по решению суда. Десять месяцев на Металке прошли, словно быстрый и не лишённый приятности сон, и закончились пробуждением в печальной и привычной реальности российского государства, в своей практике непрерывно нарушающего фундаментальные принципы права.

Сначала меня посадили в ШИЗО. Знакомый дневальный оперчасти на проверке сказал, что с воли приехала «делегация ментов по твою душу». Я естественно напрягся, не ожидая от их визита ничего хорошего.

Неприятности не заставили себя долго ждать. Меня вызвали в оперотдел и я, привыкший к свободе перемещений, дорого бы заплатил, чтобы туда не ходить, но выхода не было.

Пришёл к зданию оперативного отдела, поднялся на второй этаж. Дневальный указал кабинет, где меня ожидали.

Признаюсь, что мне думалось, будто я снова увижу Бойко или других сотрудников политического сыска, однако вольные правоохранители уже уехали и мне предстоял разговор с начальником зоновских оперов.

- Кто ты вообще такой? - спросил недоумённый капитан, никогда даже и не слышавший, что в зоне находится настолько известный в определённых кругах заключённый.

- Бывший лидер «Шульц-88», - ответил я спокойно. – Отбываю шестилетний срок за преступления экстремистской направленности. Работаю сторожем в 3 цеху. Нареканий от начальства не имею.

- А как ты попал на бригадирскую должность?

- За меня ходатайствовал Андрей Владиславович Шумов, я друг Бормана – бригадира 45 бригады.

- Шумов? – протянул главный оперативник. – Тогда понятно.

Между отделом безопасности и оперчастью существовали глубинная борьба, жёсткий антагонизм, но авторитет Шумова в зоне вслух ни один опер не осмеливался оспаривать.

- В общем, ситуация следующая. Наши вольные коллеги из спецслужб утверждают, что ты причастен к организации террористического акта – взрыву в ресторане «Макдональдс» на Невском проспекте. Ты отсюда по телефону координировал действия взрывников. Что скажешь об этом?

- Если спецслужбы считают доказанной мою причастность к преступлению, то ничто не мешает им пойти законным процессуальным путём: возбуждение уголовного дела, привлечение меня к нему в статусе обвиняемого, судебный процесс, вынесение приговора, - ответил я, изо всех сил пытаюсь сохранять спокойствие, хотя сердце забило в груди, словно рвущаяся на волю птица. Обвинение звучало очень серьёзно.

- Ну, это не наша работа, - быстро ответил «кум». – Говорю начистоту, нас ОЧЕНЬ попросили сделать тебе качественный пресс. Но нам этого совсем не нужно. С другой стороны, проигнорировать просьбы коллег мы тоже не можем. Будет там дело или нет, это вопрос не к нам, мы выполняем карательные функции в данном

учреждении. Поэтому алгоритм действий будет следующий. Сейчас ты садишься и пишешь объяснительную по поводу твоего опоздания на проверку. Получаешь десять суток ШИЗО. Мы рапортуем о выполнении просьбы. Потом ты выходишь и мы думаем, что делать дальше. Возможно, для тебя всё ограничится десятью сутками.

Мне ничего не оставалось, как согласиться с предложенным развитием действий. Конечно, я бы мог отказаться писать бумагу, только это ровным счётом ни на что бы не повлияло. Опера посадили бы меня в ШИЗО, так или иначе. Для них это не представляло никаких сложностей, несмотря на отсутствие реальных нарушений с моей стороны. Зато я выиграл несколько часов и смог собраться и всех предупредить о своём аресте. Следовало использовать с пользой полученное время.

Первым делом я отправился к Мухе и рассказал ему о ЧП. Алексей взялся поговорить на следующий день с моим начальником Цветковым и обеспечить сохранность моего имущества.

Хотя удар на первый взгляд не казался роковым, ощущение надвигающейся катастрофы не оставляло нас ни на минуту. И правильно. Спецслужбы в РФ обладают властью, намного превосходящей таковую в других странах. Законы и правила тут не важны, как и реальная вина человека в каких-то преступлениях. Если государство выписало тебе чёрную метку, то оно добьётся намеченного вне зависимости от того, совершил ты что-то или нет. Я не имел абсолютно никакого отношения к террористическому акту в «Макдональдсе», но это никого не волновало. Врагам оказалось мало просто посадить меня, они собирались максимально отравить мою жизнь в заключении, и опечалились бы, если бы она вдруг даже оборвалась, хотя, очевидно, такая цель прямо не ставилась.

ШИЗО

К штрафному изолятору я пришёл сам, неся свёрнутый в рулон матрас и сумку с продуктами. Полгода я находился в лагере, но ещё не видел ШИЗО и смутно представлял даже, где он находится.

Здание штрафного изолятора в ИК-5 выглядело как железобетонная коробка в форме буквы «П», брошенная строителями посреди грязного поля. Внутри шёл коридор с дверьми камер, сбоку пристроили три прогулочных дворика разного размера. Меня, как бригадира, посадили в восьмую камеру, предназначенную строго для актива, чтобы предотвратить конфликты с осужденными, отрицательно настроенными к тем, кто избрал путь сотрудничества с администрацией.

Здесь следует объяснить подробнее внутреннюю кастовую систему российских исправительных учреждений. Существуют три основные субкультурные группы, к которым традиционно относятся осужденные (четвёртая – обиженные, пребывающие фактически вне тюремного социума, асоциалы). **Блатные** –

живущие по собственным представлениям, отрицающие режим содержания. О них я уже немало написал выше. Блатные регулируют неформальную жизнь в лагерях, собирают общак, образуют независимую самоорганизацию, враждебную к администрации. Основная масса зэков - это **мужики**: они работают на производстве, не занимая при этом никаких должностей. К **активу** относятся все, кто выполняет работу на общественных началах, помогая сотрудникам организовывать жизнь колоний. Это и старшины отрядов, и дневальные, и члены всевозможных секций: дисциплины и порядка, досуга, пожарной безопасности. Не следует думать, что активисты - это сплошь беспредельщики, по приказу хозяина занимающиеся насилием над заключёнными и прочими нехорошими вещами. Активистами, например, считаются библиотекари, банщики, зэки, работающие в столовой, бригадиры промзоны и так далее. Я относился к последним и никогда не совершал ничего, что считается по понятиям гадством или стукачеством. Однако я некоторое время числился в 45 бригаде, пусть и формально, а отношение к ней было в лагере сверхнегативным. Вместе с тем актив в чёрной зоне в целом находился на осадном положении, и о беспределе активистов в отношении арестантов вообще речи не шло. Скорее беспределом занимались этнические группировки, маскирующиеся под радетелей за «общее». Тем не менее, я охотно пошёл именно в восьмую камеру, так как не имел желания десять суток провести в одном помещении вместе с обколотыми грузинами, ранее собиравшимися на меня напасть только из-за того, что моё уголовное дела связано с национализмом. Впрочем, контингент восьмёрки не особенно отличался в лучшую сторону. Но об этом дальше.

Я вошёл в камеру, и на меня упала темнота. Постепенно глаза свыклись со слабым освещением, и я огляделся. В комнате размером примерно в 16-18 квадратных метров по бокам находились по две широкие двухместные шконки в виде толстых, обшитых железом досок, спускаемых со стен на цепях; а посередине стоял стол. Два окна с двойной решёткой, снаружи закрытые ставнями, отчего в камере и днём и ночью клубился полумрак; единственная галогенная лампа над дверью и туалет за метровой металлической загородкой. Убогая эмалированная раковина с холодной водой.

В восьмёрке тогда находилось примерно двенадцать человек, но каждый день приводили по два-три новых сидельца, и в результате в какой-то момент нас стало двадцать четыре – то есть больше одного человека на квадратный метр. С подобной теснотой я встречался лишь раз – когда ехал по этапу в Выборг. Только если тогда мучения продолжались лишь двое суток, то в ШИЗО мне предстояло провести треть месяца.

Кое-кого из штрафников я знал. Валерий Бутусов – сторож на лесопилке, отбывал двенадцатилетний срок. Проспал проверку. Спустя годы я узнал, что за время, пока он сидел, ушлый участковый умудрился продать его квартиру. Достаточно типичная для РФ ситуация. Чем она закончилась, мне неизвестно.

Некоторое время спустя принесли пьяного Логинова. Бугор 4 цеха вновь напился и загремел в подвал. Как важному мастеру, ему дали лишь трое суток и с выводом

на работу. Три вечера он приходил в ШИЗО, распространяя по камере запах перегара и дорогого парфюма, и возвращался в цех руководить производством утром.

Несколько режимников, попавшихся с наркотой. Конченные наркоманы.

Последнее я написал напрасно, ведь, как и везде в зоне, большинство в хате составляли наркозависимые. Сторожа и бригадиры, дневальные и прочие – почти все они торчали.

Приглядевшись, я сделал неожиданное открытие - примерно половина обитателей восьмой камеры штрафного изолятора не относилась к активистам. Кто же это и как они попали сюда?

Как я уже объяснял, почти все проблемы с блатными у эков возникали на почве нарушения монополии на затягивание и торговлю героином. Весной 2007 года проблемные сидельцы стали массово гаситься в 8 камере ШИЗО. Им не было жизни ни в жилке, ни в промке, и они пятнашку за пятнашкой отсиживались здесь – в условиях, совершенно непригодных к нормальной жизни.

Помню одного парня по имени Иван, совсем мальчика, выходца из области. Подробностей его проблем с блатными я не знаю, да и мало кто рассказывал об этом в камере. Помню только, что конфликт был серьёзным и оказанное на него давление невыносимым. От него требовали погашения долга, угрожая опустить, перевести в обиженные. Долг, кажется, образовался после того, как Заяц отшмонал у него чужую мобилу. Не имея возможности компенсировать потерю, Ваня стал гаситься в восьмёрке, отсидел один срок в шизняке, потом второй и морально устал, сдался. Попав в подвал в следующий раз, он на моих глазах попросил инспектора закрыть его в петушиную камеру, надеясь таким образом уйти от преследования блатных, ибо с петухов нет спроса. Шокированный, я говорил ему: «что ты делаешь, подумай, не делай этого, это того не стоит», но он всё для себя решил. Жестокая реальность металлостроевской наркозоны сломала восемнадцатилетнего парня.

Другого молодого парня я помнил ещё по карантину. В тюрьме он активно поддерживал чёрный ход и, приехав в лагерь, собирался и дальше двигаться по воровской теме. Но прошло лишь полгода, и он уже гасился от грузин в ШИЗО, сидя в камере с активистами. Наркозона и его сломала, и если в карантине он казался полным оптимизма и надежд, то на подвале сидел подавленный и грустный, переживая их бесповоротное крушение.

Всё это ещё больше укрепило меня в убеждении, что употребление героина несовместимо с человеческим достоинством. То же можно сказать и обо всех других так называемых тяжёлых наркотиках.

Моё положение в восьмёрке можно было назвать привилегированным. Я был знаменитостью, человеком известным и по передачам в телевизоре, и по байкам, ходившим среди эков. Обитатели восьмёрки проявляли ко мне редкостное

уважение, тем более что в зоне я работал сторожем, являясь счастливым обладателем недоступных для большинства преимуществ.

Ещё никогда за четыре года неволи я не сталкивался со столь тяжёлыми условиями содержания. Когда ночью мы ложились спать, то всё было покрыто плотно лежащими людьми. И на полу, и на столе лежали люди, и сложно было пройти до туалета, чтобы случайно не наступить на кого-то.

Наркоманы и в ШИЗО ухитрялись торчать. Пакетики с порошком передавались через окна, и тогда Шумов решил закрыть их ставнями, в результате чего круглые сутки мы находились в темноте.

Ледяной холод преследовал нас и днём и ночью. Спали прямо в ватниках и шапках-ушанках, накрывшись одеялами с головой.

Вентиляция как таковая отсутствовала, и по стенам струился конденсат. Капли воды нескончаемо падали с потолка, словно дождь, и часто попадали прямо в тарелки, когда мы ели.

В баню отсюда в принципе не водили, и только темнота не позволяла увидеть грязь на теле и лицах сокамерников.

Чёрные-чёрные стены, холод и мрак, и в этом мраке копошащиеся фигуры в бесформенных куртках – так выглядел земной ад, в котором мне довелось побывать.

Запрет на курение особенно сильно бил по зекам в ШИЗО. Для курящего человека провести неделю или больше без сигарет подобно пытке. Осатаневшие от беспросветности бытия арестанты совершали рискованные и безумные поступки.

Например, проводили операцию под кодовым названием «отработка пепельницы дежурного инспектора». Зэк ложился на пол, изображая сильные боли в животе, и все дружно начинали кричать и бить в дверь. Когда приходит дежурный, «больного» заносили в комнатку инспектора и клали на лежак. Дальше ему предстояло, воспользовавшись отлучкой дежурного, отправившегося открывать дверь срочно вызванным санитарам санчасти, опрокинуть в карман содержимое стоящей на столе пепельницы и, внезапно выздоровев, вернуться в камеру с полным карманом окурков, из которых делались пускаемые по кругу самокрутки.

Но несколько бычков ненадолго удовлетворяли курильщиков, и в ход шли ещё более радикальные средства. Несколько раз на моих глазах люди занимались членовредительством. Обломанный черенок от ложки вбивался в область под нижним ребром при помощи металлической кружки. «Мастырщиков» отвозили в больницу, вынимали железяку, зашивали и привозили обратно. Возвращались они с настрелянными у врачей и санитаров сигаретами, спрятанными под одеждой.

В ШИЗО текла самая причудливая, фантазмагоричная, гротескная жизнь, какую можно только представить и какую представить совершенно нельзя. Такое не увидишь ни в театре, ни в обычной жизни. Мы сидели в тёмной сырой камере, и у

нас не было ничего, кроме телогреек и роб. Не было радио, не было книг (читать в темноте не представлялось возможным), никакого досуга, развлечений или хотя бы минимальной смены обстановки. Нам оставалось лишь одно общение, и круглые сутки напролёт под сводами штрафного изолятора мы, поочерёдно, не перебивая других, рассказывали истории из жизни, реализовывая искажённый в призме пенитенциарной системы сюжет незабвенного Боккаччо. Ещё Варлам Шаламов подметил, что в условиях барачной пустоты особенно ценятся талантливые рассказчики увлекательных историй, умеющие словами передавать широкую эмоциональную гамму. Среди нас не было, пожалуй, профессиональных гуманитариев, как на Колыме во времена сталинских репрессий, но каждая рассказанная история была реальна, а значит, выстрадана человеком.

Представьте тёмное узилище, стоящего посреди него говорящего человека с блестящими глазами и десятки безмолвных в напряжённом внимании силуэтов людей вокруг, забывших в этот момент обо всех своих проблемах и о себе самих, переживающих все одновременно чужое воспоминание, будто своё собственное. А снаружи – застывшее, словно космос, время. Блестящая драматургия камерной в обоих смыслах атмосферы.

Не стоит думать, что в ШИЗО мы вечно пребывали в печали. Напротив, дружный смех неумолчно звучал под тёмными сводами, порой перерастая в истерическое гоготание – так было обострено наше эмоциональное восприятие. Постоянные шутки и весёлые рассказы поддерживали тонус на уровне, необходимом для выживания. В подвале думать и говорить о плохом не имело смысла, а вот позитивные воспоминания воспринимались на ура, вызывая живой отклик у собравшихся.

Иногда, когда какой-нибудь доброхот из зоны передавал чай (обычно бывший сиделец восьмёрки), зэки заваривали чифир. В камере не было розеток и кипятильника, поэтому воду кипятили на факелах, изготовленных из подручных средств. Огонь зажигали над туалетом, в ход шли разорванные на полосы и свёрнутые в трубку простыни, пластмассовые мыльницы, куски дерева. После приготовления чифира в помещении долго стоял чёрный смрад, а большое пятно впитавшейся в бетон гари на потолке становилось больше.

Почти весь постоянный контингент восьмёрки состоял из русских, и лишь иногда в камеру попадали иностранцы. Помню одного сторожа-таджика, почти не говорящего по-русски. В отличие от блатных, он не курил, не пил и не употреблял наркотики, являя собой предвестие новой волны зэков-мигрантов – салафитской. Уже тогда радикальные религиозные группировки наращивали в зонах влияние и оказались способны продвинуть на элитную должность своего человека.

Едва оказавшись в камере, таджик принялся совершать намаз. Это выглядело странно. В помещении с замурованными окнами он долго не мог понять направление, куда следует делать поклоны, и, в конце концов, устроился в самом углу, молясь на грязную засоренную раковину. Среди галдящей толпы арестантов он явно выглядел чужеродным элементом. Лишь спустя сутки таджик внял нашим

увещеваниям, что делать намаз в условиях ШИЗО согласно исламу не обязательно, и прекратил совершения обряда.

Помню молодого парня-езида, принимаемого всеми за цыгана. Его история показалась мне печальной. В маленьком возрасте его усыновили русские родители, и, по его словам, они хорошо относились к нему, проявляя настоящую родительскую любовь к смуглому мальчику. Возмужав, он злом отплатил приёмной семье, украв все сбережения и промотав их в кабаках и притонах. Почему он так поступил, если они хорошо обращались с ним, он не мог объяснить. Возможно, сыграла роль криминальная предрасположенность, заложенная в нём на генетическом уровне.

Однажды в восьмёрке появился телефон. Только ловил он в одном месте – в верхнем левом углу хаты. Видимо, толстые железобетонные стены не пропускали сигнал, экранируя помещение. Нужно было стоять на отопительной трубе, держась за решётку, и говорить, почти упираясь головой в потолок. Весьма неудобное положение и очень опасное, поскольку было легко спалиться, так открыто стоя под глазком в двери.

Обитатели восьмёрки не спешили звонить родным и близким на свободе. Таковых у многих давно уж не было. Наркоман не нужен никому, рано или поздно от него отказываются все так же, как он предаёт всех. Сидя в грязном ШИЗО, гашённые эски, которых в зоне легко могли убить из-за долгов и предьяв, не имевшие возможности просто помыться или нормально поесть, «зарабатывали» за день десятки и сотни тысяч рублей, используя мобильный телефон. Они занимались телефонным мошенничеством.

В годы моего нахождения в местах лишения свободы этот криминальный заработок среди арестантов находился на самой верхней точке подъёма. Всё было организовано очень просто. Зэк сидел и часами прозванивал городские номера, набирая их один за другим подряд. Если звонок принимали, то он, искажая голос, говорил:

- Мама, мама, мама! Это я, мама!

Когда женщина на той стороне обманывалась в том, что слышала, и отвечала, думая, что говорит с родным человеком, то развод продолжался. Остальных сразу же сбрасывали и набирали следующий номер.

Итак, женщина отвечала, например:

- Серёжа, это ты?

- Мама, мама, это я, Сергей! – говорил мошенник, и жертва убеждалась в самообмане.

- Мама, я попал в беду, мне нужна помощь!

- Что случилось?

- Тебе всё расскажет полицейский, - говорил хитрый зэк и передавал телефон подельнику.

- Здравствуйте, обвиняемый кем вам приходится? С вами говорит дежурный оперативник восьмого отделения МВД на транспорте. – На этом этапе мошенник говорил твёрдо и уверенно, имитируя речь полицейского.

Тут испуганная женщина обычно давала свои координаты и называла полностью данные сына.

- Ситуация очень неприятная. Ваш сын попал в аварию, он сбил человека. – (Возможны были разные варианты, включая драку (дескать, заступился за женщину и нанёс человеку увечье) и т.д.). – В данный момент решается вопрос о возбуждении уголовного дела по 264 статье УК РФ. Она предусматривает до четырёх лет лишения свободы.

Тут вконец перепуганная мать начинала плакать и спрашивала «милиционера», нельзя ли избежать возбуждения дела.

- Дознаватель ещё не подъехал и документы не оформлены, поэтому дела как такового нет. Через полтора часа он только будет. Если за это время вы сможете договориться с потерпевшим и он откажется от подачи заявления, то ваш сын сможет вернуться домой.

В дело вступал ещё один зэк, изображавший потерпевшего:

- Я понимаю, что это ваш сын, и у меня нет лично к нему никаких претензий, но он нанёс мне физический и материальный ущерб! Одежда порвана, мне теперь придётся покупать новую. Плюс медицинские услуги. Я минимум два месяца не смогу работать, а у меня только ребёнок родился, жена ещё из декретного отпуска не вышла. Вы понимаете, я сам приехал из Тамбова, снимаю в Петербурге квартиру. Без денег мне нечем будет кормить семью, жить вообще не на что будет. И ваш сын в этом виноват!

Начинались финансовые переговоры. Мать, переживающая за своего ребёнка, готова была отдать последние заначки, лишь бы помочь ему. Ещё один подельник на автомобиле, ждущий на воле, быстро подъезжал на место и забирал деньги. Дело было сделано, мошенники обогатились на несколько десятков, а то и сотен тысяч. И таких «дел» одна группа наркоманов могла проворачивать по нескольку в день. И таких мастеров психологии в зоне было немало.

Здесь ответ на вопрос, каким образом наркозона могла потреблять до полукилограмма героина в сутки, если зарплаты в промке не превышали обычно ста рублей в месяц.

Пару раз приходил Муха-Борман. Меня выводили в комнату старшины изолятора, и мы обсуждали текущую ситуацию. У него тоже не всё было в порядке. Обстоятельства сложились крайне неблагоприятным для него образом.

Ещё в Крестах три-четыре года назад Алексей затянул однажды в камеру фотоаппарат и сделал серию снимков, где он сам и другие скинхэды позировали на фоне флага со свастикой и прочей атрибутики. Далее фотографии попали к одному из фигурантов дела Боевой Террористической Организации Боровикова-Воеводина и были изъяты во время обыска. По некоторой информации, как это часто бывает, раритетные фото продал журналистам один из сотрудников Центра по борьбе с экстремизмом. В 2007 году в одной из крупнотиражных газет появилась статья о жизни националистов в неволе, иллюстрированная фотографиями крестовской камеры Мухи. Разразился большой скандал. Говорили, будто номер газеты с этой статьёй лежал на столе у главного начальника всех тюрем и лагерей, когда он созвал подчинённых генералов с требованием разобраться и наказать виновных. Ситуация, когда осуждённые националисты отбывали свои сроки, продолжая открыто исповедовать нетолерантные взгляды и сбиваясь в группы по интересам, являлась для системы недопустимой.

Надо заметить, что ещё раньше спецслужбы предприняли действия по нашей изоляции с Мухой друг от друга. Так, в Крестах мне было запрещено съезжать с ним в одну камеру, а после приговора меня собирались отправить далеко за пределы региона. Однако коррупция и наша расторопность помогли организовать этап в Металлострой быстрее, чем недруги. Тогда администрации колонии поступило указание разъединить нас по разным отрядам. Однако Шумов проигнорировал приказ. Теперь же он уже ничего не мог поделать. Слишком высокие сферы пришли в движение.

Руководство Федеральной службы исполнения наказаний приняло радикальное решение. Муху-Бормана переводили в другую зону. Его отправили в ИК-5 в Обухово, где он уже сидел прошлым сроком. А мне выписали месяц ПКТ. В лагерь я уже не вернулся.

ПКТ

Помещение камерного типа (ПКТ) располагалось чуть далее по коридору. Та же самая камера ШИЗО, только меньше народу, постоянный состав сидельцев и легальная возможность иметь сигареты, продукты и некоторые вещи.

Тогда в ПКТ ИК-5 сидели трое парней, все наркозависимые, и у всех какие-то проблемы с блатными с барака строгих условий содержания (СУС). Они писали отказы подниматься в СУС, и им продливали содержание в ПКТ по многу раз. Люди, безнадежно погрязшие в употреблении героина, ослабленные от долгих месяцев в сыром подвале, умирающие от СПИДа и гепатита С, очумелые, находящиеся в одновременно подавленном и предельно взбудораженном эмоциональном состоянии.

После почти двух недель в тесной грязи восьмёрки приятно было помыться и лечь спать, раздевшись, на чистое постельное бельё.

Первые два с половиной года я провёл в тюрьме, и потому возвращение в камерную систему не слишком сильно ударило по мне. И всё же лишение свободы передвижения и всех благ, коими я свободно пользовался в зоне, резко понизило качество моего уровня жизни. К тому же теперь, оказавшись без покровительства Мухи и без должности в промке, я был беззащитен перед преследованием блатных. После месяца ПКТ меня могли отправить в барак СУС, где содержались самые отъявленные члены блат-комитета, и неизвестно, что там со мной могло случиться.

Наверное, другой человек на моём месте давно бы уже внутренне сломался и впал в панику. Я же верил в удачу, сопровождавшую меня с давних пор, и спокойно жил сегодняшним днём. Если мне суждено погибнуть, брошенному в опасную пучину не знающими жалости врагами, то так тому и быть, - говорил я себе. Но всё же надежда никогда не покидала меня, придавая силы, необходимые для дальнейшей борьбы. И когда могло казаться, что жизнь моя уже обращена в пепел, я неизменно возрождался из него, словно птица Феникс, черпая силы там, где не было ничего, кроме отчаяния и пустоты.

С тех пор прошло немало лет, но я продолжаю жить, дыша полной грудью, и смело смотрю в будущее, невзирая на многочисленные удары судьбы, так и не растоптавшей моё упрямство и веру в высшее предназначение.

В тишине камеры у меня появилось время задуматься над своей судьбой в плену. Я сменил уже много десятков камер, помещений, был в двух разных тюрьмах, попал в зону и здесь уже поменял несколько мест пребывания. По-видимому, в будущем мне предстояло ещё много путешествовать по пенитенциарной системе, хотя твёрдой уверенности ни в чём у меня не было. Тюремное приключение с каждым новым его этапом становилось всё более увлекательным и захватывающим. Только стоимость входного билета могла равняться и жизни.

Неприрождённые убийцы

Закончился месяц моего заключения в ПКТ. Что будет дальше, я и не предполагал. Мои соседи сидели в ПКТ долгими месяцами и годами, периодически получая новые трёх- или шестимесячные срока, мне же была уготована иная участь.

Сначала меня перевели в ШИЗО. Весёлый инспектор отвёл меня в родную восьмую камеру.

Здесь всё изменилось. Камера оказалась пуста и залита солнечным светом. Ставни открыты. Несколько недель назад восьмёрка представляла собой мрачный, тёмный в любое время суток каземат - место круглосуточных мучений для двадцати четырёх заточённых здесь людей. Сейчас же уже ничего не напоминало о той боли, что мы испытывали в тесноте восьмой камеры. Свет и потоки свежего воздуха смыли со стен воспоминания о прошлых страданиях.

Я находился один в совершенно пустом огромном помещении и не знал, чем заняться. Мне выписали пятнадцать суток штрафного изолятора, и я предполагал, что по их истечении меня отправят обратно в ПКТ. Однако вскоре меня ждала радикальная смена обстановки.

За день до окончания срока моего пребывания в ШИЗО кто-то вечером тихонько постучал снаружи в окно. Я встал ногами на трубы отопления и подтянулся к окну. За стеклом вечерний сумрак смазывал и делал неразличимыми тёмные очертания фигуры человека.

- Кто это? – спросил я вполголоса, чтобы не услышали сотрудники.

- Это я, Гапон, - прозвучал знакомый голос.

- Здорово, Лёха, как дела? – После двух недель в ШИЗО я всерьёз обрадовался возможности пообщаться со знакомым.

- Хорошо, всё в порядке. Я вот что пришёл, посылка у меня к тебе, от дворников.

Я полминуты соображал и вспомнил, что незадолго до моего ареста и заключения в ШИЗО на имя одного активистов бригады дворников друзьями со свободы была отправлена бандероль с книгой. Теперь Гапонов принёс мне её.

Спустя десять минут с приложением массы усилий книга проникла сквозь щели в решётке и окне и, слегка поцарапанная и помятая, оказалась у меня. Я был искренне рад. Я впервые держал в руках произведение Ильи Стогова «Неприрождённые убийцы».

Впоследствии эта книга получила множество переизданий и стала очень популярным чтивом среди молодых радикально настроенных субкультурных русских националистов, а тогда она только недавно вышла.

Я никогда не считал Стогова настоящим писателем, но считал хорошим журналистом-компилятором. Десятью годами ранее мы зачитывались его документальной книгой «Революция сейчас» о российском политическом андеграунде 90-х годов – и вот пришло время прочитать о самих себе.

Ночь я провёл за чтением. Повествование, составленное Стоговым по фактуре, сообщённой им Георгием Бойко, фигурировавшим на титульном листе под псевдонимом Георгий Оперской, обладало хорошей динамикой. Немудрено, что молодёжь увлеклась «Неприрождёнными убийцами» - книга легко погружала в мир насилия, привлекательного для максималистки настроенных молодых людей. В значительной степени Стогова и Бойко можно назвать популяризаторами уличного насилия, ведь именно после распространения «Неприрождённых убийц» среди молодых националистов повсюду стали возникать фан-группы увлекающихся фигурой Дмитрия Боровикова и тематикой БТО юных радикалов.

Обо мне на тот момент уже написали сотни газет и рассказали десятки телепередач, так что я находился на абсолютном пике известности. И всё же необычно было читать книгу, посвящённую в том числе и мне. На первых ста

страницах излагалась история рождения и распада Шульц-88 – так, как она виделась Бойко. Ну а на обложке красовалась фотография Алексея Максимова – моего товарища Мухи-Бормана, ныне вывезенного из Металлостроя в Обухово.

Что касается содержания книги, то я вынужден расстроить моих молодых читателей – оно имеет мало общего с реальностью. Творческий вымысел широко коснулся не только отдельных фактов, но и всей реконструкции описываемых событий, достоверно судить о которых с помощью «Неприрождённых убийц» совершенно невозможно. Красивая сказка об уличном радикализме, притягательная в стройности изложения, завораживающая чёткой логикой развёртывания ситуации, в сущности, является лишь самостоятельным художественным произведением, существующим независимо от нашей настоящей истории. Количество фактических ошибок в ней столь велико, что возражения на них заняли бы больше места, чем я могу им здесь уделить.

Утром дверь открылась, и меня повели обратно в камеру ПКТ, где оставались мои вещи. Мне дали десять минут на сборы и объявили, что выписано постановление о водворении меня в единое помещение камерного типа – ЕПКТ, сроком на один год. ЕПКТ, или как ласкательно его называют зэки – «ешка», в нашем регионе находилось одно – в зоне строгого режима ИК-7 «Яблоневка». Моё странствие по учреждениям исправительной системы отныне направлялось туда. До конца срока оставалось ещё более двух лет, но я так и не нашёл постоянного места для отбывания наказания, словно разные учреждения службы исполнения наказаний бесконечно отторгали меня как чужеродный организм в своём огромном, раскинувшемся на просторах России лагерном теле.

Этап в Яблоневку и приём

К шлюзу меня вели длинным путём, через всю зону. Стояло тёплое красивое лето. Солнце, свежий воздух, шелест листьев на деревьях – я так соскучился по простым радостям соприкосновения с природой, по возможности просто находиться под куполом прозрачного неба. Впереди меня ждали новые испытания и самое страшное из них - это камерная система, когда ты днями напролёт заточён в бетонном мешке и никогда не видишь ни неба, ни Солнца, ни звёзд. Почти три года со дня ареста я провёл в камерах, потом девять месяцев зоны, и снова они. Тогда я не знал, что почти пять лет из назначенных шести мне суждено провести в пыточных условиях камерной системы, максимально выпивающей из живых существ здоровье, энергию и волю к жизни.

Высокие двери похожего на пожарное депо зоновского шлюза распахнулись; внутри, улыбаясь белыми фарами, стоял ожидающий немногочисленных пассажиров автозак. Год я не покидал ИК-5 и год не ездил на автомобилях. Поэтому поездка воспринималась как не лишённое удовольствия приключение, несмотря на шокирующие рассказы о месте, куда меня должны были доставить.

Яблоневка в те времена, по рассказам, являлась самой беспредельной красной зоной в регионе. Те, кто прошёл через яблоневский ад, говорили о непрерывных избиениях и издевательствах со стороны активистов, главным образом в карантине. Некоторые арестанты, узнав об этапе на Яблоневку, резали вены на руках и вскрывали себе животы, лишь бы не ехать туда. Просидев три года в тюрьме и год на зоне, я слышал немало жутких, страшных историй, однако информация о событиях в ИК-7, как правило, доходила через десятые руки, и хотелось надеяться, что в историях, гуляющих между зэками, есть место преувеличению и устаревшим данным. Мне следовало бояться и волноваться, но я был спокоен. В конце концов, ничего нельзя повернуть назад, если ты попал в тюремные жернова, и нет другого выхода, кроме как принять происходящее как должное, которое невозможно изменить. Человек – крохотная песчинка, перемалываемая системой в мгновение ока, а я сознательно пошёл против неё. Теперь мне предстояли новые суровые испытания, и я был внутренне готов к ним.

В автозаке уже находились двое арестантов, направляющихся в Кресты для каких-то следственных действий, и я по-хорошему позавидовал им. Ведь почти три года жизни были отданы этой тюрьме на берегу Невы. Таково человеческое существо, что, прожив годы в каком-то месте, пусть и не всегда гостеприимном к нам, мы, тем не менее, спустя время привыкаем к нему, приобретаем ностальгические воспоминания, помним лучшее, стараясь забыть плохое о месте, ставшем нашим вынужденным домом. Всё познаётся в сравнении, и коррупционные Кресты первой половины нулевых годов 20 века оказались относительно добрыми ко мне, так что я вспоминаю о них сейчас с тонким налётом сожаления, но не с ненавистью.

Первой остановкой на пути автозака оказались Кресты. Спустя час грузовик свернул с набережной Невы в арку старинной крепости и въехал во двор. Моих попутчиков вывели, а я выглянул в дверь, и моему взгляду открылась знакомая красно-кирпичная стена с маленькими окошками тюремных камер, закрытых прутьями решёток, потемневшая от времени, испещрённая сотнями маленьких углублений от распадающейся кладки. Я сильно утомился от бессмысленных перемещений в недрах бесконечной пенитенциарной системы, устал от ШИЗО и нестабильности положения, от репрессий и бессмысленных движений в зоне, и если бы на то была моя воля, провёл бы оставшиеся два года в Крестах. Но, увы, мне была уготована иная судьба.

Приняв на борт двоих арестантов, автозак двинулся к конечной точке маршрута.

ИК-7 находится в черте города, около Ладожского вокзала. Если выйти с вокзала на парковку, парящую в высоте над железнодорожными путями, то прямо напротив можно близко увидеть комплекс невыразительных прямоугольных зданий, окружённых четырьмя рядами колючей проволоки. Это и есть ИК-7.

Учреждение с репутацией концлагеря внешне выглядит неприметно. Не слышно криков убиваемых людей, на окнах нет решёток (они заложены стеклблоками, пропускающими свет, но через них ничего не видно), повсюду царит покой и

неподвижность. Но внешность, как известно, обманчива, и это в полной мере относится и к российским исправительным учреждениям. За спокойными фасадами ИК-7 и сейчас разыгрываются сотни трагедий отчаяния и боли, не менее драматичных, чем у какого-нибудь Шекспира.

Автозак въехал в ворота, мы выгрузились на асфальт двора и колонной из трёх человек прошли в помещение, называемое санитарно-приёмным пунктом. Здесь обыскивают вновь прибывших, здесь дпнк просматривает документы, здесь проходит врачебный осмотр. В Яблоневке здесь ещё и бьют смертным боем, чтобы сразу сломить желание нарушать установленные в зоне правила.

Санитарно-приёмный пункт был переполнен людьми. Человек десять сотрудников с резиновыми палками - наверное, вся дежурная смена, пять-шесть здоровенных спортсменов-активистов, дпнк – администрация явно ждала большой этап. Скорее всего, готовились отработанными методами приучать к дисциплине большое число новоприбывших, а приехали только трое – двое уже бывших в зоне и вернувшихся обратно, и я – эпэкэтэшник с общего режима.

Мне стоило радоваться, что, имея сопроводительные документы на водворение в ЕПКТ, я не должен был проходить двухнедельного карантина с его пытками и издевательствами, но не тут-то было. Менты, настроившиеся бить этап, решили выместить агрессию на мне. Повод возник благодаря ошибке на пакете с моим делом. Какой-то невнимательный сотрудник канцелярии ИК-5 вместо 282 статьи за возбуждение национальной вражды указал статью за распространение наркотиков – 228. А в красных зонах наркоторговцы, наряду с насильниками, традиционно подвергаются самому жёсткому приёму.

Я не помню досконально происходившее, после двух месяцев в ШИЗО и ПКТ я сильно ослаб, да и само большое скопление людей и поездка после долгого заточения в четырёх стенах ошеломили меня. События разворачивались стремительно, словно во сне. Помню, что я пытался объяснить, что произошла нелепая ошибка, и я никогда не имел никаких дел с наркотиками, являясь политическим заключённым и националистом. Мои слова были потрачены впустую и даже спровоцировали одного из сотрудников с южной внешностью.

Надо честно признать, что моё физическое состояние в неволе оставляло желать лучшего. Постоянный стресс и нахождение в камерах, безрежимное питание, спёртый воздух крайне неблагоприятно отразились на состоянии моего здоровья. Это сейчас я вешу 85-90 килограмм, бегаю по 7 километров и относительно легко переношу физические нагрузки на тренировках и в полевых выездах. В 2007 году я был почти доходягой, практически не занимался спортом, и вследствие всего этого мой организм значительно ослаб.

После ряда сильных ударов в область солнечного сплетения я оказался на полу, и у меня остановилось дыхание. Я был в сознании, судорожно стремясь вдохнуть кислород, но ничего не получалось. Экзекуция прекратилась, как только сотрудники увидели, как изменился цвет моего лица.

Хотя в красных зонах часто убивают заключённых, но обычно это происходит случайно, а не намеренно. Правда, сложно назвать случайностью жестокие избиения зэков сотрудниками и активом, но всё же убийство арестанта никогда не является целью силового воздействия. Как правило, убийство зэка всегда заминается администрацией и не имеет никаких последствий для совершивших его сотрудников, и тем не менее единичные исключения, когда заводятся уголовные дела и сотрудники-убийцы отправляются под суд, побуждают руководство тюрем и колоний не доводить насилия над арестантами до смертоубийств, грозящих сотрудникам ФСИН проблемами с вышестоящим руководством и следственными органами.

Мне вызвали врача и больше не били. Когда я окончательно пришёл в себя, сотрудник отвёл меня через несколько лестниц и коридоров в ЕПКТ.

В крохотном дворике выполнял упражнения с гантелями крепкий молодой парень в камуфляжных штанах и форменной майке – дежурный по ешке.

- Лёша меня зовут, - сказал он, когда сопровождающий ушёл. – Давай посмотрим, что у тебя тут.

Он быстро обыскал меня и мой скромный багаж, не найдя ничего запрещённого, открыл дверь, ведущую в длинный коридор ЕПКТ. Стены коридора покрывал белый кафель, словно в медицинском учреждении, через каждые несколько метров стояли локалки – толстые металлические решётки до потолка с дверьми, также сваренными из решёток. Лёша открыл пустую камеру, и я вошёл. Год, назначенный мне для пребывания в едином помещении камерного типа, начался.

Устройство и режим ЕПКТ

ЕПКТ – это место для особо злостных нарушителей режима содержания в исправительных учреждениях. В документах УФСИН говорится, что задачей ЕПКТ является изоляция осужденных, активно противодействующих администрации. ЕПКТ в каждом регионе всего одно, и туда свозят нарушителей со всех окрестных зон. Ешка всегда находится на территории какого-нибудь лагеря, но полностью от него изолирована. Для наказания заключённых у администрации есть много возможностей – ШИЗО, СУС, ПКТ, поэтому в ешке обычно немного заключённых. Это самые опасные нарушители. В ИК-7, например, нас сидело в разных камерах, как правило, от трёх до пяти человек.

ЕПКТ в ИК-7 представляло собой маленькое одноэтажное здание, полностью отделённое от лагеря. Внутри – коридор, отделанный кафелем, и камеры по обеим его сторонам. Всего, кажется, не более десяти хат. В начале коридора помещения для дежурного сотрудника и небольшая кухня, за одной из дверей – душ, а в конце коридора прогулочные дворики.

В описываемое время в ЕПКТ делался ремонт, и мне удалось побывать как в камерах старого образца, так и в новых. Старые камеры были довольно мрачны.

Рассчитанные на двоих человек, они составляли не более шести квадратных метров жилой площади. Тёмные стены, унитаз-скала (причудливое творение отечественной сантехники), отделённый листом железа, древняя эмалированная раковина, нары, вмонтированные в стену и поднимаемые днём. Пол – бетонный, крашенный бурой краской, и шесть железобетонных «пеньков»: два - служащие опорой для нар, когда их опускают, и столами в дневное время, четыре поменьше – «стулья».

Это чёртовы пеньки доставляли огромное неудобство. Когда я не читал и не спал, я непрерывно ходил по камере, как заведённый. Ходьба помогала мне поддерживать тонус и силы, успокаивала психику, способствовала размышлениям. Но передвигаться по маленькому помещению, сплошь заставленному железобетонными столбиками – задача не из лёгких. Прежде чем я досконально изучил поверхность камеры так, что мог перемещаться по ней с закрытыми глазами, долгое время приходилось совершать прогулки, непрерывно смотря вниз, иначе я бы легко мог сломать себе ноги.

После меня перевели в свежотремонтированную камеру напротив. В ней стены были покрашены в приятный светло-зелёный цвет, посередине вместо пеньков стоял настоящий деревянный стол, а по бокам деревянные скамейки.

Минус новых камер – наличие видеонаблюдения. Современные технологии слежения в 2007 году пришли и в ИК-5. Чёрный глаз Большого Брата круглосуточно наблюдал за мной, и привыкнуть к этому оказалось непросто.

Свет не выключался ни днём, ни ночью и был ярок. С одной стороны, это являлось преимуществом, сравнительно с тёмными узилищами ШИЗО и ПКТ Металлостроя. Можно было читать, не рискуя испортить зрение, а я много читал. С противоположной стороны, я долго привыкал засыпать под бьющими в глаза лампами дневного света, стараясь с головой укрыться под коротким одеялом.

Камеры в ЕПКТ имели одну конструктивную особенность. Потолки шли не горизонтально, а под небольшим углом, так что в верхней части камеры у двери между стеной и потолком образовалась пятая грань, примерно около метра шириной. Открытая щель, перегороденная решёткой, вела на чердак здания, где посередине над коридором располагался проход, по которому иногда прогуливался дежурный инспектор, заглядывающий через неё в камеры. Контроль, тотальный контроль.

Окно. Оно всегда навевало на меня печаль. Узкий проём, наподобие средневековой бойницы, закрытый изнутри решёткой. Туда еле пролезала рука. Четыре стеклоблока шириной 15 сантиметров, пропускающие лишь свет, один из них вынут, и в крохотном отверстии ещё четыре прута решётки. А снаружи на расстоянии 25-30 сантиметров от окна стальной лист, укрепленный на торчащих из стены штырях, полностью перекрывающий обзор. Собственно, называть окном эту убогую, тройне отгороженную сталью отдушину, было просто нелепо.

Итак, я на год оказался заключён в одиночной камере в зоне строгого режима в ста метрах от Ладожского вокзала. Из чего состоял мой быт?

В пять утра (на час раньше зоны) происходил подъём. Инспектор открывал дверь, я выносил в коридор скрученный в рулон матрас с одеялом и подушкой, нары поднимались и пристёгивались к стене. Надо признаться, что так сложилось, что я с детства веду ночной образ жизни – ложусь под утро, а просыпаюсь днём, а иногда и глубоким вечером. Ночью я обычно пишу и читаю, в это время суток у меня заметно повышается активность мозга, просыпаются вдохновение и интеллект. И эти строки я пишу в 2016 году глубоко под утро. «Совиному» режиму я не изменил и в ЕПКТ.

В новой камере полы были деревянные, а батареи хорошо грели, поэтому после подъёма я спал до обеда прямо на полу, накрывшись большим банным полотенцем, используя в качестве подушки стопку книг.

Кормили в ЕПКТ отвратительно. В баланде, являвшей собой серую безкалорийную жижу, мяса в принципе не наблюдалось (только похожие на овечьи какашки куски сои), чай подавался несладкий, безвкусный и мутный, хлеб – сырой и отдающий дрожжами. Без дополнительного питания казалось легко, если не умереть от истощения, то, по крайней мере, исхудать и постоянно испытывать мучения от голода. При этом режим содержания в ЕПКТ разрешал получение только двух двадцатикилограммовых посылок в год.

От голода спасал магазин учреждения. Существовали какие-то официальные ограничения на число посещений магазина и сумму потраченных денег, но начальник ЕПКТ водил меня отовариваться раз в неделю, и я тратил столько денег, сколько мог себе позволить.

Местный магазин впечатляюще отличался в лучшую сторону от металлостроевского. Продавались не только консервы и всякого рода продукты питания длительного хранения типа макарон и сухих кондитерских изделий, там можно было купить практически всё то же, что и в нормальном вольном магазине. Я покупал тушёнку, сладкие прохладительные напитки, мороженое и овощи – помидоры, огурцы, картошку и т.д., колбасы, ветчину, сливочное масло и красную икру, свежую булку и хлеб, чай, кофе и сахар. Большая часть продуктов находилась прямо в камере – на специально прикреплённой к стене объёмистой полке. Что-то я отдавал старшине ЕПКТ на хранение в холодильник.

Большая проблема заключалась в отсутствии в камере розетки и электроприборов, а также ножа. Я не мог приготовить из купленных продуктов что-то горячее, не мог разрезать хлеб и колбасу для бутербродов. Тут помог старшина ешки – коренастый мужичок с красным лицом по имени Кузин.

Не знаю, за что Кузин сидел и какова его последующая судьба. В ЕПКТ кроме начальника он был фактически единственным легальным посредником между мной и окружающим миром. Через него решались все бытовые вопросы – по постельному белью, продуктам, вещам и т.д., его помощник – дневальный по

ЕПКТ, готовил из моих припасов и приносил горячие блюда – супы и второе. Ну а кипяток согласно режиму содержания давали во время каждого приёма пищи.

Начальника ЕПКТ звали Николай Николаевич Шиндин. Один из немногих сотрудников, о которых я сохранил благоприятное мнение. Он был предельно вежливым и по-военному чётким в словах и поступках и не совершал ничего преступного и неэтичного в отношении заключённых. Каждую неделю он водил меня в магазин и в библиотеку, откуда я неизменно возвращался с набитыми продуктами пакетами и стопками книг. Спустя много лет я встретил Шиндина в книжном «Буквоеде» на Невском, где он к тому времени работал в охране. Мы узнали друг друга, поздоровались и перекинулись парой слов, расставшись в дружелюбных отношениях.

Библиотека. Как много значит это слово для заключённого в одиночке. В маленькой ешке на Яблоневке не было отдельной библиотеки, и меня водили в общую зоновскую. Библиотека - большая комната с десятками шкафов, стоящих вдоль стен, а в них многие сотни и тысячи книг. В течение года одиночного заключения чтение являлось самым важным моим занятием, и если бы не книги, то сложно даже и представить, как я мог вынести это испытание.

Раз в день меня выводили на прогулку. Прогулочные дворики в ЕПКТ я и теперь вспоминаю как страшный сон. Они находились за дверью в конце коридора здания. Четыре маленьких помещения размером примерно два на два метра. Асфальтированный пол, стены и потолок из толстого листового металла. Вы не ослышались – в двориках на ешке был потолок. По сути, они представляли собой крохотные железные гаражи, где источником света являлось маленькое квадратное отверстие, вырезанное в потолке и закрытое тремя рядами решётки и стальной сетки. Даже в полдень, в самые солнечные дни в двориках царил полумрак, нельзя было увидеть ни неба, ни облаков.

Обычно в тюрьме прогулка всегда бодрит, тонизирует. Свежий воздух и солнечный свет после долгого нахождения в четырёх стенах оказывают благотворное воздействие на самочувствие и настроение, помогают воспрянуть духом и взбодриться. К прогулкам в ЕПКТ это никакого отношения не имело. Напротив, всякий раз оказавшись в полутёмном дворике, я невольно начинал депрессировать и на меня накатывались мрачные мысли.

Место, куда меня заточили враги, устроили таким образом, чтобы человек непрерывно страдал. И всё же я не давал плохому настроению захватить себя, много размышлял, ведя незримую интеллектуальную работу. Горе тому, кто в одиночном заключении будет жить одними простейшими инстинктами, не развивая интеллект. Моральная деградация – неизменная судьба такого человека. Тому же, у кого богатый внутренний мир, одиночка не страшна.

События в ЕПКТ

Сидя в крохотной камере с толстыми стенами, окружённый со всех сторон решётками, заборами и стальными щитами, большую часть времени проводишь в тишине и покое, и порой кажется, будто мир застыл и больше ничто никуда не движется - так тихо и статично всё вокруг. Основные события моих дней в одиночном заключении повторялись со стабильной периодичностью: подъёмы и отбои, завтраки, обеды и ужины, прогулки и помывки в душе, походы в библиотеку и в магазин. В общем, бесконечный «день сурка». Однако иногда незримая машина, управляющая событиями в ЕПКТ, вдруг давала сбой, и внезапно случалось нечто из ряда вон выходящее. Впрочем, любому выбивающемуся из колеи случаю стать экстраординарным казалось несложно, так как кроме указанного выше здесь вообще ничего не происходило. Перечислю вкратце то яркое, что запомнилось.

Самоубийство

В камере напротив сидел мужик, которого я в течение первых двух месяцев ни разу не видел. Вообще в ЕПКТ всё устроено так, чтобы сидельцы из разных камер как можно меньше где-либо пересекались друг с другом. Так я его никогда и не увидел. Только слышал иногда, как кто-то ходит на противоположной стороне коридора и знал, что там живёт человек.

Однажды рано утром во время подъёма в коридоре началась какая-то непонятная суета. Хлопали двери, топали ботинки, раздавались голоса. Оказалось, что сосед повесился на простыне, и открывший утром камеру сотрудник нашёл бездыханное холодное тело, висящее в дверном проёме. Реанимировать его оказалось уже поздно, и труп унесли для выдачи родственникам.

О покойном я знаю лишь то, что ему оставалось четыре месяца до свободы и большая загадка, почему он убил себя, чуть-чуть недотерпев до дня освобождения. Ну что ж, освободиться из неволи можно двумя способами: законно по звонку или досрочно – мёртвым. Он выбрал второй путь.

Почему люди кончают жизнь самоубийством? Ответ кажется очевидным. Психологические расстройства, жизненные неудачи, а иногда и болезни толкают людей к преждевременному выходу из земной борьбы за существование. Всё просто и ясно, и всё же каждый раз, когда это происходит, мы поражены, тем более, если самоубийство совершает наш ближний. Мы и сами, случается, смертельно устаём от вороха проблем и забот, нам всё начинает казаться опостылевшим, холодным и бессмысленным, и то ли играя, то ли шутя, задумываемся, не сойти ли нам с этого поезда, набравшего слишком стремительную для нас скорость. Но то игра, полёт воображения, на деле же вы живы, иначе не читали бы эти строки. А тот человек, мой сосед по ЕПКТ, взаправду умер, убив себя.

Всего страшнее самоубийства внезапные, когда ничто их не предвещает, когда человек живёт обычной жизнью, ведёт себя привычным образом, так что никто ни

о чём не подозревает, и нет никаких видимых причин для его добровольной смерти. И вот однажды ночью, утром, днём или вечером человек уединяется и сводит счёты с самим собой, не оставляя записок и объяснений, и никто не знает, какая драма разыгралась в его душе и почему он совершил последний свой поступок.

Наука многое знает о людях, о физиологии и психологии человека. Но есть вещи заведомо неизвестные нам, потому что они лежат за пределами человеческой жизни и некому о них рассказать. Феномен самоубийства относится к их числу. Мне доводилось читать странные тексты, рассказывающие о невыносимых болях, внезапно и непостижимо возникающих у людей, настолько сильных, что от них невозможно избавиться с помощью анестезии, и в доли секунды превращающих индивидуума в мечущееся от невыносимого страдания существо, одержимое одним только стремлением – остановить боль любым способом, даже путём прекращения своего существования. Существует ли нечто подобное в реальности - неизвестно, ибо среди живущих не осталось никого, кто бы мог рассказать о том, что за нестерпимая физическая или моральная боль сильнее инстинкта самосохранения, казалось, безраздельно властвующего над людьми.

Хотя быть может, в данном случае всё намного банальней. Неволя – это всегда тяжёлое испытание, и не каждый находит в себе силы, чтобы вынести этот крест. Потому число самоубийств среди заключённых высоко, и каждодневно армия мёртвых пополняется добровольно убившими себя арестантами. Нашли ли они облегчение, совершив самый сложный в жизни поступок? Того невозможно узнать.

Сумасшествие

В камере слева жил парень по имени Александр. Срок его составлял восемь или десять лет. Сидел он в одиночке, как и я. Однажды он сошёл с ума.

Обнаружилось это не сразу, ведь администрацию мало интересует здоровье и душевное самочувствие злостных нарушителей, отбывающих наказание в ЕПКТ. Для сотрудников зоны любой зэк - это, прежде всего, преступник, и никого не интересует физическое состояние заключённых. Сиди, соблюдай режим и помалкивай. Если находишься здесь - значит виновен, а раз виновен, то должен страдать.

Настоящих врачей среди сотрудников зон нет, в лучшем случае фельдшер, при любом недомогании дающий просроченный аспирин с анальгином. Чтобы попасть в больницу, нужно как минимум потерять способность ходить или впасть в кому. Больных арестантов подозревают в желании уклониться от тягот отбытия наказания и оказывают им реальную медицинскую помощь только в самых тяжелых случаях, когда человек порой находится уже на пороге смерти.

Саша сошёл с ума, и никому не было до этого дела. Симптомы были следующие. Во-первых, он совершенно перестал следить за собой. Перестал умываться по

утрам и чистить зубы, отказывался ходить в душ (а ведь душ полагался только один раз в неделю!), говоря, что чист, перестал менять постельное бельё и одежду. Во-вторых, он не убирался в камере, и комья катающейся от сквозняка по полу пыли росли, превращаясь в настоящее перекасти-поле, что было, наконец, замечено инспекторами.

Сашу пытались вразумить, да только к тому времени он уже оказался не способен коммуницировать с представителями человеческого рода. Он произносил некие знакомые слова, но в целом они не образовывали никакого смысла. Это был бредовый поток больного сознания, проявление болезни, называемой шизофазией, то есть речевой разорванности, бессвязности, разрушения структуры речи.

Иногда через дыру в потолке я слышал, как Саша разговаривал с инспекторами и старшиной ешки. Нёс откровенную околесицу про каких-то генералов ГУФСИН, Аль-Капоне, Жириновского, Путина, Христа, Обаму, о наркотиках, небесных телах, высшем образовании, теологии, открытии Америки, химии, казнях, Буэнос-Айресе, итальянском языке, сокровищах, зашифрованных посланиях и тайных знаках, монголо-татарах, ограблениях банков, заказных убийствах. Он говорил уверенно и напористо, постоянно требовал, чтобы его вызвали к начальнику лагеря для сообщения важной информации. Пару раз его водили, а после перестали вообще обращать на него какое-либо внимание.

Животные и встреча с Бойко

Кроме малого числа людей (начальник ЕПКТ, старшина, баландёр, трое инспекторов) я вступал в короткий контакт с ещё четырьмя живыми существами.

Под раковиной жил большой чёрный паук. Я в детстве недолюбливал пауков и даже боялся, а теперь, повинуюсь древнему суеверию, не стал убивать многоногого хищника, быстро перемещающегося по полу и стене. Паук мне казался представителем вида настолько чуждого людскому, что между нами невозможно ничего, кроме взаимного отторжения. И тем не менее я позволял ему существовать в моём жизненном пространстве. Он не причинял беспокойств, не покидая своего тёмного угла.

Однажды в окне, больше напоминающем маленькое вентиляционное отверстие, показалась голова котёнка. Его мордочка, украшенная двумя большими синими глазками, торчащими во все стороны белыми усами и маленьким чёрным носиком, просунулась между прутьев решётки, с любопытством глядя на меня. Я так удивился и обрадовался, что был вне себя от удовольствия и, как видите, даже запомнил этот маленький эпизод на долгие годы.

Котёнку было два-три месяца, и он занимался исследованием окружающего пространства, лазал по решёткам и крышам, проникая в места, недоступные людям. Для узника, черпавшего свежие впечатления исключительно из книг,

встреча с маленьким существом стала важным событием, после множество раз вспоминаемым через недели и месяцы.

Жила в ЕПКТ и не столь приятная серая длиннохвостая особь с острыми зубами и когтями. Речь идёт, разумеется, о крысе.

Крыса жила где-то внизу, в подвальных помещениях. Её транспортной системой являлась канализация, из дыры в туалете она попадала в камеры, рыская в поисках пищи. Зловонное, мерзкое создание.

Чтобы обезопасить от грызуна продукты, я набирал в двухлитровую пластмассовую бутылку и затыкал ей туалет. Но она научилась прогрызать дно в бутылке, и, когда вода выливалась, выбивала её из отверстия.

Когда я бодрствовал, крысы можно было не опасаться, но лишь стоило закрыть глаза, как отвратительная тварь устремлялась в мою камеру, привлекаемая запахом хранимой мною вкусной еды.

И наконец, четвёртое существо, столь же милое, как и котёнок, хотя и непримиримое с кошачьим племенем.

У туалета, между его бетонным основанием и досками пола, находилась небольшая щель. Через неё меня иногда посещала маленькая мышка с белым пятнышком на боку. Когда она приходила, я чувствовал себя героем фильма «Зелёная миля», хотя и не смог полностью приручить её.

Наличие пятна свидетельствовало о том, что в роду у мышки помимо диких полёвок присутствовали и представители декоративной домашней мышины породы. Видимо, вследствие того у неё был покладистый характер, хотя как типичная женщина, она всего боялась и обращалась в бегство при каждом моём резком движении.

Однажды начальник ЕПКТ вывел меня из камеры, сообщив, что некто желает со мной поговорить. Он отвёл меня по лестнице в маленькую комнату в штабе, где я увидел того, о ком стал уже забывать. Георгий Бойко.

Это проходимец, впоследствии осужденный преступник, укравший деньги на обыске, изобличённый и отправленный на спецзону для бывших сотрудников полиции, умудрился к 2008 году дослужиться до звания майора и занять должность старшего оперативника по особо важным делам. Мы очень недолго поговорили; не знаю, зачем он вообще приходил. Возможно, ему доставляло удовольствие лицезреть меня в робе и вообще в неволе.

Помню, разговор зашёл о его книге «Неприрождённые убийцы», прочитанной мной ещё на Металке. Бойко оживился, услышав, что я читал её.

- Многое из написанного там обо мне и о событиях в целом абсолютно не соответствует действительности, - сказал я ему.

- Ну, напиши тогда свою книгу, с собственной версией происходивших событий, - парировал Бойко.

- Напишу, обязательно.

Так у меня впервые возникла идея о том, что я мог бы написать книгу. Хорошо подумав, я решил создать тюремные мемуары и даже составил некоторый план возможных глав. Забавная ситуация – пока я отбывал наказание, Бойко написал обо мне книгу (примерно первые сто страниц посвящены мне и группе, которую я возглавлял), а когда я освободился, то сам написал книгу, где упоминался и Бойко, сам сидевший в то время в тюрьме.

Вернувшись в камеру, я услышал по радио о беспорядках в ИК-5. Заключённые взбунтовались и напали на сотрудников и активистов. Поводом стало избиение каких-то зэков в ШИЗО. Толпа штурмовала здание изолятора, а инспектора вместе с проверяющими из главка закрылись в петушиную камеру и держали там оборону. Началось всеобщее восстание. Активисты прятались от расправы на крыше оперчасти, а один даже залез в цистерну ассенизаторской машины.

Бунт бессмысленный и беспощадный продолжался недолго. Из всех соседних регионов в Металлострой пригнали отряды спецназа, и началось усмирение восставших. По рассказам, действовали спецназовцы очень жестоко. Если бунтовщики не только никого не убили, но даже толком и не избили, то сотрудники ГУФСИН затопили лагерь в крови. Быстро подавив слабое сопротивление заключённых, всех собрали на плацу, где поставили на корточки на долгие часы. Всё это время продолжались избиения резиновыми палками безоружных и беззащитных. Сотни лишились здоровья, несколько человек умерли позже в этапах. Блатных и грузин, активных участников бунта, автозаками и далее поездами вывозили в красные лагеря в другие регионы. Хотя активистов миновала участь избиений и унижений, режим в лагере поменялся, наступила эпоха бесправия и насилия. Спустя полгода сторожей истребили как класс, а за мобильный телефон легко могли отправить в петушатник. 100% заключённых работали, все жили исключительно в жилке в бараках, любые нарушения режима наказывались причинением физической боли, а о свободе перемещения оставалось только мечтать.

Таковы превратности судьбы – никогда не знаешь, что ждёт тебя завтра, где поджидают беды, а где успех. Когда по обвинению в мнимом терроризме меня сняли с должности и посадили в ШИЗО, мне казалось, что рухнул весь построенный мной в заключении мир и в жизни наступила чёрная полоса. Однако останься я в лагере, и неизвестно, как вообще сложилась бы моя дальнейшая жизнь. Факт в том, что в любом случае я бы лишился всего и, вероятно, с ещё большими потерями. В разгар бунта меня могли и прикончить под шумок мстительные грузины, а квартиру в третьем цеху я потерял бы всё равно. Зато попав в ЕПКТ, я переждал в тиши камеры безумства восстания и его подавления, проведя с пользой высвободившееся время.

Вселенная книг

Часто узники, говоря о тюрьме, называют её подводной лодкой, а заключение – глубоким погружением на дно. Встречаются и сравнения с полётом на Марс и вообще с космическими путешествиями. Аналогии эти достаточно верны. Словно астронавты, долгими месяцами замкнутые в тесной кабине звездолёта, на скудном пайке, с редкими сеансами связи с родными, находящимися где-то невероятно далеко, сидельцы прочно изолированы от окружающего мира.

Во время моего пребывания в ЕПКТ это относилось ко мне в высшей степени. Одинокaя камера, со всех сторон закрытая стенами, решётками, локалками, стальными щитами и металлической сеткой. Вечный день сурка, попадание во временную петлю, то есть в повторение изо дня в день одних и тех же событий.

Редкий звук донесётся в камеру извне, и кажется, будто она то ли лежит на дне мирового океана под невообразимой толщей воды, скрывающей звуки и движения, то ли бесшумно скользит в космическом пространстве, пустом на многие парсеки вокруг.

Не было ни телефона, ни близких людей рядом; я лишился основных занятий, к которым привык за четыре года заключения. Следовало перестроить жизнь, наполнив её чем-то, что я ещё не вполне нашёл среди этих стен.

Меня досаждали неотвязные воспоминания и грёзы. Воспоминания всегда преследуют человека, иногда приятные, а порою становящиеся навязчивыми. Жить одними воспоминаниями невозможно, потому что прошлое не изменить и, просматривая раз за разом по кругу одни и те же картины из минувшей жизни, невозможно вырваться из него, чтобы жить дальше. Грёзы же бесплодны и ввергают разум в пучину безумия. Мне нужно было любой ценой сохранить личность, не дав ей стать пленником воздушных замков сознания.

Одинокое заключение не страшно людям с богатым внутренним миром, однако мыслительная активность требует постоянной подпитки в виде новой информации и впечатлений. В изоляции их источником для меня стали книги. Они буквально спасли мою психику, а возможно, и жизнь.

Раз в неделю приходил начальник ЕПКТ Шиндин, и мы отправлялись в библиотеку. Обычно я брал 6-10 книг и прочитывал их за семь дней.

В сущности, я читал почти весь день, прерываясь только на приём пищи, уборку камеры и прогулку. Также я периодически останавливал чтение и ходил по комнате, осмысляя прочитанное.

У меня было очень много свободного времени и был доступ к различным интересным книгам. Можно сказать, что в течение года одиночного заключения в ЕПКТ я получил замечательное гуманитарное образование. За год одиночки я перечитал все основные произведения русской классической литературы и ликвидировал существовавшие в её отношении пробелы, лучше узнал английскую

и французскую художественную литературу, получил глубокие знания об античности.

Я прочитывал в среднем одну книгу в день, и не хватило бы и листа, чтобы перечислить одни названия всех прочитанных произведения. Поэтому вкратце расскажу об авторах, чьё творчество оказывало на меня значительное влияние в тот год.

Я много читал и перечитывал Пушкина, проникаясь всё большим благоговением к гению великого русского поэта и прозаика. И теперь томик стихов и повестей Александра Сергеевича – моё любимое чтение и осязаемый эталон русского языка.

Книги Достоевского, на мой взгляд, тяжелы, и после них в душе бурлят сложные мысли и образы. Но всё же, опыт чтения его книг очень важен, и многие дни я отдал изучению его великого наследия.

Набоков – великий мастер русского слова. Бунин ругал его за бессодержательность, и в этом был резон, поскольку тот далеко отошёл от русской писательской традиции, связанной с поиском Бога, нравственности, правды. Однако сила произведений Набокова велика, а язык поистине волшебен. Я зачитывался русской прозой Набокова, ставя его в один ряд с выдающимися авторами, обладавшими безукоризненным стилем и мастерством используемых языковых приёмов – Пушкиным, Толстым, Чеховым, Куприным и тем же Буниным.

Неподражаемая выпуклая набоковская письменная речь, оживающая в момент чтения, волшебным образом переносила меня из крохотной камеры туда, где созданная творческой силой писателя, развивалась фабула его произведений.

Я осилил почти всю «Человеческую комедию» Бальзака – огромный труд, детально описывавший современное ему французское общество. Читал и других знаменитых французов: Вольтера, Рабле, Гюго, Дюма, де Сада, де Кюстина, Мопассана, Франса, Золя, Саган и других, лучше узнавая одну из величайших национальных литератур Европы, оказавшую огромное влияние на ход развития писательского искусства всего мира.

В тот год я полюбил английских авторов. Раньше я был знаком со Свифтом, Диккенсом и КонанДойлем, теперь же узнал Сомерсета Моэма, Лоуренса и Голсуорси. Оруэлл, которого я читал и раньше, в заключении мне стал близок настолько, насколько я понимаю собственные книги, то есть безмерно глубоко.

На полке в библиотеке мне однажды попалось необычное издание Академии наук – письма древнеримского деятеля Плиния Младшего. Вникнув в переводной текст, я был поражён. Передо мной возник живой человек, с ясными мыслями, характером и устремлениями, живший почти две тысячи лет назад, но при этом совершенно понятный, близкий и симпатичный, несмотря на чудовищную разницу во времени и принадлежность к иной, ныне погибшей цивилизации. Я

заинтересовался античностью и на протяжении последующих двенадцати лет сохранил и развил в себе этот интерес.

В одиночной камере зоны, стоящей у Ладожского вокзала, я впервые познакомился с Кафкой и осознал сродство тревожного абсурда, пронизывающего его книги, с режимом и условиями содержания в ЕПКТ, с теми ощущениями, которые я по-настоящему испытывал. Болезненность книг Кафки можно списать на его слабое здоровье, но мне думается, что он постиг глубокую и простую правду, открывающуюся перед человеком лишь в минуты великой боли и беспредельного отчаяния.

Из книг я черпал многое: и возбуждающие интерес рассказы о взаимоотношениях людей, и описания рефлексии человеческих существ, и исторические данные, и философские вопросы, поднимаемые перед людьми каждой новой эпохой, и глубокие эстетические переживания. Чтение хорошей книги - это всегда незабываемое путешествие в мир, созданный фантазией писателя, расширяющий горизонты сознания опыт, значение которого бесценно для развития личности.

От литературы я пришёл к изучению истории. Меня стали горячо интересовать события прошлого – прежде всего в Европе. Сложно точно указать временные рамки моих исследований – это в первую очередь эпоха античности и 19-20 века нашей эры, но также и время Ренессанса, и раннее средневековье. Мне всегда хотелось иметь чёткое понимание событий, происходящих в родной стране, а оно невозможно без детального знания истории, и я упорно читал всё, что могло мне пролить на неё свет: воспоминания выдающихся деятелей, документы, публицистику, научные исследования по отдельным темам.

Снаружи бурлила жизнь, менялись времена года, умирали и рождались люди, летели в небе самолёты, стучали колёсами по рельсам поезда, происходили дипломатические конфликты и политические кризисы, парни встречались с девчонками, вода текла с неба, просачивалась сквозь землю и, присоединяясь к руслам могучих рек, уходила в океан, чтобы, нагреваемая лучами солнца, она испарилась и вновь пролилась на землю, а в маленькой камере, надёжно обособленной от мира, человек в грубой чёрной робе, обложенный книгами, провёл в одиночестве целый год, читая и размышляя о вещах, которые мог лишь представлять в воображении.

Выбирая в библиотеке новые книги, я никогда не брал ни детективов, ни прочего бульварного чтива, сознательно читая произведения только самых известных классических авторов, произведения которых могли что-то дать для моего развития. Именно тогда я окончательно склонился душой к ортодоксальной классической литературе. Я считаю, что современные авторы слабы и несовершенны по сравнению с классическими. Можно почитать Берроуза или Уэлша, цепляющих эпатажем, но ничего глубокого обнаружить в их поделках нельзя. Потому и слабы переживания, вызываемые их сочинениями; они в большей степени талантливые ремесленники, а не подлинные творцы. За редким

исключением, современные писатели мне неизвестны, я не понимаю их и не способен читать их тексты так, чтобы получать от них удовольствие.

Я читал запойно и в то же время, подобно дегустатору вин, смаковал послевкусие от книг, находясь в условиях, позволяющих максимально абстрагироваться от всех других внешних воздействий и оценить чистое влияние прочитанного текста на собственные мыслительные процессы.

Я прочитывал книгу и некоторое время внимательно прислушивался к внутренней музыке и мыслям, к эмоциональному состоянию, настроению, короче говоря, ко всем изменениям, произошедшим во мне после чтения.

Когда я читал Достоевского, то после в голове раздавался шум, какофония многих голосов и даже могла начаться мигрень. Так мозг реагировал на сложное творчество Фёдора Михайловича. Зато после чтения Набокова или Куприна душа словно воспаряла, танцуя от лёгкости и красоты.

Также я читал и научную литературу, книги по астрофизике и астрономии, футурологии, философии. Моё прошлое научно-техническое образование отличалось всеобъемлющей недостаточностью, в отношении физического устройства предметов и явлений я был полным профаном, и, видимо, в значительной степени остался им и до сих пор.

Величие космоса я постигал не через математические характеристики и анализ, а путём эстетического восприятия вселенной как единого целого. Космос потряс меня, вернее это стало результатом долгих мыслей о нём, ранее почему-то даже не приходивших мне в голову. В масштабах бесконечного мироздания наша человеческая цивилизация и тем более собственная скромная судьба казались микроскопическими величинами, близкими к нулю, и, тем не менее, мысли эти не приводили к депрессии, а зачаровывали и успокаивали. К чему волнения и тревоги, если мы лишь песчинки в неисчерпаемом пространстве?

В процессе получения и освоения новых знаний я буквально чувствовал, как с каждым новым днём меняюсь, как моё мышление становится иным, как развивается мой интеллект, изменяется сознание.

Система поместила меня сюда в качестве наказания, я же превратил его в ретрит, в очищающую практику, духовно воспаряя в тишине и сосредоточении, ежесекундно внутренне преображаясь и обретая внутреннюю свободу. Парадоксально – свобода считается в современном обществе абсолютной самоценностью, но внешне свободный человек, закрученный водоворотом социальных отношений и потребления, крепко зафиксированный цепями экономического принуждения, с трудом может найти время и силы для глубоко самообразования и отвлечённых размышлений, развивающих личность. И только лишившись свободы, я полностью реализовал эту возможность.

Годовое одиночное заключение стало, возможно, самым ценным опытом моей жизни.

Садисты в погонах

Царящее в ЕПКТ размеренное спокойствие эпизодически нарушала тревога, вызываемая визитами в учреждение проверяющих Главного Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Санкт-Петербургу. Назову их фамилии: Евгений Петров, Ростислав Балоболко, Вячеслав Типпель, Евгений Бычков, Александр Долгополый. Все они на тот момент являлись подполковниками и полковниками внутренней службы, заместителями начальника петербургского ГУ ФСИН генерала Маленчука.

Как только проверяющие входили в зону, все сотрудники по рации получали сигнал, и весть мгновенно облетала лагерь.

Нет хуже для зэков и простых инспекторов, чем проверка высших инстанций, установившая какое-либо нарушение. Можно и с работы вылететь или потерять премию, а арестант может вообще потерять всё достигнутое им с большим трудом. Могут снять с хорошей должности, перевести из рабочего отряда в нерабочий, посадить в ШИЗО, избить по полусмерти или отправить в петушатник. Поэтому, получив сигнал о заходе проверяющих в лагерь, всё зоновское население внутренне напрягается, начиная разыгрывать подбострастный спектакль абсолютного соблюдения всех правил распорядка.

Но визиты вышеуказанных высокопоставленных сотрудников российской тюремной системы уже сами по себе несли для заключённых большую опасность. Дело в том, что они являлись прямыми продолжателями дела палачей ГУЛАГа и считали для себя совершенно нормальным за пределами жестоко обращаться с зэка, подвергая их изощрённому насилию.

Садистами в погонах двигали вполне прагматические соображения, и они создали в регионе пыточный конвейер, приносящий своим создателям хороший доход. По сути, они ввели в исправительных учреждениях правило выкупа, когда родственники осужденных под угрозой применения насилия к их родным, обязывались отдавать банде полковников огромные деньги. При этом расправы над заключёнными записывались на видео и демонстрировались тем, кто отказывался платить.

Каким образом патологические садисты и преступники дослужились до высоких званий и чинов – вопрос к государству в целом.

Время от времени государственные садисты совершали преступления чисто ради разрядки и для получения удовольствия. Просто им нравилось мучить людей, доставляло удовольствие издеваться над беззащитными, лишать их человеческого достоинства, причинять боль. В таких случаях жертвами подонков становились в большей части арестанты, содержащиеся в строгих условиях содержания, помещениях камерного типа и штрафных изоляторах. За толстыми

дверьми и стенами можно долго и обстоятельно заниматься пытками почти незаметно для окружающего мира.

Думаю, теперь вам понятно, почему я с тревогой воспринимал каждый сигнал о посещении ИК-7 проверяющими. Хотя я и не был черноходом, а ломали в красных зонах, прежде всего их, перспектива стать жертвой полоумных садистов совсем не радовала. Я сидел в камере и не имел никакой возможности защитить себя. Ведь сопротивляться против пяти-шести вооружённых дубинками и электрошокерами нападающих в тесном помещении, без каких-либо средств самообороны весьма проблематично. Убийства и изнасилования арестантов были для этих нелюдей обычным делом, и мысли об этом отравляли моё и без того не самое приятное существование.

Чаша сия по счастью минула меня, но ущерб, нанесённый моей нервной системе, вряд ли можно оценить.

В 2011 году бывшие руководящие сотрудники ГУ ФСИН по Санкт-Петербургу и области Балоболко, Типпель, Долгополый, Бычков, Петров и другие были признаны виновными в изнасиловании заключённого и вымогательствах, лишены званий и приговорены к различным срокам заключения с лишением права занимать руководящие должности в системе исполнения наказаний.

Заключение

Меня часто спрашивают, как вести себя в тюрьме, какие провокации возможны со стороны сотрудников, какое отношение к националистам? Понятное беспокойство, понятные вопросы, но я бы поставил во главу угла другое.

Во-первых, неволя не прибавляет молодости. Когда тебе до тридцати, ты веселишься, любишь и каждое мгновение постигаешь мир, даже не представляя скоротечности лет. Молодость никогда не возвращается, а если её забирает тюрьма, то можно сказать, что ты и не жил, бессмысленно потратив лучшие годы.

Во-вторых, тюрьма не прибавляет здоровья. Постоянное нахождение в четырёх стенах, в сырых непроветриваемых холодных помещениях негативно влияет на организм человека. Начинают появляться разные болячки, и как бы ни были крепки здоровье и иммунитет, удар по ним тюрьма наносит сокрушительный, отзывающийся далее в течение всей жизни.

В-третьих, в неволе почти невозможно сохранить личное достоинство, всё создано для того, чтобы лишить человека самоуважения. Тюрьмы прошлых веков, несмотря на бедность быта и общую техническую отсталость, были куда гуманнее нынешних, ибо не ставили целью порабощение личности заключённого. Сейчас всё подчинено именно этой цели: одежда, условия содержания, правила, требования, издевательский режим. Государство не ограничивается простой изоляцией преступника, оно желает полностью растоптать его личность. Конечным результатом исправительного эксперимента может являться лишь

полное уничтожение нервной системы и появление на свет существа с вытравленным чувствами, вовсе не исправленного и улучшенного, а наоборот, на всю жизнь морально покалеченного.

Это то, что касается красных зон и тюрем, но противоположные, такие как ИК-5 в посёлке Металлострой, оставляют в душе не менее жуткую рану.

Бывают вещи, которые происходят, потому что они должны происходить. Никто не задаётся вопросом, зачем в нашей стране существуют суды, уголовный кодекс и система пенитенциарных учреждений. И зря, ведь речь идёт о судьбах людей, и если государство вмешивается в ход человеческих жизней, то это должно преследовать понятные и разумные цели. В советские времена считалось, будто уголовные наказания направлены на изоляцию асоциальных элементов от общества и одновременно на их исправление. Таким путём предполагалось защитить общество от преступности, восстановить социальную справедливость и профилировать рецидив преступлений. Если посмотреть на деятельность современных российских исправительных учреждений, с которой в течение шести лет я сталкивался лично, то говорить об её большой эффективности в деле улучшения людей не приходится. Исправления не происходит и наоборот, всё организовано таким образом, что большая часть преступников, прошедших через данные учреждения, лишь укореняется во зле и социально неприемлемых моделях поведения. Поэтому бичом нашей страны является так называемая «вторичная», или «повторная», преступность, когда человек, отбывший наказание, раз за разом вновь попадает в места не столь отдалённые, становясь рецидивистом.

Положа руку на сердце, скажу, что шесть лет тюрьмы повлияли на меня не только в худшую сторону, но это состоялось не благодаря воспитательному воздействию системы, а лишь вопреки тем условиям, в которые я был помещён. Меня спасли такие качества характера, как упрямство, повышенная сопротивляемость внешним влияниям, стремление идти наперекор окружающей среде и, конечно, наличие правильной системы ценностей.

В тюрьмах и лагерях я видел, как деформируются личности попавших туда бедняг, наполняясь такой злобой и презрением к закону, к обществу, к государству, какой до того в них совершенно и не было. То есть система вместо исправления и улучшения укрепляет в людях дурные качества, превращая их в озлобленных нигилистов.

Можно сказать, что тюрьмы выполняют задачу изоляции преступников от общества, но какой ценой? Поскольку внешние предпосылки существования социального феномена преступности не устраняются, поток новых постояльцев пенитенциарных учреждений не иссякает; те же, кто уже был здесь, проникнувшись духом уголовного мира, возвращаются в эти стены вновь, как в родной дом, проводя здесь большую часть своих жизней.

Система заточена под насилие, и мало какой обыватель не одобрит жестокое отношение к преступникам. Однако результатом подобных воздействий является

нивелирование ценности человеческой жизни, как у заключённых, так и у сотрудников, общая моральная деградация, проникающая в итоге и в коллективное сознание свободного мира, в наши дни предельно криминализированного. Лишь единицы, подвергнувшись государственному насилию, проникаются гуманизмом и начинают ценить право личности на счастье, большинство же ожесточается и начинает воспринимать жестокость как правомерную поведенческую модель. И зло, несправедливости, таким образом, умножаются, а не искореняются на Земле.

Зачем меня поместили сюда? – Этим вопросом не раз я задавался, находясь в тюрьме, и никогда не находил однозначного ответа. - Изоляция от общества с целью снизить градус накала уличной борьбы с иностранцами? - Жизнь показала, что после моего ареста уличное насилие только активизировалось, приобретя невиданные ранее масштабы. - Борьба с ростом национальной нетерпимости в обществе путём устранения одного из её идейных лидеров? – Но свято место не бывает пустым, и моментально появились новые лидеры, а этнокультурный конфликт, имеющий глубокие социальные основания, никуда не делся. – Государственный заказ на проведение образцово-показательного процесса, чтобы напугать моих продолжателей и сторонников? – Возможно, только на практике никто не испугался, продолжая борьбу до конца. И появились новые всё более радикализирующиеся поколения.

Возможно, что какой-то мстительный иностранец, прочитав эту книгу, усмехнётся и скажет, дескать, так и надо тебе, и все твои страдания - это ответ на неприятности, причинённые единоплеменникам. Что ж, от меня не убудет и, отсидев назначенный срок до последнего дня, я извлёк и из него полезный опыт и не озлобился, не ожесточился.

Так произошло, потому что должно было произойти, и я ни на кого не в обиде. Но бессмысленность системы, познанная мною изнутри, наводит на печальные мысли об общем состоянии государственных институтов, действующих исключительно по инерции, без чётких стратегических целей и без плана. Российское государство похоже на корабль, плывущий в темноте неизвестно куда. «Русь, куда ж несешься ты? дай ответ» - вопрошал некогда Гоголь, но и спустя полтора века мы не знаем ответа.

Задаваться вопросами о сути окружающих нас вещей, включая проблему пенитенциарных учреждений, нужно. В противном случае наш корабль однажды может разбиться о скалы так, что не останется не только ничего плохого, ненавидимого нами, но и то, что мы искренне любим и ценим, вдруг внезапно погибнет, и мы окажемся одни, беззащитные перед суровыми волнами окружившего нас чёрного хаоса.

Автор просит присылать ему отзывы о произведении на dima_piter@mail.ru.